ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

Я. ПОРОХИН, В. РУБЛЕВ

КРЕПОСТЬ НЕ СДАЕТСЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Яркую страницу из истории революционного прошлого Копейска раскрывает книга Я. М. Порохина и В. Ф. Рублева «Крепость не сдается».

На протяжении ряда лет, начиная с 1956 года, краевед Я. М. Порохин упорной кропотливо собирал материал о борьбе копейчан против колчаковского засилья (1918—1919 гг.). Свыше 100 воспоминаний непосредственных участников борьбы в тяжелые годы подполья бережно обобщены и систематизированы авторами. Так в основу книги был положен большой фактический материал, архивные документы и воспоминания участников описываемых событий.

Книга рассчитана на историков, краеведов и всех, кто интересуется революционным прошлым родного края.

- Крепость не сдается
  -
  - НАКАНУНЕ
  - СВЕРШИЛОСЬ!
  - ТУЧИ НАД КОПЯМИ
  - ПОДПОЛЬЕ ДЕЙСТВУЕТ
  - ОПАСНОСТЬ РЯДОМ
  - КРЕПОСТЬ НЕ СДАЕТСЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

○ 19

Крепость не сдается

Я. ПОРОХИН, В. РУБЛЕВ

КРЕПОСТЬ НЕ СДАЕТСЯ

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕЛЯБИНСК·1969

Героическим борцам за установление Советской власти в Копейске посвящаем

Авторы

НАКАНУНЕ

1

За железнодорожным постом пятого километра начинается густой березовый лес. Мерно постукивают на стыках рельсов колеса вагонов. И это навевает на Леонида Горшкова думы, думы, думы. Остро пахнет прелой листвой, уже лопнувшими березовыми почками. Весна идет по встревоженной земле.

«Неужели и теперь, после революции, плохо будут жить бедняки? — размышляет Леонид. — Сытые морды так и остались сытыми, только бантики красные кое-кто из них нацепил. Эх, быстрей бы до копей добраться. Как там наши?».

Паровоз идет медленно. Вот показались вдали невысокие терриконы и копры шахт. Возле них приютились длинные серые жилые бараки, белолобые низкие землянки.

Гулко забилось сердце Леонида, едва он спрыгнул на землю. Целый год не был солдат на родине. Хотя было ему девятнадцать лет, он успел хлебнуть всего, что приносит простому люду война. Окопы и смертоносный свинец, ранение и три месяца госпиталя в

Питере. И вот они, родные места! То и дело оглядываясь, он зашагал к лесопилке. Возле барака, на завалинке, сидел молодой парень и пощипывал струны балалайки. Русые длинные волосы его то и дело спадали на лоб, мешая смотреть на лады, и парень откидывал их назад спокойным движением головы.

«Володька! Вдовин!?» — едва не вскрикнул Леонид, осторожно подходя к игроку. Это просто чудесно: встретить первым на копях закадычного дружка, с которым рос вместе с детских лет.

— Шел по улице камаринский… — басом вдруг запел Леонид в такт балалайке, и Володя, вздрогнув, вскочил:

— Фу, ты, черт! — воскликнул он, узнав Горшкова. — Живой, значит? А у нас разное болтали про тебя. Убили, говорят.

— Пробовали, — засмеялся Леонид, обнимая друга. — Да живуч оказался. Ну, что нового?

— Узнаю Лешку-непоседу, — кивнул Володя, — Еще на порог не ступил, а новости уже выкладывай ему. Поживешь — сам все узнаешь.

Но от Леонида не так-то просто отделаться. Издавна за ним укрепилась слава вожака молодежи. По поручению революционных рабочих он не только распространял политическую литературу, но и читал ее шахтерам. И Володя сообщил ему:

— Разная контра в Советах еще держится, но сила на копях сейчас за большевиками. Их возглавляют Степан Голубцов, Евстигней Егоров, Никита Ряшин, Иван Стряпунин, Леопольд Гольц, Иван Колечкин, Дмитрий Бойцов…

— Постой, постой… — оживляется Леонид. — А кто такой Бойцов?

— Помнишь, в пятнадцатом году на Кыштымских копях на маевке выступал? Он первый у нас узнал о том, что царю Николашке каюк, и на своих копях организовал Совет рабочих депутатов. А месяца полтора назад и на Ашанинских копях собрал митинг, рассказал о Временном правительстве, посоветовал, кого избирать в Совет.

Володя рассказал другу о приезде на копи Первого мая Евдокима Лукьяновича Васенко, заместителя председателя Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов.

— В общем, дела, Леха, идут. А что ж ты о главном-то своем не спрашиваешь?

Он с улыбкой глянул на Леонида. Тот покраснел.

— Ждет она тебя, Клава-то. Кисет сшила с лентами и кружевами, аж завидки берут.

— Ладно, ладно. А где мой вражина, инженер Креминский?

Оба друга засмеялись. Случилось как-то однажды, что Горшков, возвращаясь с работы, не успел снять шапку перед инженером Креминским, широко известным среди шахтеров своей жестокостью. Рявкнул на Леонида Креминский и ударил по спине тростью. Не стерпел обиды Горшков, выхватил трость у инженера и крепко отдубасил того. Креминский доложил об этом уряднику и управляющему копей. Суд был скор — восемнадцатилетнего Горшкова отправили на фронт.

— Заходи вечерком, — предложил Леонид другу. — Газета «Правда», где Апрельские тезисы Ленина напечатаны, есть у меня.

— Слыхал. Евдоким Лукьянович привозил газету из Челябинска.

— Я многое понял на фронте, Володя. Сидеть сложа руки теперь нельзя. Видел хороших людей, и поступать так, как я поступил с Креминским, сам не стану и друзьям не посоветую.

2

Нежаркое весеннее солнце высоко поднялось над крышами, ударило лучами в окна барака, где жила семья Горшковых. Леонид ощутил на лице ласковую теплоту, открыл глаза и сразу же закрыл их, ослепленный ярким солнечным светом.

Голова слегка побаливала после дороги. Леонид зачерпнул в ковш холодной воды, вылил в умывальник и долго плескал на лицо и шею, пока не почувствовал привычной бодрости.

Еще вчера секретарь партийной ячейки Степан Викторович Голубцов приглашал Леонида зайти в Совет. Хотел посоветоваться с коммунистами, куда Горшкова определить работать.

С. В. Голубцов.

В помещении Совета рабочих депутатов Сергинско-Уфалейских копей[1] многолюдно. Кузнец Евстигней Егоров, председатель Совета, встал из-за стола и шагнул с протянутой рукой навстречу Горшкову.

— С приездом, Леня! Сказывал Голубцов, что вернулся ты, — Егоров улыбнулся ласково. — Решили мы, что работать ты будешь на шахте по-прежнему машинистом подъема. Развернешь работу среди молодежи. Для начала расскажи, что нового в Питере?

Вместо ответа Леонид протянул Егорову газету «Правда». Едва взглянув на текст, председатель Совета обрадованно воскликнул:

— Что же ты об этом Голубцову не сказал?

— Подарок хотел приберечь, — не без удовольствия заметил Леонид, но Егоров уже обернулся к присутствующим:

— Товарищи! Вот они, ленинские слова. Они вооружают нас конкретным планом борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической, за передачу всей власти Советам. Каждый из нас уже знаком с тезисами, но эта газета нам особенно дорога. Она привезена уральским шахтером из самого Петрограда.

Газета пошла по рукам. И никто не заметил, как в комнату вошел мужчина в добротном полувоенном костюме и серой кепке.

Он рыщущим взглядом окинул лица шахтеров, долго смотрел на Егорова, занятого разговором с Леонидом, потом шагнул к столу.

— Вам пуховые шали не нужны? — спросил он у Егорова. — Женам шахтеров, дочерям. Согласен поменять и на продукты, и на уголек.

— А ты кто таков? — резко обернулся к нему член Совета Никита Ряшин.

— Гражданин свободной России, — с легкой улыбочкой, спокойно ответил незнакомец. — Впрочем, не хотите, я не навязываюсь, — быстро сказал он.

— Катись-ка ты, гражданин свободной России, со своими шалями знаешь куда? — зло заметил Никита Ряшин. — Ходят тут всякие, вынюхивают. Знаем вас, контриков.

— Ну, ну, Никита, — примирительно пробасил Егоров. — Авось кому и впрямь шалей надо…

— Так пусть по домам и ходит, а в Совет нечего лезть, — нахмурился Ряшин.

Мужчина покорно согласился:

— Извиняйте, оно и вправду по домам-то лучше будет, — и исчез за дверью.

Председатель Совета досмотрел на Никиту Ряшина, потом сказал:

— А прав ты, Никита. Чего ему с шалями-то лезть в Совет? Ну-ка, верните его, проверим, что за птица.

А мужчина в серой кепке (это был К. В. Норенберг), скрывшись из Совета, отыскал барак, где жил меньшевик Иван Долгодворов. Хозяина он застал дома.

— Мне надо срочно возвращаться в Челябинск, — начал Норенберг. — Слушайте меня внимательно. На копях готовится общее собрание. От нас на это собрание командируется комиссар труда Самодуров. Окажите здесь ему всяческую поддержку. Уразумели?

— Ясно, что тут не понять, — засопел Долгодворов. — Кое с кем из приятелей переговорю. Трудненько стало, шахтеры так и прут за большевиками. Оно и ясно: голытьба голытьбу видит за версту. Деньжат бы надо. Подпоить там кой-кого и вообще.

— Хм! Это не предусмотрено, — пожал плечами Норенберг. — Впрочем, из своих запасов дам. Самодуров призовет шахтеров отчислить с каждого по рублю и отправить эти деньги на фронт солдатам. Сообщите ему, сколько я вам давал денег, пусть возвратит вам, а вы — мне. Пишите расписку.

Еще на фронте Карл Норенберг вступил в партию эсеров. Февральскую революцию он встретил уже в чине поручика. Оценив обстановку, Норенберг дает стрекача с фронта. С

поддельными документами добирается до Челябинска. Местные эсеры и меньшевики помогли поручику устроиться конторщиком на Кыштымские копи[2].

— Вживайся, приглядывайся к шахтерам, кто чем дышит. Когда настанет наш час, легче будет ориентироваться в обстановке, — напутствовал в ответ на благодарность поручика эсер Шулов.

И Норенберг приглядывался. Чтобы не было подозрений, спекулировал пуховыми платками. Это давало ему возможность бывать в самых разных пригородах Челябинска, в различных поселках копей.

3

7 мая 1917 года на площади Ашанинских (Тугайкульских) копей[3], перед зданием тюрьмы, многолюдно. У самой трибуны в кругу местной знати — приехавший для проведения шахтерского собрания от Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов комиссар труда, меньшевик Самодуров. Он стоит рядом с исполняющим обязанности управляющего Челябинскими копями Владиславом Ивановичем Витвицким, семидесятилетним стариком с аккуратно подстриженной бородкой. С опаской посматривает сквозь стеклышки очков на гудящую толпу главный инженер Креминский. Меньшевистские местные вожаки, техники Китаев и Пронский, жмутся к атаману казачьего поселка Тугайкуль Федорову.

Леонид услышал свою фамилию, когда Голубцов предлагал состав президиума. Взволнованный, он поднялся на трибуну. Самодуров ласково улыбнулся Горшкову, приглашая встать рядом. Леонид мысленно усмехнулся: «Погоди-ка, лисонька, улыбаться. Что-то ты запоешь, когда большевики слово возьмут».

— На фронтах сражаются за единую и неделимую Русь-матушку наши солдаты, — раздался резкий голос Самодурова. — Разве им не приятно будет получить от нас, тыловиков, скромные подарки?

Самодуров явно пытался разжалобить собравшихся:

— В Совет рабочих и солдатских депутатов поступил ряд пожертвований — отчислений из однодневного заработка тыловиков солдатам в окопах. И, конечно, горняки последуют примеру патриотов Челябинска. Думаю, что каждый из вас отчислит рубль из своего заработка в пользу воюющих солдат, — под восторженные крики меньшевиков закончил Самодуров.

Резко насупил брови Степан Голубцов. Видит,

переглядываются шахтеры, посматривая в сторону меньшевистских крикунов.

— Нас красивыми словами не разжалобишь, — громко произнес Голубцов. — Временное правительство занимается одними обещаниями. Земля по-прежнему у помещика и кулака, а у бедного крестьянина нужда и безземелье. Рабочие все еще работают по двенадцать часов в сутки за мизерную плату.

С гневом говоря о недопустимости поддержки Временного правительства, Голубцов разоблачал буржуазную сущность «революционного оборончества». Заканчивая свое выступление, он сказал:

— Прошу дать слово только что прибывшему по ранению с фронта товарищу Горшкову, который расскажет, куда пойдут наши трудовые деньги.

А. Д. Горшков.

Усмехнулся темными глазами Леонид, мельком глянув на Самодурова, и шагнул к краю трибуны.

— Товарищи! Мне кривить душой нечего, я прямо скажу. От выступления гражданина Самодурова пахнет самодурством…

Сотней голосов грянула площадь, и в улыбающихся лицах Леонид ловил явное одобрение. Нахмурились лишь там, где стояла местная знать. Витвицкий, опираясь на трость, подошел к Гольцу, сказал:

— Мое предложение: пора переходить на восьмичасовой рабочий день.

— Горшков об этом скажет, — ответил Витвицкому Гольц.

— Да, да, я прямо заявляю это, — поднял руку Леонид. — Пожертвованные деньги пропьют офицеры тыловых частей. Вношу встречное предложение: отчислить по одной копейке с заработанного рубля в фонд Совета рабочих депутатов. Пусть наши трудовые копейки укрепляют власть Советов, а не служат для попоек господ офицеров и их прихлебателей.

— Верно! — дружно откликнулась площадь. — Давай, Леня, режь им правду!

— И еще вношу предложение, — переждав шум, сказал Леонид. — Мы должны перейти на восьмичасовой рабочий день. Правильно, товарищи?

— Это абсурд! — крикнул Самодуров. — В такое тяжелое время, когда солдаты на фронте…

Но ему не дали договорить. Свист и крики заглушали голос комиссара труда, и он, побагровев от возмущения, умолк.

Голубцов предложил проголосовать за предложения Горшкова. Общее собрание шахтеров приняло следующее решение, которое было опубликовано 11 мая 1917 года в газете «Союзная мысль»:

> «На состоявшемся 7 мая собрании рабочих Урало-Кавказских копей[4] постановлено делать ежемесячные отчисления в фонд Совета по копейке с каждого заработанного рубля.
>
> На этом многолюдном собрании рабочих приняты еще ряд постановлений, которые говорят об общей солидарности рабочих. Установлен равный 8-часовой рабочий день как для рабочих, так и для конторских служащих, чего ранее не существовало, причем 8 часов принято как рабочая норма, остальное время доплачивается сверхурочно».

4

Множество дел руководители Совета поручали Леониду Горшкову: сбор шахтеров на собрания, читки решений Совета, газет, большевистских брошюр, листовок.

Вот и сейчас, едва пришел домой, узнал от матери: прибегали из Совета.

— Из Челябинска приехал кто-то, — пояснила Анна

Михайловна. — Фамилия какая-то как имя.

— Васенко? — улыбнулся Леонид, натягивая чистую рубашку.

— Вот, вот. Чего ему от тебя надо? Аль и ты сейчас тоже в большевиках ходишь?

— Нет, мама, — вздохнул Леонид, — Но всей душой за них, знаю, что они — самые правильные люди на земле. Не зря ими и руководит сам Ленин.

— Ишь ты, — окинула мать Леонида ласковым взглядом. Кто знал, что к ее Лешке — заводиле драк и дерзких проделок в поселке — придет этакая сдержанность и все большая серьезность, что в нем будут нуждаться нынешние власти.

— Ты уж не горячись там больно-то, — напутствовала она сына. — А то, сказывают, недавно на собрании на смех поднял какого-то начальника.

— Самодурова? Ну, таким-то спуску не дам.

На улице Леонид вновь вспомнил о Клаве. Он увидел ее сегодня на эстакаде, когда девушка откатывала вагонетку с углем. Оба смущенно остановились и молчали, а на Клаву уже покрикивала вторая откатчица:

— Пошевеливай!

Леонид помог Клаве выкатить вагонетку и шепотом спросил:

— Выйдешь вечером?

Она торопливо кивнула: да.

«Сегодня встретимся», — радостно думал Леонид, входя на крыльцо здания Совета.

В комнате председателя было людно. Евдокима Лукьяновича Васенко на копях хорошо знали и уважали. Не однажды приезжал он сюда, и каждый его приезд был для горняков событием.

Леонид видел Васенко впервые. И сразу бросилось в глаза: Васенко чувствует себя в этой комнате спокойно, говорит так, словно вокруг него старые знакомые, и слова, такие обычные и простые, звучат в его устах, как веские доводы.

— С меньшевиком Самодуровым вы поступили правильно, — повернулся он к Бойцову и Голубцову. — Эсеры и меньшевики домогаются принятия решений, одобряющих военную политику Временного правительства. Но меня радует еще и другое — то, что вы сумели добиться перехода на восьмичасовой рабочий день. Это — величайшая победа.

5

В мае — июне на Южном Урале прошли перевыборы Советов. В Советах заметно усилилось влияние большевиков. Это вызвало

озлобление буржуазии, меньшевиков, эсеров. Предприниматели закрывали фабрики, заводы, выводили из строя оборудование, портили выпускаемую продукцию, обвиняя во всем большевиков. Для борьбы с саботажем местные Советы стали вводить рабочий контроль на предприятиях. С 9 по 14 июня состоялся Екатеринбургский окружной съезд Советов, который призвал к созданию на заводах контрольных комитетов. На съезде были представители и Сергинско-Уфалейских копей.

По мере развития революции Временное правительство готовилось к ее разгрому. 3—4 июля была расстреляна в Петрограде демонстрация рабочих и солдат. Началась полоса жестоких репрессий. Уральский областной комитет РСДРП(б) призвал рабочих Урала усилить борьбу с контрреволюцией. В эти дни (16 июля) открылся съезд горнорабочих Сибири, на котором присутствовали уральцы: И. Паршуков, делегат от Кыштымского рудника, и М. Ананьин, делегат от Урало-Кавказских копей. Съезд прошел под флагом большевизма, показал рост влияния большевиков в массах горнорабочих.

По инициативе областного комитета большевиков 17—21 августа в Екатеринбурге был созван II Уральский областной съезд Советов. Это был первый областной съезд Советов в стране, который проходил под безраздельным руководством большевиков. Решения съезда исходили из постановлений VI съезда РСДРП(б). Съезд создал исполнительный комитет областного Совета рабочих и солдатских депутатов. Он призвал уральских рабочих, солдат и крестьян в ответ на локауты и саботаж капиталистов, в знак протеста против наступавшей контрреволюции провести 1 сентября 1917 года однодневную политическую забастовку.

Вернувшись со съезда, Дмитрий Авксентьевич Бойцов на заседании Совета рассказал о его решениях. По заданию Совета агитаторы проводили беседы с шахтерами о необходимости проведения политической забастовки.

Состоялось открытое заседание депутатов Совета Сергинско-Уфалейских копей и партячейки Южной группы копей.

— Товарищи! На основании решения II областного съезда Советов, — обратился Бойцов к присутствующим, — решено провести забастовку в ответ на локауты и саботаж буржуазии, поддерживаемой меньшевиками и эсерами. Временное правительство решило разогнать Советы, вновь ввести смертную казнь, отменить наши политические и экономические завоевания.

— Не выйдет! — крикнул Леонид Горшков. Бойцов согласно кивнул головой:

— И я в этом уверен. Забастовка должна накрепко

предупредить наших врагов, что горняки не дремлют, что именно мы, большевики, идем во главе широких масс, что наши лозунги — кровное дело всего рабочего класса Урала.

Решение о забастовке было принято. Секретарь партийной ячейки Степан Голубцов спросил у коммуниста Юнуса Габдрашитова:

— Как смотрят мусульмане на забастовку?

— Будь спокоен, товарищ Голубцов. Мы не подведем. На совещании городского Совета рабочих и солдатских депутатов я так и сказал: «Среди горняков штрейкбрехеров не будет».

Леонид возвращался домой вместе со Степаном Викторовичем Голубцовым — они жили рядом. Голубцов был задумчив, курил одну самокрутку за другой.

— Степан Викторович! А что это за слово «локаут»?

— Это золотопромышленники, заводчики, фабриканты, хозяева вот таких шахт, как наши, уменьшают заработную плату рабочим, увеличивают цены на продовольствие, закрывают свои предприятия, отказываются выполнять требования рабочих. Производят массовые увольнения их. Это и есть «локаут».

— А вы не боитесь, что с такими, как Китаев, Самодуров, нам не справиться? Да я ребятам подскажу, они им такую головомойку устроят…

— Головомойкой врагов не победишь, а вреда наделаешь. Бить словами в цель надо, Леня, — улыбнулся Голубцов, — а не кулаками. Задача не только в том, чтобы справиться с меньшевиками, эсерами, надо удержать победу на своей стороне. Шахтеры должны понять, куда их ведут большевики, понять, что правда только за большевиками!

— Чего их в этом убеждать? Они все за Советскую власть.

— Не все, Леня, — вздохнул Степан Викторович. — Много еще у меньшевиков и эсеров подпевал. Много еще и тех, кто искренне заблуждается. К нам на митинг приедут представители всех шахт и разрезов Челябинских копей: Ашанинских, Злоказовских, Пентеговских, Емельяновских и Кыштымских. И если мы победим, многим станет ясно: крепко стоят на ногах большевики, коль даже в таких тяжелых условиях за ними идет трудовой народ. Эх, Леня! Сколько еще дел впереди. Покончим с контрой, построим такую жизнь, что весь мир будет завидовать.

С уважением и восхищением поглядывает Леонид на секретаря партийной ячейки. Он знал его еще на Кочкарских приисках. Нет, совсем не случайно стал этот человек руководителем коммунистов. И не один Леонид замечал в Голубцове ясную собранность и умение в любых запутанных ситуациях находить верное решение.

— Ну, до завтра, — кивнул Степан Викторович, когда подошли к бараку. — Готовься сам к бою и ребят своих веди по правильному пути.

И вот утро. Леонид Горшков догнал Володю Вдовина.

— Тронулись копи, — весело оглядывался Володя на шахтеров, фигуры которых мелькали тут и там по березовому перелеску. — С этой силищей любого Керенского свалить можно.

Леонид вспомнил вчерашний разговор с Голубцовым и, помолчав, ответил:

— Если бы все думали в одну голову, Володя, то и сам бог не страшен был бы. Видишь, вон Ванька вышагивает? — кивнул он на Ивана Долгодворова. — Тоже, как и я, георгиевский кавалер, в окопах вшей кормил, а рабочих сторонится, жмется к меньшевикам.

Володя махнул рукой:

— Ну, этому-то мы по загривку надаем.

— Ясно, надаем, — повеселел Леонид, — но только не кулаком, а умным правдивым словом. Вот так, — повторяя слова Степана Голубцова, уже серьезно произнес он: — Как митинг начнется, ребят к трибуне продвигай. Докажем блюдолизам, что мы грудью готовы защищать интересы народа.

Митинг еще не начался — ждали прибытия Дмитрия Бойцова с шахтерами Кыштымских копей, — а страсти уже разгорались. Иван Долгодворов сновал по толпе, сыпал направо и налево:

— Нам с большевиками не по пути. Их шуганули в Питере и Москве. Чего ж таких слушать?

Леонид и Володя очутились возле Долгодворова.

— Я правду говорю, — крикнул Долгодворов, увидев их. — Нас на мякине не проведешь.

Леонид, еле сдерживая себя, проговорил:

— Если еще сбрехнешь что про большевиков, душу вытряхну.

К ним быстро подошел коммунист Ахматша Файзуллин. Еще до Февральской революции он проводил большую агитационную работу среди татарского населения. Не раз арестовывался за участие в забастовках. Увидев Файзуллина, Долгодворов съежился, втянул шею в плечи.

Файзуллин, обняв Леонида, сказал:

— Зачем о него руки марать. Он так же, как и мы, смотрит дома в пустую чашку. Но душа его поганая. Многих по его указке в 1910 и 1915 годах в тюрьму сажали.

— Верно, Ахматша, — послышались сзади голоса.

Долгодворов исчез в толпе. А на трибуне уже стоял Дмитрий Бойцов.

Д. Е. Бойцов.

— Меньшевики и эсеры против нашей политической забастовки, — говорил он. — Мы, большевики, еще раз напоминаем рабочему классу и всем тем, кому дорога свобода: надо дать отпор контрреволюции. Пусть в день забастовки ни один рабочий на Урале не останется на заводе, фабрике, на железной дороге или в мастерской! Вот наш призыв и призыв всех честных людей!

Одобрительно зашумели шахтеры. Но на трибуну уже взбирался Пронский, техник Ашанинских копей.

— Он же большевик, чего ему верить! — крикнул Пронский, указывая на Бойцова, — Истинная власть сейчас — Временное правительство. Правительство вручило судьбу Родины Керенскому, и он…

Но в это время рядом выросла фигура Степана Голубцова:

— Именно Керенский расстреливает демонстрации, прикрываясь лживыми словами о земле и свободе. Наша дорога, товарищи, одна — вместе с большевиками, с Лениным!

К трибуне протискивается Китаев, но шахтеры сомкнулись перед ним, не пропуская вперед.

Над собравшимися уже гремели голоса Гольца, Колечкина, Ушакова и Бойко, призывающие шахтеров поддерживать однодневную всеобщую политическую забастовку на Урале.

— Мы требуем, — говорили ораторы, — осуществления рабочего контроля на предприятиях, национализации промышленности. Мы требуем прекратить увольнения рабочих, объявить бойкот штрейкбрехерам, прекратить изготовление браги и самогона тугайкульскими казаками.

В своей резолюции шахтеры выразили протест против Временного правительства, осудили предательскую политику меньшевиков и эсеров. В этот день, 1 сентября 1917 года, шахтеры Челябинских копей прекратили работу.

А через неделю, 8 сентября, под руководством большевиков на копях снова состоялся десятитысячный митинг. Участники митинга приняли резолюцию:

> «Решительно прекратить всякие колебания в деле организации власти; не допускать к власти кадетов…; отменить исключительные полномочия Временного правительства и его безответственность, создать власть из революционного пролетариата и трудящегося крестьянства…»

Шахтеры требовали немедленной отмены собственности на помещичью землю без выкупа, введение рабочего контроля над производством и распределением, национализации важнейших отраслей промышленности, заключения между воюющими державами демократического мира.

Собравшиеся единогласно голосовали за большевистскую резолюцию. Это явилось ярким подтверждением возросшего влияния большевиков на массы.

6

В сентябре 1917 года собрание войскового круга оренбургского казачества избрало атаманом и главой казачьего войскового правительства полковника Дутова. Опираясь на кулацкую часть казачества и офицерство, Дутов повел среди казаков контрреволюционную агитацию. Все наглее становились кулаки станицы Тугайкульской, на землях которой раскинулись копи. Атаман Федоров поддерживал постоянную связь с троицким казачьим атаманом Токаревым.

На копях распространились слухи, что большевики заберут у казаков землю. Трудовых казаков провоцировали на выступления против шахтеров. Вот что писал в газете «Союзная мысль» фельдшер Ашанинских копей:

«Пишу об угольных копях Урало-Кавказского акционерного общества, расположенного при поселке Тугайкуль… Мяса купить здесь негде. Каждый рабочий по силе возможности обзавелся коровкой, молоком которой и питается все семейство рабочего. Казаки пошли явно против рабочих. Они категорически отказывают в пастбище скота рабочих, требуя необыкновенную плату. С каждой головы скота по три рубля, а с солдатки со скидкой, то есть два рубля. Казаки в ночное время пасут своих лошадей вокруг жилья рабочих. Поступок этот явно доказывает, что казаки желают, чтобы скот рабочих голодал, впоследствии чего может быть валеж скота, а еще хуже может вспыхнуть эпидемия.

Казаки организовали поселковый комитет с наименованием «Общественная безопасность», который и сделал постановление… на свободную гонку опьяняющих напитков».

Утром 29 сентября на копях разнеслась неожиданная весть: казаки запретили шахтерам выпас скота на близлежащих пастбищах. Загудели, заволновались копи. Срочно собрался Совет рабочих депутатов, на заседание которого пришли все коммунисты поселка. Пригласили войскового штейгеря Оренбургского казачьего войска Губарева.

— Казаки являются собственниками этой земли, — заявил он, — и имеют право пользоваться всеми ее дарами по своему усмотрению.

Но Губарев не сказал шахтерам, что «занятая территория под разработки имеет 3309 квадратных десятин, из этого числа 349 десятин скуплено под выпас скота акционерного общества и рабочих».

Шахтеры направили делегатом к Витвицкому Леонида Горшкова.

Среди других руководителей акционерного общества Витвицкий отличался гуманным отношением к рабочим. Шахтерам было известно, что еще будучи студентом, он был осужден царским правительством к десяти годам каторжных работ.

— Сумеешь поговорить с Витвицким? — спросил Голубцов. — Дело не шуточное, откажут акционеры — начнется падеж.

— Попытаюсь, — усмехнулся Леонид. — Вообще-то с хозяевами я больше через палку разговариваю, но раз Совет решил…

— Палка, товарищ Горшков, о двух концах, — строго предупредил Евстигней Егоров. — Запомни это.

В дверях Совета Леонид столкнулся с шахтерами-казаками Васей Климовым и Захаром Костылевым.

— Сход станичники завтра собирают. Рекрутов в казачье войско будут набирать, — выпалили они. — Самогон варят.

Горшков тут же вернулся в Совет, позвав с собой товарищей.

— Дело серьезное, — задумчиво сказал Голубцов, выслушав их.

— Надо кому-то побывать, товарищи, на сходке, — обратился Егор к депутатам Совета, — призвать станичников к дружбе и солидарности с шахтерами. Разъяснить, что не о войне думают большевики, а о мире.

Взгляды всех невольно остановились на Никите Ряшине и Иване Стряпунине. Недавно они выступили на казачьей сходке. А вечером казаки подкараулили их и жестоко избили.

— Я пойду, — поднялся казначей Совета печник Максим Семенов. — Капля горы ломит. Поймут же когда-нибудь казаки, что с добром к ним идем.

— Будь осторожен, Максим, — сказал Голубцов. — На провокационные выходки казачьих богатеев не отвечай, но держись твердо.

А Вася Климов и Захар Костылев вместе с Леонидом Горшковым шли в это время по улице Тугайкульской станицы. Навстречу то и дело попадались пьяные казаки, провожавшие молодых парней недобрыми взглядами.

У кабачка, придерживая одной рукой кавалерийский карабин, стоял подвыпивший Шелехов. Увидев парней, он вскинул карабин и закричал:

— Это зачем еще приплелся, шахтер? А ну, проваливай с поселка, не то порешу.

Леонид быстро выдернул наган из кармана. Черные глаза сверкнули ненавистью.

— Ну, кто кого! Моя пуля промаху не даст.

— Дождешься, Ленька, доберемся до тебя, — прошипел Шелехов. — А вы, — злобно сузив глаза, кивнул он в сторону Климова и Костылева, — попомните свое иудово предательство. Особый с вами разговор будет по казачьим законам.

Он плюнул в сторону и пошел прочь.

Друзья попрощались, и Леонид вернулся в шахтерский поселок, а Климов и Костылев, минуя правление, пошли к Заломову.

— Знаешь, где хранится самогонный аппарат у твоего дяди? — спросил Захар Костылев.

Вася утвердительно кивнул.

— А потом и по другим самогонщикам пройдемся. Пусть знают наших.

Заломова не было дома. Вася уверенно повел товарища к бане, на огород. Через несколько минут самогонный аппарат был уничтожен.

В этот же день поломали они аппараты у казаков Курочкина, Шелехова. А вечером на берегу Тугайкульского озера, где собралась шахтерская молодежь, Климов и Костылев подошли к Горшкову. Леонид радостно сообщил товарищам, что Витвицкий с готовностью помог шахтерам: выпас скота разрешен.

— Знаешь, Леня, мы самогонные аппараты у кулачья разломали, — прервал Леонида Вася Климов.

— Вот это зря, — ответил Горшков. — Так казаков правде не научишь.

На полянке у берега парни и девчата лихо отплясывали кадриль. А вот и Клава. Девушка помахала Леониду рукой:

— Ладно, ребята, — засмеялся Леонид. — Меня зовут.

Не знал он, что видит своих товарищей последний раз. Иначе не пошел бы с берега, не стал бы прогуливаться с Клавой по опушке березняка, вдали от веселящейся молодежи. Не видел он, что на берег озера явился старший милиционер казачьего поселка и предъявил Васе и Захару обвинение в краже денег у Заломова. Это была провокация.

Члены станичного правления под руководством комитетчиков «Общественной безопасности» Ф. Г. Сорокина и И. И. Федорова в присутствии 63 казаков вынесли приговор Климову и Костылеву: за нарушение казацких законов — смерть.

Упорно сопротивлялись молодые казаки, но силы были неравны. Их связали и стали избивать досками с гвоздями. Стоны и крики слышали на улице многие, проходившие мимо. Услышал их и Максим Семенов. Когда он ворвался в помещение, Костылев и Климов были уже мертвы.

— На каком основании устроили самосуд над нашими шахтерами? — гневно спросил он.

— Они — казаки, мы их и присудили к смерти, — шагнул к нему Федоров. — А если и ты будешь ерепениться — убьем, как муху.

Накинув петли на шеи трупов, казаки потащили их в сарай.

«Надо срочно сообщить в Совет», — решил Максим, выбегая из правления.

— Порешить убийц! — гремел Леонид Горшков. — Кто пойдет со мной? Оружие у кого есть?

Никита Ряшин, Иван Стряпунин и многие другие шахтеры

поддержали Горшкова.

— Стой, Леня! — твердо сказал Степан Голубцов. — Надо посоветоваться с товарищем Васенко.

Как вспоминает В. Е. Вдовин, председатель Челябинского городского комитета партии Е. Л. Васенко сам приехал на копи.

— Кровопролития и междоусобицы допускать нельзя, — горячо он убеждал шахтеров. — Не все казаки повинны в убийстве. Поймите, это работа кадетов, меньшевиков и эсеров. Не огнем и мечом мы должны убеждать казаков встать на нашу сторону, а правдивой политикой.

Умел убедительно говорить Васенко. Верили ему шахтеры, знали, такой человек посоветует правильный путь.

В эти дни большевики особое внимание уделяли созданию отрядов Красной гвардии. В Челябинске была создана комиссия для организации рабочей боевой дружины, в которую вошел и Васенко.

По его совету и на копях стали создаваться рабочие отряды. Одним из организаторов дружины был Роман Протасов. Ему помогали Иван Рожинцев, Леонид Горшков, Яков Бойко, Иван Колечкин, Никита Ряшин и Иван Стряпунин.

Обстановка на копях накалялась.

СВЕРШИЛОСЬ!

1

Возвращаясь из шахты, Леонид забегал на несколько минут к Степану Викторовичу Голубцову.

Сегодня у Голубцова был Дмитрий Бойцов. Они хмуро о чем-то переговаривались и тотчас умолкли, едва вошел Леонид.

— Степан Викторович! — обратился к Голубцову Леонид. — Говорят, что под командованием Дутова оренбургские казаки собираются разрушить Советы. Правда это?

— Вот об этом мы сейчас и говорили. Атаман Тугайкульской станицы Федоров шлет одного гонца за другим к Дутову, чтобы торопился к Челябинску. Здесь, мол, местное казачество поддержит его. Дутов выступил с демагогической речью на заседании чрезвычайного Оренбургского войскового круга.

Обращаясь к казакам, он сказал: «Мы не с демократией, не с аристократией, не с тою или иною партией… А мы с теми, кто любит родину. Пора, станичники, пора спасать Родину…»

…В середине октября на одном из заседаний Совета

обсуждалась статья В. И. Ленина «Кризис назрел», напечатанная в газете «Уральский рабочий». В ней на основе всестороннего анализа внутренней и международной обстановки был сделан вывод: в стране наступил переломный момент в развитии революции, сложились благоприятные условия для завоевания пролетариатом власти.

Коммунисты угольных копей В. Н. Глазырин, Н. С. Зенцов, Т. Д. Точилкин, М. В. Сутягин, И. Н. Колечкин, П. Н. Некрасов, братья И. А. и Ф. А. Рожинцевы, Абросимов, Сочнев, А. Файзуллин, Ю. Габдрашитов, Файзутдинов, Минатудзинов, Мухамедзянов, Д. Хуснутдинов и другие по поручению Совета рабочих депутатов развернули среди горняков агитационную работу по подготовке вооруженного восстания.

— Нам надо оружие, — заявил на заседании Совета коммунист Леопольд Фридрихович Гольц. — Где его взять? Кроме трех-четырех винтовок у бывших фронтовиков ничего нет.

— Нужно на каждой группе шахт организовать отряды, — предложил Голубцов. — А оружие… Что ж, придется обратиться в Челябинск за помощью…

Ранним утром 27 октября в квартиру Голубцова вбежал Дмитрий Бойцов:

— Слушай, Степан! В Смольном уже заседает II Всероссийский съезд Советов! Вчера состоялось экстренное заседание Челябинского Совета. Подавляющим большинством голосов принято решение о переходе всей полноты власти к Совету. Председателем избрали Соломона Яковлевича Елькина. Немедленно собирай коммунистов и депутатов Совета. Надо довести до сведения шахтеров вот этот документ, мне его Елькин дал. Это воззвание исполкома Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов ко всем местным Советам Урала с призывом — взять власть в свои руки.

Голубцов прочитал текст воззвания.

— Правильно! — воскликнул он. — Ты понимаешь, какие громадные задачи стоят перед нами. Решительное подавление всякого сопротивления контрреволюции силой оружия, обеспечение охраны предприятий, железных дорог и складов.

В полдень стало известно, что управляющий копей Попов и инженер Креминский умчались в Челябинск. Скрылись из станицы Федоров и ближайший его помощник Сорокин.

Контрреволюция готовилась к схватке против большевиков. 31 октября в поселок Шершни, в 6 верстах от города, прибыло из Троицка 3 тысячи казаков с пулеметами. Кроме того, в ближайших к городу станицах было 8000 казаков[5].

…Леонид встретил на улице Володю Вдовина. Тот еще

издали махнул рукой. Друзья давно не виделись: Володя уезжал в деревню.

В. Е. Вдовин.

— Ну, дождались? — радостно заговорил Володя. — Как дела на копях? Хозяева разбежались?

— Слышал я, что Позин, управляющий Емельяновских копей, остался. Витвицкий с сыном не уехал. Посмотрю, говорит, авось нам и с новой властью хуже не будет.

— Кто сейчас в Советах главный?

— Степана Викторовича Голубцова председателем исполнительного комитета избрали.

— Ну, а ты? — улыбнулся Володя.

— Поручили обучать красногвардейцев стрельбе. Скоро, говорят, пригодится шахтерам твоя наука.

Установление власти Советов выдвинуло перед большевистскими организациями новые задачи — укрепление социалистического государства и создание социалистического хозяйства. Большую работу по упрочению основ социалистической экономики проводили на копях деловые советы, созданные еще после Февральской революции. Они способствовали введению рабочего контроля на предприятиях.

В декабре в ответ на саботаж буржуазии и сопротивление рабочему контролю Советское правительство приняло решение о

национализации предприятий.

2 апреля 1918 года конференция рабочих и служащих копей вынесла решение о национализации Челябинских каменноугольных копей. В ответ на требования шахтеров областной совет комиссаров Урала принял постановление:

> 1) Конфисковать каменноугольные предприятия Челябинского района…
>
> 2) Объявить все эти копи собственностью Российской Федеративной Республики Советов.
>
> 3) Объединить все упомянутые копи в единое предприятие всего Челябинского каменноугольного бассейна…
>
> 4) Управление объединенным каменноугольным предприятием Челябинского бассейна поручить деловому совету Челябинских национальных каменноугольных копей[6].

Был утвержден состав Делового Совета угольных копей.

Не расставаясь с винтовкой, горняки добывали Родине уголь. Ни на минуту не забывали они о грозящей опасности со стороны Дутова. Как сообщала газета «Известия Челябинского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и солдатских депутатов»,

> «15 января на Кыштымских копях состоялась многолюдная демонстрация. Лозунги: «Вся власть Советам!», «Долой учредительное собрание!» и т. д. Демонстрация прошла при неописуемом энтузиазме рабочих копей. Среди демонстрантов ярко выделялся вооруженный отряд красногвардейцев численностью до 400 человек».

Всего в летучий красногвардейский отряд вступило около 800 шахтеров.

Большевики, руководя вооруженной борьбой против дутовцев, вместе с тем разъясняли трудовому казачеству политику Советского правительства. Большую агитационную работу проводили большевики копей среди казачьего населения станицы Тугайкульской.

5 апреля 1918 года состоялось общее собрание рабочих Тугайкульских копей совместно с казаками.

> «Товарищи казаки выразили глубокое порицание Дутову и его своре, — писала газета «Известия Челябинского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и

армейских депутатов», — единогласно заявили, что они признают только лишь Советскую власть, которой всецело подчиняются, в подтверждение чего представили протокол общего собрания жителей поселка Тугайкульского… за подписью всех присутствующих».

2

На своих собраниях шахтеры выражали удовлетворенность тем, что под руководством партии большевиков объединяются в борьбе с дутовщиной боевые силы рабочих и беднейшего крестьянства Урала и Поволжья, На копях организуются отряды под командованием Михаила Меховова, Ивана Рожинцева, Григория Сутягина. Начальником объединенного штаба красногвардейских отрядов избирается Роман Герасимович Протасов.

Люди шли в отряды охотно. Но оружия почти не было. Вот и сейчас Леонид вел обучение всего двумя винтовками.

Василий Сотка долго целился в мишень, потом нажал на спусковой крючок винтовки. Вслед за выстрелом сразу же бросился к мишеням.

— Мимо, — разочарованно махнул рукой Леонид Горшков.

Сотка огорченно вздохнул. Ему никогда раньше не приходилось брать оружие в руки. Но в красногвардейский отряд пошел с радостью, знал, что Октябрьскую революцию надо защищать с оружием в руках.

— Василий, — позвал Горшков, — иди-ка сюда…

В руках Горшкова были кирпич и киянка.

— Сможешь отсечь третью часть кирпича, не нарушая формы его?

Сотка усмехнулся, взял кирпич, осторожно обстучал киянкой со всех сторон, затем тремя ловкими ударами отделил нужный размер. Прищурившись, глянул на Горшкова.

— Дело здесь, Леня, немудрое. Нужно просто иметь сметку.

— Какую?

— Любить жену и не забывать соседку, — мгновенно ввернул Василий.

Красногвардейцы дружно засмеялись. А Леонид быстро взял винтовку, почти не целясь выпустил по мишеням три пули.

— Вот так, Василий. На соседку смотреть грешно да еще в такое время. Стрелять же уметь надо. Иначе соседи, — он кивнул в сторону казачьей станицы, — продырявят тебя в первой же схватке.

Сотка протянул руку к винтовке.

— Дай-ка, еще попробую.

Один за другим прогремели пять выстрелов. И велика была радость Василия, когда обнаружил, что одна из пуль задела край мишени.

На линию огня вышел Володя Вдовин. Но стрелять ему не пришлось. Со стороны поселка приближалась группа людей.

«Кажется, Степан Викторович с кем-то, — узнал Леонид Голубцова. — Ага, Бойцов, Ряшин. А это кто?»

Он смотрел на невысокого молодого человека. Тот приближался энергичным, нервным шагом. Леонид отметил, как внимательно посматривает незнакомец на красногвардейцев.

— Елькин, Елькин, — зашептали в строю: кто-то узнал командира челябинских красногвардейских отрядов.

А Соломон Яковлевич уже подошел к строю, поздоровался.

— Так, так, — донеслось до Горшкова, — готовитесь к битвам. Шахтеры копей известны своей преданностью революции и делу мирового пролетариата! А где командир?

Леонид подбежал к Елькину.

— Молодец! Сам-то умеешь стрелять?

Леонид безмолвно взял винтовку из рук Володи Вдовина, слегка повел дулом в сторону мишени и стоя выпустил все пять пуль.

Елькин первым двинулся к мишени.

— Красота, красота! — повторял он. — Отличный стрелок. Товарищ Голубцов, немедленно присылайте в Челябинск подводы за оружием. Верю, что оно попадет в надежные рабочие руки. И все-таки, с выдачей оружия будьте осторожны, Степан Викторович. Давайте его лишь тем, кому доверяете без сомнения, по рекомендации двух-трех надежных товарищей.

Елькин поехал в другие шахтерские красногвардейские отряды. А здесь, на стрельбище, еще долго говорили о нем.

— Видно, не зря ездит он по рабочим отрядам, — задумчиво сказал Миша Кормильцев, неизменный друг Леонида. — Знать-то, скоро и мы вступим в бой.

— Я стихотворение в честь революции написал, — смущенно сказал Горшков. — Хотите послушать?

— Давай, Леня, давай!

Плотнее сдвинулись к командиру взвода красногвардейцы-шахтеры. Леонид начал неожиданно звонко:

Засияло красное солнце,
Озаряя блеском мир…

3

Завтра с утра Леониду снова в шахту, но разве уснешь дома, когда Клава пошла на молодежное гулянье да еще передала через подружек, чтобы и он приходил.

Весело наигрывает гармошка. Леонид склонился к уху Клавы, тихо шепчет:

— Знаешь, я обязательно напишу об этом стихи.

— О чем?

— Обо всем. Об этом вечере, о гармошке и о нас с тобой.

— Дурной какой, — счастливым шепотом ответила Клава, ощущая, как губы Леонида коснулись ее уха.

Вероятно, о многом сказали бы Леонид и Клава в этот счастливый вечер 7 марта, но дверь распахнулась, ворвались белые клубы морозного воздуха, кто-то, невидимый в полутьме, крикнул от порога, перекрывая звуки гармошки:

— Васенко приехал! Все к Совету!

Торопливо забежал Леонид домой, схватил винтовку. На вопрос всполошенной матери махнул рукой:

— Потом, мама.

Уже на подходе к Совету встретил Илью Петрякова, который бежал домой за винтовкой.

— На станции Челябинск стоит военный эшелон, 800 вооруженных солдат, — запыхавшись, сообщил он. — Васенко просит шахтеров помочь разоружить их.

Сборы отряда были недолгими.

— На требование Челябинского Совета сдать оружие солдаты ответили отказом. Необходимо их разоружить. Постараемся обойтись без кровопролития, — пояснил Васенко. — Помните, стрельбы без приказа не открывать. Отряд поведет Михаил Меховов. У меня, — хитро прищурился он, — особое задание.

Отряд залег в снегу у семафора разъезда Шершни. Поезд появился буквально через минуту, как на семафора зажегся красный свет. Медленно, нехотя стопорил состав свой бег. С паровоза спрыгнул Васенко. Он быстро отцепил его от состава. И сразу же из вагонов послышалась стрельба. А паровоз все дальше уходил от состава. Шахтерский отряд открыл ответный огонь.

Силы были явно неравны. Это понимал командир сводного отряда Михаил Меховов. Белогвардейцы могли перебить всех красногвардейцев и тогда дорога на Челябинск для них будет открыта. Надо предъявить белякам свой ультиматум.

— Прекратить огонь! — крикнул, выбегая из-за укрытия Михаил. И это были его последние слова: белогвардейская пуля сразила отважного командира. На минуту утихла стрельба со

стороны красногвардейцев.

— Меховов убит! — пронеслось по цепи. — Смерть гадюкам!

М. Ф. Меховов.

Командование отряда принял Иван Шадымов.

Ураганный огонь выгнал белогвардейцев из вагонов. Они заметались вдоль состава.

— Дай-ка пулемет, Илюха! — подполз к Петрякову Леонид Горшков. — Я их прижму сейчас к земле.

Меткие огненные струи полоснули вдоль состава. В это время в тыл вражескому эшелону зашел отряд красногвардейцев с завода «Столль и К°». Заметались между двух огней белогвардейцы и вскоре выкинули белый флаг.

Тяжелой ценой досталась шахтерам победа: погиб товарищ, любимый командир. И от всего сердца звучала клятва, которую дали шахтеры-красногвардейцы над могилой Михаила Меховова, служить верой и правдой революции, беречь завоевания Октября. Как отзвук на смерть Михаила Меховова, Леонид Горшков сочинил стихи.

Служил ты верой и правдой
Народу — герою труда.
Погиб ты смертью храбрых,
Сраженный пулей врага.

Клянемся тебе всенародно:
Мстить, жаждой мести горя,
Чтоб вечно сияла свобода
Красного Октября.

4

И вот новое испытание. Отряд был поднят по тревоге. Шахтеры на ходу застегивали подсумки с патронами, тревожно переговаривались, торопливо шли к Совету.

На крыльце здания Совета Степан Голубцов, Роман Протасов, Евдоким Лукьянович Васенко.

Васенко внимательно смотрел на подходивших шахтеров. Вот он поднял руку и заговорил в наступившей тишине.

— Со станции Челябинск на станцию Потанино движется эшелон белоказаков-семеновцев. Офицеры, их около тысячи, направляются на соединение с атаманом Семеновым. Вооружены они прекрасно, есть даже пушки и пулеметы. В Челябинске они отказались сдать оружие. Теперь вся надежда на вас, товарищи шахтеры-красногвардейцы.

Начальник объединенного штаба красногвардейских отрядов копей Роман Протасов коротко ответил:

— Коль надо революции — пойдем.

Командование над объединенным отрядом принял сам Васенко. Против эшелона белогвардейских офицеров выступило всего около 200 шахтеров-красногвардейцев.

Леонид Горшков подошел к Протасову.

— Надо взять с собой трещотки, ими охотники загоняют на стрелков волков и зайцев.

— Дельно, — быстро сообразил Протасов. — Шуму от них будет порядочно, в суматохе беляки не разберутся, пулемет это или трещотка.

К станции подошли скрытно, окружили пути, где должен был остановиться офицерский эшелон. Леонид Горшков, Володя Вдовин, Илья Петряков, Миша Кормильцев и Петр Набережный — молодые неразлучные друзья — окопались в кустах акаций в снегу. Рядом залегли другие горняки, все вооружение которых составляли старые берданки и винтовки системы Гра и Веттерли.

Васенко приказал дежурному по станции принять и загнать эшелон в тупик, а затем отцепить паровоз для заправки воды.

Вдали показался дымок паровоза. Мелко постукивали рельсы. Торопливо подбежал к машинисту прибывшего состава дежурный

по станции, что-то сказал ему. И вот паровоз покатил от состава, провожаемый недоуменными взглядами офицеров. А к штабному вагону уже подходили Васенко и Протасов.

— Господин полковник занят, — преградил им путь рослый офицер охраны.

— Сообщите, что эшелон окружен полком красногвардейцев. Во избежание кровопролития мы решили начать с вами переговоры, — пояснил Васенко.

Начальник белогвардейского эшелона приветливо встретил Васенко в жарко натопленном вагоне.

— Чем могу служить, господин комиссар?

— Прошу мирным путем сдать оружие и боеприпасы. И мы гарантируем вам дальнейшее безопасное продвижение. При малейшем сопротивлении будет открыт пулеметный и артиллерийский огонь.

Около вагона послышался зычный голос Романа Протасова:

— Батарее Горшкова — взять прицел! Пулеметная команда Стряпунина — приготовиться к ведению огня по эшелону! Роты Рожинцева, Сутягина — приготовиться к бою! Роте Екимова — приступить снимать с платформ пушки и пулеметы, произвести сбор винтовок и патронов. Роте Файзуллина приступить к выгрузке лошадей и амуниции.

— Если ваши откроют огонь, — поморщился полковник, — то вместе с нами взлетите в воздух и вы, господин комиссар.

— Комиссары-большевики, как известно вам, своей жизнью не дорожат. Вам же советую спасти свою жизнь и жизнь подчиненных, сдав оружие. Так или иначе — оно будет взято красногвардейцами полка.

Внезапно тишину раскололи несколько выстрелов. Это кто-то из офицеров открыл стрельбу по цепи красногвардейцев.

Леонид Горшков высмотрел офицера, возившегося у пушки.

— Ах, мерзавец! Смотри, Илюха, — шепнул он Петрякову, — чего доброго, долбанет, только клочья полетят.

Горшков быстро приложился к винтовке, сухо хлопнул выстрел, офицер навзничь упал с платформы.

— Прекратить огонь! — послышалось в это время. Это передавали по цепи приказ полковника. Из вагонов начали выбрасывать винтовки, ящики с патронами.

800 винтовок, 12 пушек, 6 пулеметов, 37 лошадей были изъяты у белогвардейцев[7].

Как вспоминает участник этих событий И. Н. Колечкин, секретарь райкома партии на копях в 1919 году, между Васенко и полковником произошел следующий разговор.

— И это все ваши люди?! — изумленно спросил полковник у

Васенко, когда отряд собрался возле груды отобранного оружия и боеприпасов.

— Как видите, — запрятал в усах улыбку Васенко. — Разве мало?

Полковник рванулся рукой к кобуре, но Васенко предупредил его, направив наган:

— Вам лично, гражданин полковник, жизнь дорога. Уж теперь-то вы, безоружные, нам не страшны.

Позднее на квартире Степана Викторовича Голубцова Васенко прямо сказал:

— Это, Степан Викторович, не простая операция шахтерского отряда, это пример героизма наших людей во имя счастья и мира на русской земле. Вооружите отряд новыми трофейными трехлинейками, возьмите один пулемет.

5

На совещание в Совет Леонид опоздал: только что вернулся из шахты. Теплый апрельский ветерок врывался в раскрытые окна Совета, и несмотря на то, что в комнате собралось много народу, здесь было свежо. Даже табачный дым самокруток, плывший у потолка, не мог заглушить ядреного запаха талой земли, острого, горьковатого привкуса тополиного цветения.

Спокойный, с неторопливыми жестами моложавый мужчина цепким взглядом внимательно посмотрел на вошедшего Горшкова и продолжал:

— Профессиональные союзы обязаны выполнять в настоящее время громадную разъяснительную работу по воспитанию широких рабочих масс в революционном духе. Разъяснять, разъяснять и еще раз разъяснять наши цели и задачи. Помните, товарищи, что даже вчерашний враг может понять нас и оказаться верным человеком в наших рядах.

— Значит, атамана Федорова или инженера Креминского тоже надо агитировать? — не утерпел Леонид. — Это же контра, чего на них слова тратить?

— С контрреволюционерами разговор у нас ясный, — ответил мужчина. — Но не надо путать, товарищ…

— Горшков, — подсказал Степан Голубцов.

— …товарищ Горшков, тех, кто сознательно, убежденно идет против Советской власти, и тех, кто примкнул к врагу в силу определенных обстоятельств. Вот этих-то последних мы и должны убеждать.

Леонид хмуро свел брови, но промолчал. Сидевший рядом

Володя Вдовин подтолкнул его:

— Знаешь кто это? Андреев.

— Андреев?!

Леонид уже слышал об этом выдающемся деятеле большевистской партии, руководившем работой профсоюзов на Урале. Под его руководством в январе 1918 года в Екатеринбурге проходил первый областной съезд профсоюзов металлистов и горнорабочих. Съезд осудил меньшевистскую политику «нейтральности» профсоюзов. В резолюции указывалось, что «профсоюзы на местах как организации сознательных и организованных рабочих должны стать опорными пунктами партии и Советов рабочих и солдатских депутатов».

Решения съезда дошли и до копей, были зачитаны на заседании Совета.

На вопрос Никиты Ряшина, что делать профсоюзам на копях сейчас, Андреев ответил:

— Объединяться. Мы уже обсудили с вашими товарищами конкретные меры по объединению профсоюзов горнорабочих. Предлагайте, Степан Викторович, — кивнул он Голубцову.

После обсуждения председателем правления объединенного профсоюза копей был избран Иван Матвеевич Масленников, секретарем — Степан Перфильевич Демин. Членами правления избрали Николая Затеева, Леопольда Гольца, Федора Царегородцева, Еремея Берсенева, Егора Полещука, Тихомирова и Леонида Горшкова.

С. П. Демин.

Леонид вздрогнул от неожиданности, услышав свою фамилию. Покраснел, отвел глаза от внимательного взгляда Андреева. Ему было стыдно за свою несдержанность. Едва совещание закончилось, он подошел к Андрею Андреевичу.

— Понимаете, получилось как-то несерьезно, — начал было он. Но Андреев рассмеялся и ласково положил руку на плечо Леонида:

— Ну, ну, не смущайтесь. Кого, как не вас, фронтовика, шахтера и вожака молодежи, избирать в правление профсоюза. Там нужны деловые, энергичные люди, Конечно, старшие товарищи вам помогут. Главное — не горячитесь. Твердое веское слово может сделать больше, чем десяток винтовок. Учитесь правильно понимать задачи революции на разных ее этапах.

Словно на крыльях понеслась в эти весенние дни жизнь Леонида Горшкова. Он обучал шахтеров-красногвардейцев стрельбе, участвовал в делах Совета, выступал на собраниях и митингах. Однажды, попав на сходку к казакам, призвал их поддерживать Советскую власть. Загудели седобородые старики, надвинулись на молоденького бесстрашного оратора, но матрос Александр Иванов, подняв в огромном кулачище маузер, громко предупредил станичников:

— Кто тронет Леньку, башку размозжу…

Шли дни, весенние дни конца апреля 1918 года. В Челябинске состоялось заседание Совета рабочих и крестьянских депутатов, посвященное увеличению добычи угля и самообороне. На заседании присутствовали Яков Бойко и Дмитрий Бойцов.

Наступило 1 мая 1918 года.

С утра стало известно, что на встречу Первомая приедет председатель Челябинского Совета Евдоким Лукьянович Васенко. Около бараков весело переговаривались празднично одетые люди. В невысохших лужах искрились снопы солнечного света.

За Леонидом зашел Володя Вдовин. Он был с винтовкой. Когда Леонид проверял наган, мать нахмурилась:

— Уж сегодня-то, в праздник, могли бы без этих трещоток идти, — недовольно заметила она.

— Нельзя, мама, — засмеялся Леонид, — праздник-то ведь наш, трудового народа, а контрикам он — как нож по сердцу. К тому же, приказ Совета — красногвардейскому отряду прибыть на праздничный митинг с оружием.

Ласковый ветерок шевелил пронизанную солнечными лучами листву белоствольных берез. Друзья шли по перелеску к роще, где обычно проводились маевки. Среди деревьев тут и там шагали по зеленеющей лесной траве шахтеры. Леонида и Володю догоняли знакомые ребята и девчата: Илья Петряков, Клава Хохлачева, Настя Собакина, Миша Кормильцев, два Ивана — Салоха и Точилкин. Почти у каждого из них были винтовки.

На поляне их ждал уже Голубцов.

— Вы, как всегда, с шуточками, — тепло посмотрел он на ребят. — Иди-ка, Леня, Васенко зовет тебя. Выступать будешь на митинге от имени молодежи.

О многом переговорили Леонид и Евдоким Лукьянович до начала митинга.

— Молодежи нужна своя боевая организация, — сказал Васенко. — На копях надо создать Социалистический союз рабочей молодежи.

Начался митинг. Возле трибуны застыли красногвардейцы с винтовками. Поглядывая на их серьезные лица, Леонид со щемящей радостью думал:«Как это необычно для копей, — народный митинг охраняет свой красногвардейский отряд».

Меняются ораторы. Леопольд Гольц, Иван Колечкин, Степан Голубцов, Роман Протасов. Емкими, простыми словами говорят они о мировой революции, и эти слова находят горячий отклик в сердцах шахтеров. Бурными аплодисментами встретили горняки выступление своего любимца — Евдокима Лукьяновича Васенко. Взволнованный стоял он на трибуне. И первые слова его были о

мужестве борцов за свободу, о их преданности делу мировой резолюции. Васенко говорил о задачах социалистической революции, о роли молодежи в борьбе за победу ее, призвал молодых рабочих вступать в Социалистический союз молодежи. После Васенко трудно было выступать, и Леонид смущенно сказал:

— Я прочитаю вам, товарищи, свое стихотворение:

По степям беляки бродят
И в березничках сидят.
На Советы зубы точат,
Исподлобья глядят…

Замер строй красногвардейцев, застыли шахтеры. В сердца тех, кто слушал Горшкова, входила тревога: свободе грозит опасность. Так крепче сжимайте в натруженных руках оружие, шахтеры, будьте готовы к тому, что наш трудовой мирный день может быть нарушен врагами революции!

…Власть Советов всюду будет
Путеводною звездой!

Вскоре на копях был создан Социалистический союз рабочей молодежи. Организационно он не был оформлен, да и те, кто записался в него, еще твердо не знали, что им делать.

— Будем коммунистам помогать — вот и все наше дело, — заявил Павлик Баландин. — Газеты читать, оповещать о собраниях.

Но ребятам показалось, что этого мало.

— Надо концерты для шахтеров устраивать, — предложил Ваня Салоха. — Гармошка у нас есть, частушки Горшков напишет, спеть мы сможем.

И. А. Салоха.

— Девчат надо в Союз записать, — настаивал Володя Вдовин. — Без них концерт не поставишь.

И это одобрили. Вскоре в раскомандировках перед сменами ребята стали давать концерты. Революционные песни, частушки, стихи Демьяна Бедного — все пошло в ход.

Горшков едко высмеивал белоказаков Дутова, местных спекулянтов из села Севостьяново.

Под аккомпанемент гармошки Миша Кормильцев старательно выводил:

Севостьяновска торговка
Нам сметану привезет.
Чтоб побольше заработать —
Простокваши подольет.

Дружными аплодисментами встречали ребят шахтеры.

Степан Викторович Голубцов одобрил начинание молодых членов Союза:

— Молодцы, ребята! Если возникнут какие трудности, обращайтесь к Ивану Никифоровичу Колечкину, ответственному за культурно-массовую работу на копях.

6

В этот тихий майский вечер Карл Норенберг получил записку от Шулова.

«Срочно явитесь к полковнику Сорочинскому. Адрес даст человек, принесший записку».

— Сейчас же ехать? — глянул на посыльного Норенберг.

— Немедленно, — коротко ответил тот. — Лошадей возьмем на заимке атамана Федорова.

«Крепко налажено взаимодействие», — с удовлетворением подумал Норенберг.

— Ну, идем, — пряча в карман браунинг, кивнул он посыльному. По каким-то неуловимым признакам угадывал, что посыльный тоже бывший офицер.

До заимки Федорова добрались без приключений. Там их ждал сам хозяин. Молча вывел он двух скакунов, на прощанье коротко бросил:

— С богом!

В темноте лесная дорожка плохо видна, но посыльный ориентировался уверенно, и Норенберг подумал, что тот, вероятно, не первый раз выезжает ночами в копи. Вот посыльный осадил лошадь, подождал отставшего Норенберга.

— Поторапливаться надо, ждут нас, — бросил он.

Промелькнуло, блеснув редкими слабыми огнями, село Фатеевка — пригород Челябинска. А вот и сам город. Промчались по мощеной булыжником дороге вниз, к Заречью, потом медленно стали подниматься по затененному проулку к центру. Вскоре посыльный тихо сказал:

— Лошадей оставим здесь, в этом дворе.

От дома отделилась темная фигура, скрипнули ворота. Возле темного особняка с закрытыми ставнями окон посыльный остановился.

— Сейчас…

И исчез во мгле.

«Конспирацию крепко соблюдает, — думал Норенберг. — Так и надо, чтобы из-за пустяка не провалить святое дело».

Вскоре посыльный вернулся. Через двор прошли к черному ходу, там он что-то тихо сказал и пропустил Норенберга вперед. Мрачные коридорчики и комнаты, и неожиданно в глаза ударяет яркий свет. Высокий мужчина в штатском отделился от группы разговаривающих, подошел к Норенбергу, подал белую мягкую руку:

— Полковник Сорочинский. Ждем, господин поручик, — он обернулся к собравшимся и, не повышая голоса, сказал: — Господа, представляю вам поручика Норенберга, одного из самых доверенных лиц на Челябинских угольных копях.

Один за другим подходили и знакомились с Норенбергом присутствующие. Пожатия их рук были крепки, и Карл безошибочно определил, что все они — бывшие военные. Сорочинский отвел его в сторону и тихо заговорил:

— Я верю Шулову, представившему мне вас. И вызвал вас сюда, поручик, не случайно. Через несколько дней придет ваш черед отомстить за обиды, нанесенные мужичьем святой матушке-России. Вас мы прочим начальником контрразведки на копях. Помните, — строго поднял он палец, — никакого милосердия большевизму, каленым железом и пулей выжигать эту язву с земли российской!

— Есть! — щелкнул каблуками Норенберг, и это понравилось Сорочинскому. Он устало улыбнулся:

— Могу сообщить вам и еще одну приятную весть. Нас будут во всем поддерживать чешские войска.

— Пленные чехи?!

— Ну, теперь они уже не пленные. Вы думаете, случайно эшелоны их растянулись по всем узловым станциям Сибирской магистрали от Пензы до Владивостока? Чехословацкий полковник Богдан Павлу с нами заодно. Здесь, в Челябинске, чехов сейчас собралось около восьми тысяч. Это — сила, с которой большевикам не справиться! А наши верные офицерские подразделения? Ваши казаки тоже в наших рядах. С Дутовым достигнута полная договоренность.

Норенберг неотрывно смотрел в лицо Сорочинского. Вот она, святая минута, которой он, Карл Норенберг, так долго ждал!

— Я буду служить вашему превосходительству до последней капли крови!

— Ну, ваша кровь вам самим пригодится, поручик. А вот большевистскую кровь — это уж, будьте милостивы, дайте мне в подарок.

Норенберг вернулся на копи лишь перед рассветом. Передавая коня атаману Федорову, дружелюбно улыбнулся и, не сдержав своей радости, сказал:

— Ну, теперь уже недолго ждать осталось.

Атаман быстро перекрестился:

— Дай-то бог, чтоб скорее. Соскучилась рука по шашке, ой, как соскучилась! Уже мочи нет ждать!

* * *

Небольшой маневровый паровозик, отпыхиваясь, стоит на путях. Возле эшелона красногвардейцы, тут же, с плачем припадая к мужьям и сыновьям, шахтерки. Анна Михайловна, мать Леонида, утирая слезы концами платка, тихо говорит сыну:

— Отчаянный ты, знаю. Не лезь в самое-то пекло. Пуля-то она дурная, не разбирает, каков человек — хорош или плох. Христом богом прошу тебя, Лешенька, береги себя, сынок…

— Ладно, мама, — смущенно улыбается Леонид. — Мы не на похоронах.

— Типун тебе на язык, — вскинулась Анна Михайловна.

— Ну, ну, не буду, — успокоил мать Леонид, а сам все поглядывает вдоль состава на дорогу: не идет ли Клава. Неужели не сказали ей, что красногвардейский отряд уезжает к Оренбургу на борьбу с дутовцами.

Мимо с группой командиров проходит Соломон Елькин. Рядом с ним Григорий Сутягин, командир шахтерского отряда. Увидев Горшкова, Елькин останавливается, протягивает руку Анне Михайловне, потом Леониду.

— А вы не плачьте, мамаша, — говорит Елькин. — Такой орел обязательно вернется живым и невредимым. Веселей надо провожать, едем сражаться за революцию.

Паровоз дал свисток. Засуетились люди возле вагонов. Последние поцелуи, напутственные слова, тоскливые взгляды. А Клавы все нет. Состав медленно двинулся со станции. Грустно на сердце Леонида. Впервые до боли понял, как дорога ему эта хрупкая белокурая девушка.

В Челябинске шахтерский отряд соединился с отрядами рабочих железнодорожного депо, завода «Столль и К°». Возглавлял Челябинский сводный отряд С. Я. Елькин. 12 мая отряд погрузился в два эшелона. И вот опять загудело под колесами железнодорожное полотно.

На полустанке Толкай, недалеко от станции Кинель, произошла первая схватка с врагом. Анархисты под командованием некоего Попова засели в мельнице. После первого залпа пушек они сдались. Но для Леонида бой окончился печально. Ему подстрелили руку, и вместе с другими ранеными он вернулся в Челябинск, а затем на копи.

— И у нас тебе дел хватит, — заявил руководитель отряда по охране поселка Иван Рожинцев, увидев хмурого Леонида. — Враги все чаще голову подымают. Надо готовиться к серьезным схваткам.

ТУЧИ НАД КОПЯМИ

1

Погода стояла туманная и дождливая. Низкое небо нависло над серой землей рваными тучами, изредка шел мелкий дождь. Уныло застыли мокрые здания, потемнели шахтерские землянки.

Леонид, рана на руке которого быстро заживала, уже выходил на работу в шахту вместе с отцом. Молодой Республике Советов нужен был уголь. Техник Дмитрий Бойцов, председатель делового совета, сумел быстро и правильно организовать работу шахт. И за две недели мая горняки, не имея в наличии нужной техники, выдали 15 тысяч пудов угля. Это была хорошая добыча, и старый Витвицкий с улыбкой говорил своему сыну, члену делового совета копей:

— Ты, Саша, работаешь сейчас с любопытным энтузиазмом. Видно, народная власть по душе тебе?

— Может быть, и так, папа. Изумляться приходится, когда видишь, как самоотреченно работают шахтеры в эти дни. Молодой Горшков вышел в шахту с больной, простреленной

рукой, и ты думаешь, он отстает от других? Ничуть! Вот где загадка нашего многострадального русского народа.

— Ты слышал о конфликте в Челябинске? Говорят, чехи убили пленного мадьяра за то, что он бросил железную ложку в одного из них. Абсурд какой-то!

— К нам это едва ли имеет какое-либо отношение.

— Как знать, как знать, — полузакрыл глаза старый Витвицкий. — Что же, посмотрим, как пойдут события дальше. Кстати, когда у вас назначено пленарное заседание делового совета с участием Андреева?

— Кажется, на последний день мая, — отозвался Александр и прошелся по комнате. — А этот Андреев мне определенно нравится. Умен, расчетлив, энергичен. Если у большевиков большинство таких руководителей, то они сумеют отлично хозяйствовать и без старой интеллигенции.

— Ну, это уж слишком, — поморщился старый Витвицкий. — Где им взять специальные знания? Для подъема добычи угля нужны машины, а кто станет монтировать их и управлять ими? Уж не твой ли Горшков?

— Ей-богу, папа, он справится! — воскликнул Александр. — Подучить его малость и…

— Ну, ну, верю, — не желая вступать в спор, поднял руку старый Витвицкий и подошел к окну. — Мерзкая погода. Серость какая-то, слякоть, на душе даже щемит. Когда же лето придет?

А лето пришло утром 26 мая. Едва забрезжил рассвет, мать Леонида, Анна Михайловна, посмотрела в окно на небо. Чистая синь, ни облачка. Где-то там, далеко, прорывались лучи встающего солнца. День должен быть погожий, солнечный. Анна Михайловна пошла готовить завтрак мужу и сыну. Потом неожиданно вспомнила, что сегодня им обоим выходной. Но спать уже не хотелось. Анна Михайловна принялась за хозяйственные дела и не заметила, когда на кухне появился Леонид.

— Чего это ты так рано? Не на работу, чай, только и поспать в выходной.

— Совещанье у нас сегодня в Совете. Сам Андреев будет.

В здании Совета многолюдно. Присутствуют члены делового совета, правления профсоюза, члены исполкома райсовета. Внимательно слушают все горного техника Дмитрия Бойцова.

— Самый верный путь увеличения добычи, — говорит он негромко и неторопливо, — это лучшая организация труда каждого забойщика. Часть наших шахтеров сражается сейчас с дутовцами, оставшиеся должны заменить их, работать с полным напряжением сил.

Дважды резко, требовательно протрещал телефонный звонок. Едва Голубцов шепотом сказал Андрееву, что звонит Васенко, лица шахтеров посерьезнели.

— Белочехи подняли мятеж!

Словно бомба разорвалась в помещении. Все разом зашевелились, заговорили.

— Да, да, немедленно вышлем, Евдоким Лукьянович. Весь отряд. Сейчас же дадим сигнал сбора.

Голубцов позвонил на электростанцию. Минуту спустя тревожный сигнал станции всколыхнул воздух.

— Товарищи, — обвел присутствующих взглядом Голубцов. — Все вы считаетесь мобилизованными на борьбу с контрреволюцией.

К Совету с винтовками в руках уже бежали шахтеры-красногвардейцы. Совсем немного потребовалось времени, чтобы объяснить Ивану Рожинцеву задачу: выступить в Челябинск, разыскать Васенко, вступить в бой с белочехами.

Как только отряд подошел к окраине города, Е. Полещук, Л. Горшков, М. Кормильцев были посланы в разведку. Вернулись они к вечеру. Вести оказались неутешительными: мятеж распространился на весь город.

Е. В. Полещук.

— На мой взгляд, вступать в бой столь малочисленному отряду явно бессмысленно, — сказал Рожинцев. — Попытаемся приостановить дальнейшее продвижение белочехов по железной дороге. Все их эшелоны на юг пойдут через станцию Потанино. Надо совершить налет на станцию, разобрать железнодорожный путь.

…31 мая 1918 года. Темна летняя ночь. Ярко, в полную силу сверкают крупные звезды. И березняк, среди которого у пристанционных путей залег шахтерский отряд, не шелохнет листвой — очень уж слаб ветерок.

Остро посматривает Леонид из березняка. Вот прошел в станционное здание железнодорожник. Пуговицы на его форменной одежде блеснули от света фонарей.

— «Свой брат, рабочий, — отметил Леонид. — Впрочем, кто его знает… Стоп! Вон три охранника».

— Давай, — громко сказал совсем рядом Дмитрий Бойцов, и тишину ночи разрезал первый выстрел. Длинной очередью полоснули из станкового пулемета Иван Башкатов и Еремей Берсенев по выбежавшим из здания охранникам.

Один за другим рванулись к зданию станции Леонид Горшков, Илья Петряков, Михаил Кормильцев и Максим Семенов. Вторая группа во главе с Леопольдом Гольцем уже приступила к разборке пути между станциями Потанино и Чурилово.

Схватка на станции была короткой. Группа Бойцова арестовала обслуживающий персонал и оставшихся в живых охранников. Связь с соседними станциями была нарушена.

— Жаль уходить так быстро, — вздохнул Бойцов. — Утром явятся белочехи, начнут ремонтировать пути, восстанавливать телефонную связь. Вот бы по ним еще разок ударить.

— Давайте мы с ребятами останемся, — быстро отозвался Горшков.

— Хорошо, — после раздумья согласился Дмитрий Бойцов. — Но берегите себя, чуть что — отходите.

— Разрешай мне с тобой, — тронул Горшкова за рукав бывший пленный австриец, живший на копях уже несколько лет.

— Возьми, смелый парень, — подсказал Миша Кормильцев.

— Давай, — согласился Леонид.

Отряд ушел, группа Горшкова затаилась около пристанционных путей. Уже днем прибыл эшелон с белочехами.

— Не стрелять без команды, — шепнул Леонид. — Пусть начнут высадку. А потом гранатами по вагонам.

Но вскоре пришлось отойти. Леонид понимал, могут уничтожить горстку смельчаков. Ребята, отстреливаясь, побежали по березняку в сторону копей. Их отход прикрывал австриец.

Вечером на другой день узнали шахтеры о героической смерти этого человека. Один из участников этого ночного налета на станцию, Николай Павлович Собакин, возвращаясь с шахты домой, шел лесом возле озера Тугайкуль. Неожиданно увидел мертвого человека. Возле него лежала написанная кровью записка:

> «Пусть я сын австрийского народа, но я боролся за свободу пролетариата на русской земле».

Похоронили шахтеры австрийца со всеми почестями. На могильный холмик кто-то положил фуражку с красной звездой.

Смелая вылазка шахтеров встревожила челябинских белогвардейцев. Вот что писала их газета:

> «31 мая в 2 часа 30 минут ночи отряд вооруженных людей захватил разъезд Потанино, разобрал на перегоне к Чурилово путь, уничтожил телеграфное и жезловое сообщение, оставив на разъезде караул».

2

Взойдя на насыпь узкоколейной железнодорожной ветки, связывающей станцию Потанино и Ашанинские угольные копи, Леонид и Клава замерли. Вдали раскинулись домики казачьей станицы Тугайкуль. За ними, над березовыми перелесками и пастбищами, расплывались в туманной дымке терриконы и копры шахт.

— Вот! — глянул на Клаву Леонид. — Это и есть наши копи, шахтерские копи. На фронте я не мог дождаться того дня, когда снова увижу их.

Леонид притянул к себе девушку, но Клава ловко вывернулась из объятий, сбежала с насыпи.

— Догоняй! — крикнула ему. И голубое ситцевое платье замелькало среди берез. Леонид бросился за Клавой. Долго бежали они по перелеску, запыхавшиеся, радостные, озорные.

— Ой, не могу! — остановилась Клава, вмиг очутившись в крепких руках Леонида.

Неожиданно послышался резкий гудок паровоза.

— Это на разъезде Примыканино, — шепнул Леонид, но Клава настороженно прислушалась, отвела его руки.

— Подожди-ка, Леня. Откуда здесь паровоз в такое время?

Леонид шагнул к самой высокой березе, ловко начал взбираться к верхушке. И замер… На путях разъезда стоял эшелон

товарных вагонов. В голове у паровоза — один пассажирский. С платформ в сторону леса смотрели, вытянув длинножерлые шеи, шестидюймовые пушки.

«Одна, две… шесть», — считал Леонид, поняв, что на разъезде остановился воинский эшелон. Из вагонов начали выскакивать солдаты. Форма их уже была знакома Леониду. Мгновенно он слез на землю.

— Белочехи, — тихо сказал Клаве. — Надо немедленно всех предупредить. Беги на Ашанинские к Гольцу, а я через Бойкову заимку — на Уфалейские к Голубцову и Егорову.

Клава бежала не разбирая дороги и тропинок, сучья били ее по лицу, по рукам, цеплялись за голубое праздничное платье. Задыхаясь, она шагнула через корягу и внезапно свалилась в яму. На ноге рана. На миг охватили слезы бессилья, но вспомнила: там враги! И опять продирается девушка через бурелом и колючий кустарник. Перевела дух, когда выбежала на опушку перед Ашанинскими копями. Пронеслась по поселку, ворвалась в раскомандировку шахты «Александр».

— Белочехи… — тихо сказала она, прислонившись к косяку двери и глядя на Гольца, Иванова и председателя Совета Ашанинских копей Ушакова, — …высадились на разъезде Примыканино.

Близкий взрыв потряс воздух. Это белочехи выпустили несколько снарядов по озеру. Леопольд Гольц обернулся к товарищам.

— Началось. Надо сообщить Голубцову.

— Леня убежал к нему, — сказала Клава.

— Вот что, дочка. Беги к Мише Кормильцеву, пусть организует молодежь, чтобы оповестить всех о приходе чехов.

А сам быстро пошел на шахтный коммутатор. Но телефонистка Анна Царева уже бежала навстречу.

— Вас, Леопольд Фридрихович, Голубцов вызывает.

Разговор с Голубцовым был коротким.

— Пусть шахтеры прячут оружие, — сказал тот. — Сам немедленно сюда. Захвати и Ушакова.

А белочехи не торопились. Осторожные после дерзкой вылазки шахтеров на Потанино, они с вечера разработали тщательный план захвата непокорных копей. Сам полковник Богдан Павлу участвовал в разработке этого плана. Эшелон с полуторатысячью солдатами прибыл на станцию Потанино. Состав был разделен на две половины. Несколько вагонов с головным паровозом направились к Кыштымским копям. Не доезжая разъезда Козырево, состав остановился. Солдаты выгрузились и пошли цепью на Кыштымские копи. Орудия на

платформах были приготовлены к ведению огня по шахтерскому поселку. Другая часть эшелона с хвостовым паровозом двинулась к разъезду Примыканино. Высадившись, солдаты направились по березняку к Тугайкульским копям. А состав двинулся на станцию Сергинско-Уфалейская. Копи оказались полукольцом окружены белочешскими солдатами.

Одновременно с этим из Челябинска двигался казачий карательный отряд под командованием поручика Карла Норенберга и сына управляющего Кыштымских копей Анатолия Максимова. Такая громадная сила выступала против малочисленного шахтерского красногвардейского отряда под командованием Ивана Рожинцева. Самым правильным решением большевиков в этих условиях было сохранить силы от неминуемого разгрома, уйти в подполье. Оружие шахтеры уже припрятали. Но как быть с Андреевым, Бойцовым, Сутягиным и Затеевым? Их уже разыскивали, гарцуя по улицам, казаки станиц Тугайкульской, Петровской, Козыревской.

— Повесим на первой березе, — шумел подвыпивший казачий атаман Федоров. — От нас не уйдут.

Прибыв к Голубцову с сообщением о высадке чехов на разъезде Примыканино, Леонид Горшков получил важное и ответственное задание.

3

Дорогу на Кыштымские копи Леонид хорошо знал. Но сейчас вокруг ночь, где-то затаились казачьи патрули. А Леониду во что бы то ни стало надо пробраться к Бойцову домой, сообщить ему, что Андреева и Бойцова ждут в надежном домике на окраине Фатеевки. Там приготовлены для них подводы. В разное время ночи должен проводить их туда Леонид Горшков. Так приказал Степан Викторович Голубцов, и в его настороженном взгляде Леонид прочитал: «Сумеешь ли один? Работы хватит на всю ночь». — «Не впервой ночами бродить», — ответил улыбкой на безмолвный взгляд Голубцова Леонид, и тот усмехнулся:

— Ну, ну, действуй. Важнее задания ты еще не получал, помни это.

И вот Леонид осторожно пробирается окраиной лесной опушки рядом с дорогой на Кыштымские копи. Перелесок он знает хорошо, и его тревожит лишь одно место — открытая дорога более чем в полверсты среди полян.

На минуту Леонид замер, прилег. И вовремя! Цокот копыт по укатанной дороге слышится сзади. Вот он стал глуше, всадники

сдерживали лошадей на шаг. До рези в глазах вглядывался Леонид в подъезжавших. Рука привычно потянулась к нагану, но тут же вспомнил: нельзя.

Всадников оказалось трое. Невдалеке от Леонида они остановились, о чем-то переговариваясь. Он стал подползать ближе, ощупывая кругом руками, нет ли хрустких веток, и вскоре ясно услышал голоса.

— Можно и в поселке, — сказал один и засмеялся: — Кого только там ловить-то? Забились, как крысы, в норы, носа боятся высунуть.

— А чего ж здесь-то торчать? В кусты тогда надо завернуть, коней привязать. Вздремнуть бы поочередке. Как ты на это, Афанасий?

— Можно и вздремнуть, — не сразу ответил старший из казаков. — И один увидит, если кто на дороге покажется. Только холодит еще земля-то.

У Леонида мурашки побежали по коже. Вот так номер! Будет лежать он на опушке под незримой охраной казаков, а задание? Поляну не пройти, она — как на ладони. И обратно идти опасно, вдруг услышат, поднимут тревогу. В таких редких перелесках человека найти нетрудно. И радостно дрогнул, когда услышал голос старшего:

— Айда в поселок, там в тепле прикорнем до свету. Все едино — ночь, хоть глаза выколи. А со светом продолжим службу.

Леонид решил ползти по траве через открытое место сразу же вслед за казаками. Когда они скроются за первыми избами, можно вскочить и дальними переулками миновать поселок.

Глубоко за полночь постучался он к Бойцову. Не сразу открыла даже на условный стук жена Бойцова Антонина Васильевна. В полутемной прихожей Бойцов сразу же спросил:

— Все в порядке? Договорились? Ждем, Леня, ждем!

Бойцов и Андреев обнялись.

— Не забывай о железной дороге, — напомнил Андрей Андреевич уже в дверях. — Это очень важно сейчас.

Леонид не знал, что разговор идет о взрыве группой Масленникова железнодорожного полотна между 14-й и 21-й верстой Омской железной дороги. В эту ночь, когда Леонид вел Андреева, чтобы передать его связному из Челябинска по кличке «Хасан», группа уже приступила к выполнению задания.

Как свидетельствуют воспоминания копейчан-коммунистов Дарьи Кузьминичны Голубцовой и Михаила Никитича Иванова, Андрею Андреевичу Андрееву удалось пробраться на бричке с разным хламом в Карабаш. Затем он отбыл в Кыштым, в красногвардейский отряд Сергея Мрачковского. Туда же вскоре

прибыли Д. А. Бойцов, Г. В. Сутягин и Н. И. Затеев. И. И. Шадымов уехал в Кочкарь.

4

Из окна своей хибарки, выходившей к станции Сергинско-Уфалейская, Еремей Берсенев внезапно увидел подошедший к станции эшелон. Из теплушек выпрыгивали белочехи.

— Как же просмотрели наши? — изумился Еремей, лихорадочно соображая, что ему делать. В сарайке стоит тот самый пулемет, из которого крошил он белочешскую охрану на Потанино. И он решил принять бой один, задержать чехов, пока не подойдут красногвардейцы. Пробив ногой отверстие в плетне, Еремей подтащил туда пулемет и ленты.

Е. Т. Берсенев.

— Еремушка! — вскрикнула, выбегая из дома, жена. — Ведь ничего ты один не сделаешь, только себя и нас с ребятами погубишь. Шестеро же их.

— Цыц, старая, — отмахнулся Еремей, устанавливая пулемет. В этот момент в ворота вбежал паренек Федя, младший брат Ивана Рожинцева.

— Еремей Тимофеич! Не стрелять! Меня братишка

специально сюда послал. Говорит, не вытерпит Еремей Тимофеевич, а есть приказ Голубцова — не вступать в схватки с белочехами.

— Это как же — не вступать? — привстал Берсенев. — Так и пустить врага на свою землю? Валяй домой.

— Приказ Голубцова, — подскочил Федя, — срочно прятать всем оружие в надежные места. Белых тысячи две привалило, прут со всех сторон.

Берсенев молча поднялся и потащил пулемет в сарайку:

— Давай-ка, Пелагея, быстренько лопату.

Едва был зарыт пулемет, ленты и винтовка, и корова Буренка улеглась на свежую подстилку на этом месте, к дому на подводе в сопровождении двух солдат подъехал Засыпкин. Он работал в шахте в смене Берсенева.

Войдя в прихожую, Засыпкин козырнул и кивнул на чехов.

— Господа требуют сдать оружие.

— Дробовик вон, что ли? — поднял на него насмешливый взгляд Берсенев. — Так он мне для охоты нужен. Вообще-то, коль господа так нуждаются, пусть заберут, — и затаил в усах веселую усмешку, наблюдая, как Засыпкин рассматривает ржавое без курка ружье.

— Шутить изволите? — вскинулся Засыпкин.

Берсенев встал.

— Перестань брякать, — тяжело посмотрел он на Засыпкина.

Засыпкин, зная крутой нрав десятника, смолчал.

Солдаты начали обыск. Едва вошли в стайку, произошел курьезный случай. Буренка, увидев незнакомцев, вскочила и направила на них рога. Шарахнулся назад один из чехов, снимая карабин, но второй остановил его, махнул рукой, и оба вышли из сарая.

Обыски шли по всем копям. Результаты оказались печальными для чехов: около десяти винтовок, несколько берданок. Но чехи были довольны, что мятежные шахтерские поселки не оказали сопротивления. Уже к вечеру полковник Богдан Павлу приказал основным подразделениям отбыть в Челябинск, оставив в копях полуроту солдат.

На другой день появился казачий карательный отряд. Начались массовые аресты.

Анна Михайловна Горшкова торопливо прибежала домой.

— Вставай, Лешенька, вставай! Смотри, что кругом творится. Убьют же тебя, окаянные.

Леонид, отсыпавшийся после бессонной ночи и тревог, ошалело вскочил.

— Арестовывают и избивают всех, кто Советской власти

сочувствие сказывал, — утирая глаза кончиками платка, говорила мать, — Чует сердце, вот-вот за тобой явятся.

В дверь громко постучали. Анна Михайловна метнулась в прихожую. Рослый казак шагнул в дверь, огляделся и громко сказал:

— На площадь, тетка, иди. Всех приказано гнать из квартир. Там большевистских шпионов казнить будут. Давай, давай, живо!

«Шпионов?! Каких шпионов? — недоумевающе размышлял Леонид, торопливо одеваясь. — Неужели из наших кто?»

Стукнула дверь, казак ушел. Анна Михайловна метнулась к сыну.

— Не ходи, Лешенька, христом-богом прошу! Опознают ведь…

— Надо, мама. Иди отдельно от меня, я к Илюхе Петрякову зайду.

Дома у Петряковых никого не оказалось.

— Там все, — древняя старуха махнула трясущейся рукой в сторону площади.

Действительно, на площади Тугайкульских копей было невиданно много народу. Сюда согнали семьи красногвардейцев, ушедших на борьбу с дутовцами. Леонид услышал стоны избиваемых людей.

— Кого это? — шепотом спросил он у пожилой плачущей женщины. Та качнула головой:

— Не знаю. Привели каких-то двоих, сказали, что большевики, и давай их плетями-то, в клочья кожу изодрали. Страшно смотреть вблизи-то, не ходи.

Но Леонид пробирался вперед, стараясь разглядеть, кого бьют. Нет, их он не знает. Видно, не здешние. И вздрогнул, увидев, как в круг вводят двух стариков — Ермолая Ряшина, отца Никиты, и Андрея Бойко, отца братьев Бойко. Они прошли мимо, гордо подняв седые головы. А вслед за ними в круг ввели казака из станицы Тугайкульской — Георгия Николаевича Медведева. Леонид знал его сына Ивана, ушедшего с шахтерами под Оренбург. Старика вел сам атаман Федоров в сопровождении трех чешских солдат.

«Что они замышляют?» — тревожно думал Леонид, оглядываясь кругом. Невдалеке он увидел писаря казачьей станицы Петра Медведева — брата Георгия Медведева. Тот, опустив голову, хмуро разглядывал носки своих начищенных сапог. Не знал Леонид, что Петр Медведев только что в правлении казачьей станицы выдал своего брата.

«Где же мои ребята? — всматривался в лица шахтеров Леонид. — Жаль, что нагана не взял с собой».

Он зло смотрел на чеха-офицера, спокойно раскуривавшего папиросу. Изредка офицер бросал острые взгляды на строй своих солдат, застывших в хмуром безмолвии. Торопливо и невнятно пробормотал слова молитвы чернобородый священник. И отошел поближе к чешским солдатам. Казачий офицер, поговорив о чем-то с атаманом, подошел к Георгию Николаевичу Медведеву.

— Ну, молитву божескую слышал? Как же так Медведев получилось, что сын твой Иван, потомственный уральский казак, нарушил присягу, ушел служить большевикам, изменив казачеству, а?

Спокойно повернулся к офицеру Медведев, внятно ответил:

— Ни я, ни сын мой не были предателями, не нарушали присяги, данной Родине и народу. Народу мы обещали служить честно, и он может нас судить, а не эти иноземцы, — кивнул он в сторону белочехов.

Мигом слетело напускное равнодушие с чешского офицера. Он размахнулся и ударил старика по спине нагайкой. Атаман Федоров подскочил сюда же, заорал:

— Пороть их, пока душа с телом не расстанется! Жив-во!

Медведева, Ряшина и Бойко сшибли с ног. Засвистели плети, истерично вскрикнула какая-то женщина, заплакали дети. Загудела толпа. Леонид рванулся в круг, но его крепко удержали чьи-то руки. Обернувшись, увидел: Степан Голубцов.

— Не горячись, не время.

А толпа гудела, сжималась вокруг кучки белоказаков и белочехов. Забормотал что-то чернобородый священник.

— Прекратить порку! — раздался голос казачьего офицера.

Торопливо прошли средь расступившейся толпы каратели. А на земле распластанные остались три старика. Подбежали к ним родственники, подняли, повели домой.

— Идем, надо собираться, — тихо сказал Голубцов Леониду. — Кое-кого из наших уже оповестил я. Встретимся в механических мастерских Уфалейских копей. Иди отдельно. Присылал за тобой на квартиру, Анна Михайловна в плач. Ушел, говорит, на площадь, натворит опять там. Помни, нужна строжайшая дисциплина, умная конспирация.

Так, вспоминают К. И. Хохлачева, П. А. Набережный, уже в первые дни после занятия копей белочехами начала создаваться небольшая подпольная организация, во главе которой встал Степан Викторович Голубцов.

Лихие тройки прибывали на копи одна за другой. Возвращались на шахты старые хозяева, высокомерные, веселые, разряженные. Прикатил с семьей управляющий копями Р. Г. Попов. Он выселил из своего особняка шахтерские семьи, приказав выбросить немудреные вещи рабочих прямо за ворота.

— И отскоблить все, обкурить дымом, разбрызгать одеколон, чтоб духу их в комнатах не осталось, — зло приказал он.

В Народном доме[8] в честь установления «законной» власти был банкет. К семи часам вечера стали подъезжать пролетки. Гости важно высаживались у крыльца, шумно здоровались, прогуливались по усыпанным свежим песком дорожкам.

Инженер Креминский, едва приехав, пошел разыскивать старого Витвицкого. Не мог простить он старику, что тот остался работать на копях после прихода к власти большевиков. Витвицкий прогуливался по аллее с инженером Позиным и его супругой. До Креминского донеслись слова Позина:

— На мой взгляд, господин поручик Норенберг жесток с рабочими. Репрессии репрессиями, но с какой охотой будут добывать уголь те, кого еще вчера лупили нагайками? Шахтеров надо приманивать на свою сторону пряником и ласковыми словами.

— Охотно соглашаюсь, — кивнул Витвицкий. — Нам с вами, а не Норенбергу, придется иметь дело с шахтерами, когда потребуется уголь. Своей жестокостью Норенберг вставляет нам палки в колеса, — помолчав, добавил: — Впрочем, это его профессия — пытки и допросы.

Обернувшись, увидел подходившего Креминского.

— А-а, Григорий Спиридонович! Вернулись? Скучновато здесь было без вас. Ни крику, ни шуму.

— Ну, ну, — пожимая всем руки, усмехнулся Креминский. — Как видите, революционный период окончен. Пришла твердая власть. Законная, богом данная, так сказать.

— О-о! Вы стали набожны? — вприщур посмотрел на инженера Витвицкий. — Урок с революцией в пользу пошел?

— Каждому свое, — передернул плечами Креминский. — А вам, Владислав Иванович, как поработалось при Советах.

— Не жалуюсь, — стал серьезным Витвицкий. — Доверие народа всегда ценил высоко.

— Ого! — воскликнул Креминский. — Странно слышать! Уж не сагитировали ли вас господа товарищи в свои ряды? Что об этом скажет, коль услышит, господин поручик Норенберг?

— Он прекрасно осведомлен о моих мыслях, — усмехнулся Витвицкий. — А вам не мешало бы вспомнить, что если бы не я, гнили бы ваши косточки где-нибудь в старой штольне еще в

семнадцатом году…

В просторном зале собрались группами инженеры копей, казачьи заправилы с женами, офицеры карательного отряда, чешские командиры. На видном месте в траурной рамке висел портрет Николая II. Гремела музыка — на сцене разместились музыканты, привезенные ради торжества из Челябинска. Витвицкий поморщился:

— Все это скоро превратится в пьяную оргию, — кивнул он Позину. — Дрянная русская привычка — любое торжество превращать в попойку.

Позин пожал плечами:

— Торжества, однако, не чувствуется. Что касается меня, то сия обстановка больше напоминает поминки, — указал он глазами на портрет царя.

Витвицкий не удержался от улыбки:

— Тонко замечено. Но, смею заверить, мысли у вас зело опасны. Не дай бог, услышит их сосед, — кивнул он на важно выступающего Норенберга. — Впрочем, он целиком поглощен ухаживанием за Ядвигой Львовной. М-да, бывший конторщик и начальник контрразведки. Раньше госпожа Креминская не позволила бы ему сесть рядом, а сейчас…

Все уселись за столы. Начались бесчисленные тосты. Дородная супруга атамана Федорова Варвара грозила зажатой в руке куриной ножкой:

— Дали бы мне волю — всех бы этих большевиков на березах перевешала. Чего? Не хватит берез? Займем у этих… Как их? А, за границей займем, там всего много… Как капусту в корыте, так и рубила бы их всех!

Ее сосед, казачий урядник Топилин, с усмешкой заметил:

— Капусту сечкой в корыте рубят, матушка, а не боевым оружием.

— А-а! Начхать! Изрубила бы. Сил не хватит? А вот, видишь?

Под оглушительный хохот соседей она заголила короткий рукав платья, показывая мясистые мускулы.

— Мы казачки! За мужиков-то ломим по хозяйству, как лошади. Ну, ну, не суй мне под бок, — огрызнулась на мужа захмелевшая атаманша: — Али неправду я говорю?

Ядвига Львовна, презрительно скривив губы, тихо сказала Норенбергу:

— Стыдно с этой мяснихой сидеть за одним столом. Никакого воспитания и такта.

— Очень согласен, — наклонился к ней поручик. — Извольте, мадам, не беспокоиться: усмирим мужичье и большевиков и опять вы будете принимать эту… э-э… бабу с черного хода. А сейчас

компромиссы с ними необходимы… В интересах нашего святого дела.

Пирушка была в разгаре. Леониду Горшкову, забравшемуся с вечера в кинобудку, в окошечко было видно, как потешается в пьяном разгуле «изысканное» общество. «Тот вон, кажется, офицер, — приметил он длинного чеха, пьяно поднявшего бокал с вином, — порол стариков. Погоди, я тебе сейчас покажу кузькину мать». Заделывая отверстие в глиняной бомбе, мельком вспомнил наказ Степана Викторовича Голубцова: «Все, начиная с Креминского и кончая Норенбергом, должны с первых дней чувствовать, что не они хозяева на копях, а мы, шахтеры».

Грохот взорвавшейся возле столов бомбы на миг перекрыл пьяные крики. Опомнившись от испуга, подвыпившая «знать» истерично взвизгнула и бросилась, сметая столы с закусками, к дверям. Норенберг кричал что-то, потрясая рукой с пистолетом.

Усилия остепенить публику были тщетны, и поручик выстрелил в воздух. Но это лишь усилило суматоху. В момент выстрела управляющему копей Попову прилетело в лоб что-то твердое, и тот истошно заорал:

— Караул! Убивают! Спасите!

Вскоре зал почти опустел. Как после погрома, валялись на полу столы, стулья, разбитая посуда и бутылки. Возле Попова, упавшего на пол, суетились трое казаков, примачивая водой лиловеющую шишку на лбу.

* * *

В один из июльских вечеров в заброшенной штольне, возле разреза, Леонид встретился с Голубцовым.

— Ну, вот что, Леня. Есть радостная весть. Вернулся из Челябинска Егор Полещук. Связь с уездом начинает налаживаться. Выслали сюда специального человека для руководства подпольной организацией…

— А вы, Степан Викторович? — не удержался Леонид.

— Видишь ли, — улыбнулся тот, — и я буду работать вместе со всеми, но бывший председатель исполкома Совета у карателей на примете. Пришлось оставить в Совете кое-какие фальшивые бумаги.

Леонид так и не видел в темноте штольни еще одного человека, пока тот не окликнул его:

— Чего же, Леня, не здороваешься?

По голосу Леонид узнал Василия Яковлевича Екимова. Но как он оказался на копях?! Ведь он, говорили, служит в Красной

гвардии, воюет против Дутова.

В. Я. Екимов.

— Удивляешься, что я здесь? — снова спросил Екимов. — Дома-то спокойнее, не каждая пуля найдет.

В голосе Екимова ясно слышался смех.

— Ладно, не мучай парня, — сказал Голубцов. — Прибыло нашего полку, Леня.

— Ну, тогда здравствуйте! — шагнул к Екимову Леонид.

— И это еще не все, — сказал Голубцов. — Тебе, Леня, с твоим десятком есть серьезная работа…

И тихо, поминутно прислушиваясь к ночной тишине, начал объяснять Горшкову новое задание.

6

В ночной тишине полное безмолвие. Собственные шаги кажутся резкими, и Василий Яковлевич ступает все более осторожно, чем ближе подходит к своей землянке. На шахту он еще не устроился, и попадаться безработному в руки карателям было опасно. Первые дни ушли на связи с оставшимися коммунистами, на организацию строгой конспирации, как учила Софья Авсеевна Кривая, работник Челябинского горкома РКП(б),

оставленная в городе для подпольной работы.

Софья Кривая дала Екимову пачку листовок и наказала:

— Крайне необходимо, чтобы жители обратили внимание на подпись. Пусть знают, что партия ушла в подполье, но она действует, она руководит борьбой народа.

Сейчас, возвращаясь домой, Василий Яковлевич размышлял о том, что идет, кажется, все хорошо. Собственно, начало организации положил неутомимый Степан Голубцов.

«А Леня Горшков очень повзрослел, — подумал Екимов. — Никогда бы не поверил, что из этого отчаянного забияки подпольщик получится. Да и Степан Викторович не ожидал, что представителем подпольного городского комитета партии окажусь именно я».

Василий Яковлевич засмеялся, вспомнив, как он пришел к Голубцову. Поговорили о разных пустяках, вместе просмотрели номер «Огонька» за 1916 год. Выждал Василий Яковлевич для порядка еще немного времени, говорит Степану Викторовичу:

— Спички с картинкой бравого казака у вас есть?

Степан Викторович встрепенулся. Это был пароль. Спросил, пряча в усах настороженную улыбку:

— А сколько?

— Одну тысячу.

— Спички есть, но дорогие.

Екимов молча положил на стол пять сторублевок царской чеканки. Не вытерпел тут Голубцов, вскочил, схватил товарища в объятия.

«Начало есть, — снова подумал Екимов, приближаясь к своей землянке и оглядываясь. — Теперь — за дело…» И отпрянул в сторону, наскочив в густой тьме на идущего навстречу человека.

— Стой! — крикнул тот.

Екимов перемахнул через изгородь, пробежал по грядам огорода. Еще несколько метров — и он окажется в березовом перелеске. Но там могут организовать облаву, Василий Яковлевич ничком упал между грядок, затаился. Так и есть. Преследовавший помчался по проулку прямо к перелеску. Вдали послышались голоса, вероятно, появился патруль. Куда скрыться? Дом рядом, но ночью здесь возможны обыски. Возвращаться к Голубцову далеко и небезопасно. Екимов знал, что невдалеке есть шурф старой шахты. Крадучись, держа на взводе руку с наганом, добрался до шурфа.

Утром Василий Яковлевич шел домой в час, когда шахтеры ночной смены возвращались с работы. Так было безопасней, И все-таки пришлось избрать самый короткий путь. Но все обошлось благополучно. Лишь Прасковья Владимировна

всплакнула, приникнув к плечу мужа.

— Ну, ну, — ласково успокаивал он жену. — Все хорошо. Никто не приходил?

Она отрицательно покачала головой, и Василий Яковлевич с минутным сожалением подумал, что мог ночевать и дома.

— Дай старую робу, иду устраиваться забойщиком. И вечером скоро не жди, немного задержусь.

Рабочие были нужны. В эту же смену Василий Яковлевич спустился в шахту. Леонид Горшков успел ему сказать, что освобождены Михаил Вдовин и Алексей Гусев, арестованные в первые дни после прихода карателей. Гусева Екимов не знал, а вот Вдовина надо было привлечь к активной работе — это человек решительный.

В низком забое полутемно. Времени с начала смены прошло много, но шахтеры еще не работали. Кто-то испортил подъемные лебедки.

— Почаще так делали бы, — сказал пожилой забойщик. Василий Яковлевич приостановил шаг.

— Тише, напорешься на какую-нибудь дрянь, — оборвал его товарищ. — Слышал, таскают то одного, то другого. Оружие, что ли, ищут.

— Пусть ищут, — отозвался пожилой. — Кто прятал — не дураки. Эй, кто тут? — окликнул он Екимова.

Познакомились, стали тихо разговаривать. Вскоре товарищ пожилого отошел.

— Слышь-ка, что скажу, — сказал пожилой. — Я ведь знавал тебя раньше. За большевиков ты шел, а потом на Дутова укатил. А сейчас-то как на копях оказался? Аль разбежались там наши все?

— Нет, не разбежались, — ответил Екимов. — Я по ранению отстал, добрые люди вылечили, подался домой. Армия-то наша далеко, не сразу доберешься.

— Оно так, — хмуро кивнул пожилой. — Конечно, и здесь дело найдется. А обо мне не заботься, не выдам.

Тепло и удивительно спокойно стало на сердце у Василия Яковлевича.

23 июля 1918 года под руководством Екимова, Голубцова и Полещука был создан стачечный комитет. В него вошли: председатель правления объединенного профсоюза И. М. Масленников, секретарь профсоюзной организации Южной группы копей Ф. Е. Царегородцев и рабочий с Кыштымских копей Дмитрин. Через несколько дней члены стачечного комитета были арестованы.

В ответ на массовые аресты, увольнения рабочих и выселения

их с квартир Екимов и Голубцов организовали забастовку. Она мощной волной прошла по всем копям Челябинского района. Белогвардейцам было предъявлено требование — немедленно освободить арестованных. На третий день забастовки арестованные, в том числе и члены стачечного комитета, были освобождены[9].

Большую подрывную работу в тылу белогвардейцев проводили и коммунисты-татары Дахретдин Хуснутдинов, Ахматша Файзуллин, Юнус Габдрашитов, Файзутдинов, Минатудзинов, Мухамедзянов, Шаймардан и Хусаин Сундуковы. Они распространяли листовки, выводили из строя горношахтное оборудование, добытый уголь мешали с породой.

Для более оперативного руководства партийными ячейками по решению городского комитета РКП(б) было создано два райкома партии. Один — на станции Челябинск и на заводе «Столль и К°», другой — на угольных копях.

…Заседание проходило на конспиративной квартире К. М. Рогалева. В состав районного подпольного комитета копей вошли: «В. Я. Екимов — председатель комитета, С. В. Голубцов — секретарь, Е. В. Полещук — заведующий отделом связи, Ф. Е. Царегородцев — заведующий отделом снабжения, М. Ф. Вдовин — заведующий отделом Красного Креста»[10], казначеем был избран С. П. Демин.

М. Ф. Вдовин.

Организовали подрывную группу в составе И. Масленникова, Л. Горшкова, И. Петрякова, К. Рогалева, Д. Хуснутдинова. На этом же заседании избрали особую группу с целью: объединять рабочих-подпольщиков Челябинских копей в «десятки» по месту их работы. В эту группу вошли: И. Масленников, П. Бухалов, Л. Горшков, Д. Хуснутдинов, И. Петряков, К. Рогалев, А. Отрыганьев, П. Сазонов, И. Лазовский и другие. Они должны были поддерживать полнейшую связь с подпольным районным комитетом.

После совещания Екимов подозвал к себе Леонида Горшкова, охранявшего вместе с Ильей Петряковым заседание комитета, и напомнил ему:

— Не забыл о поручении? Завтра ночью надо побывать на Кыштымских копях. За листовками зайдешь сейчас же к Степану Викторовичу.

Леонид был рад, что первое поручение подпольного комитета партии доверялось выполнить именно ему, руководителю ячейки социалистического Союза рабочей молодежи.

— Побывай у Михаила Вдовина и Петра Бухалова. Расспроси, как провели операцию со взрывом железнодорожного моста между разъездами Козырево и Ванюши. Предупреди, чтобы с этого дня самостоятельно не действовали. Из-за взрыва пошли сплошные аресты. Передай, что Наумова и Трусова в Челябинске расстреляли. Скажи Вдовину, пусть завтра приходит к Федору Царегородцеву. Есть дело. Будет возможность, навести Феликса Яшкевича, Федора Щекатурова. Спроси, как они чувствуют себя после ареста и белогвардейских плетей. Скажи, что деньгами на время болезни и лекарством обеспечим.

На следующий день пара рысаков лихо промчалась из Челябинска по проселочной дороге к заимке казака Федула Царионова. Нарядно одетую девушку встретил сам Екимов. Встречные прохожие не могли даже и заподозрить, что приехавшей была Софья Авсеевна Кривая. Внимательно наблюдая за идущим впереди Екимовым, она дошла до дома Царегородцева. Здесь уже были в сборе все члены подпольного районного комитета партии.

7

День начинался. Редкой вереницей шли к шахте забойщики и саночники. Зато к проселочным дорогам из поселка тянулись одна за другой подводы, нагруженные домашним скарбом.

Леонид знал: едут выселенные из копей семьи красногвардейцев. Одна из телег поравнялась с ним. Тихий стон молодой женщины перекрыли торопливые слова пожилого мужчины, сидевшего на облучке:

— Потерпи, Аннушка, потерпи. Уехать побыстрей надо.

Леонид остановился. Он узнал Анну Ряшину — жену красногвардейца Никиты Ряшина. В поселке рассказывали, что по указке квартирного старосты Дружкина казаки ворвались в дом Ряшиных, избили Анну на глазах у малолетних сынишек, выбросили вещи на улицу.

Всю эту смену Леонид работал молча, вспоминал утреннюю встречу. В душе крепла ненависть к белоказакам.

…Августовский вечер тих и свеж. В полутьме улицы поселка кажутся вымершими. Люди не выходят из бараков. Изредка раздается торопливый цокот лошадей — это спешит казачий разъезд. Идти до Кыштымских копей в эти часы опасно. Леонид, конечно, опять пойдет перелесками около дороги. Ашанинские копи, там расположился белогвардейский штаб, придется миновать левее, держась ближе к озеру Солодяк.

Леонид спрятал под рубашкой пачку листовок. Заткнул за пояс брюк наган, сунул за голенище сапога нож и вышел из барака.

Позади остался Пентеговский разрез. Юноша шагал к небольшому болоту, поросшему мелким кустарником. Здесь меньше всего можно ждать патрулей. Чмокала в стареньких сапогах болотная вода, с кустов, мокрых после дневного дождя, сыпались капли воды, и одежда вскоре промокла. Но за листовки он был спокоен. Дарья Кузьминична Голубцова обернула их куском клеенки, перевязала пачку тонкой бечевкой.

Вот и опушка леса у Злоказовского поселка. Леонид долго всматривался вдаль, в сторону поселка, прислушивался. Вокруг тихо. Но это была предательская тишина. Отсыревшая после дождя земля скрадывала звуки, и казачьего атамана Федорова с двумя солдатами Леонид заметил уже выйдя из леска. Атаман, вероятно, возвращался в Тугайкуль со Злоказовских копей. Камнем упал в мокрую траву Леонид, ящерицей прополз до кустов и замер, зажав в руке наган. В какой-то миг снова с благодарностью вспомнил Дарью Кузьминичну.

Переждав, когда Федоров с солдатами скроются за поворотом, Леонид поднялся. Дальше путь был менее опасен. До самых Кыштымских копей селений не было.

Тихо идет по лесу Леонид, вслушиваясь, когда заплещется озеро, от которого до поселка Кыштымских копей не более километра. Идет настороженно, и все же обрывки воспоминаний

вспыхивают и гаснут в голове. До сих пор неизвестно, что стало с Евдокимом Лукьяновичем. Одни говорят, что его расстреляли возле станции Аргаяш, другие — задушили в штабном вагоне при допросе.

Леонид вспоминает прощальное пожатие Андреева. «Где он сейчас?» — мелькает мысль.

Потянуло свежестью. Значит, озеро рядом. Запахло смородиной и черемухой. Выбирая ногой нетопкие места, Леонид подошел к воде, зачерпнул в пригоршни, жадно стал пить солоноватую влагу, поплескал на голову. Неожиданно уловил нерусскую речь. Он отскочил от воды и лег за кустами тальника. Солдаты прошли совсем рядом и остановились в двух-трех шагах, положили винтовки на землю. Один из них вошел по колено в озеро, в тишине послышался плеск. Подошел к воде и второй солдат. Теперь он был от Леонида рукой подать.

На раздумье времени не было. Вскочив, Леонид нанес ему рукояткой нагана удар по голове. Тот грузно повалился в воду. Другой солдат ошеломленно замер на миг, но тут же метнулся к винтовкам. Леонид ничком бросился наперерез, ухватил его за ноги, и оба оказались в воде. Завязалась борьба. Солдат навалился на Леонида, и тот, погрузившись в озеро, хлебнул воды. Собрав все силы, юноша рванулся в сторону и ударил белочеха наганом по голове. Ему показалось, что удара не получилось, но солдат обмяк, осел и свалился в воду. Леонид из последних сил держал голову врага в воде. Вскоре все было кончено.

Качаясь от изнеможения, Горшков добрался до берега, обыскал лежавшего там солдата. Пачка денег и наган — все, что нашел он у него. Взяв винтовки, торопливо пошел от озера. Обессиленный, Леонид не очень соблюдал осторожность, когда шел по темной улице поселка. У дома Михаила Вдовина остановился. И вдруг кто-то сильно скрутил руки, втолкнул в рот тряпку. Его поволокли в ограду. Скрипнула дверь, он оказался в плохо освещенной комнате. Леонид различил около стола Михаила Вдовина. Тот удивленно посмотрел на Горшкова, быстро подошел к нему, вынул кляп изо рта и неожиданно расхохотался:

— Это же Леня Горшков.

Григорий Нищих, тот, кто привел Леонида, смущенно сказал:

— Оружьице при нем солидное — две винтовки да два нагана. Я и решил: следит за нами.

— Ну, с чем пожаловал? — Вдовин положил руку на плечо Леонида.

— Крепко хватанул, — недовольно повел глазами на Григория Леонид.

— Смотри-ка, — к столу подошел Петр Бухалов. — Я тебя поначалу не признал, Леня.

Горшков передал листовки. Рассказал о первом заседании созданного районного подпольного комитета, сообщил Вдовину все, что просил передать ему лично Голубцов, и заторопился:

— Светать скоро будет, обратно надо.

Григорий Нищих и Леонтий Федячкин привели лошадей.

— Я довезу тебя до Тугайкульского леса, — сказал Петр Бухалов. — Дальше на лошадях опасно.

У Тугайкульского озера друзья распрощались, Леонид подарил Бухалову одну из трофейных винтовок. Вторую винтовку и оба нагана спрятал в укромном месте возле заимки Головешкина. В поселок идти с оружием сейчас было рискованно.

Леонид шел по тропке спокойно: если даже его и схватят, никаких улик у контрразведки не было. Сильный удар в голову свалил с ног. Кто-то связал больно руки. В полутьме он заметил, что задержали его два белогвардейских солдата.

— Знать-то, не зря здесь шел, — сказал один из них, видимо, старший. — Веди в штаб. Я здесь еще постерегу. Вертайся живее.

— Вести-то его как? — спросил второй. — Дорог здешних я не знаю.

— Шагай по этой тропке, там и штаб увидишь.

Но солдат в темноте не заметил, что на развилке двух тропинок свернул не на ту, которая вела к штабу. Леонид вскоре понял это, и сердце радостно дрогнуло: они шли к кладбищу вблизи заимок Бойко[11] и Головешкиных[12]. Возможно, что там и удастся избавиться от конвоира.

Шли долго, солдат озирался, стараясь понять, где они находятся. Внезапно Леонид услышал отдаленный стук телеги. Ехать ночью по проселочной дороге мог, конечно, только кто-то из местных жителей.

— Куда ты меня ведешь? — сказал Леонид конвоиру. — Если в штаб, то надо свернуть туда вон, вправо, — мотнул он головой в сторону гремевшей телеги.

Солдат постоял, прислушиваясь, потом буркнул:

— Айда вправо.

На телеге ехал Афанасий Ряшин — брат Никиты.

«Леньку задержали», — понял он и, не раздумывая, бросился на конвоира, едва телега поравнялось с тем. Растерявшийся солдат не сопротивлялся.

— Развяжи руки, — сказал Горшков, когда Афанасий связал солдата.

— А с этим что делать? — кивнул Афанасий на конвоира.

— Ну его, — махнул рукой Леонид. — Заберем винтовку и

пусть проваливает.

Он подошел к солдату.

— Вставай-ка и мотай отсюда. Не вздумай следить за нами.

Афанасий и Леонид взобрались на телегу, лошадь с места взяла рысцой. Около барака, где жил Горшков, Афанасий распряг лошадь, сел на нее верхом.

— Завтра забегай, дело есть, — сказал Леонид. — Надо у вас на Ашанинских копях создать свой десяток. Сможешь это организовать? Я помогу.

— Подумаю, — сказал Афанасий. — Кое с кем из ребят переговорю.

8

Знойный день августа. Жаром пышет от земли, но в лесу духоты меньше. Володя Вдовин вытер пот с лица, оглянулся. Все ребята разбрелись по березовой роще, рубашки их мелькали между деревьями. С утра вся компания собирает грибы.

Коля Репин вынырнул словно из-под земли.

— Там кучу сучьев ребята нашли, — сообщил он.

— Ну и что же? В лесу сучьев много.

— Да нет, пахнет падалью.

Составив корзины под березу, юноши принялись растаскивать сучья в стороны. Неожиданно вместе с сучьями из кучи вытащили белую кашемировую шаль с цветастыми полями.

— Смотри, кровь! — крикнул кто-то, указывая на шаль.

— Давай дальше! — скомандовал Володя Вдовин. Под листьями лежала мертвая старая женщина. Лицо ее в нескольких местах оказалось проколотым острым оружием, вероятно, штыком.

Держа в руках шаль, Володя вспоминал, на ком он видел ее?

— Стоп! — объявил он. — В такой шали по воскресеньям я часто видел бабку Стряпунину. С неделю, как исчезла она с копей.

Володя состоял в подпольном десятке Горшкова. Он не мог сказать товарищам, что шестидесятилетняя Стряпунина была разносчицей листовок и связной между копями. Это она сообщила Степану Викторовичу Голубцову, что Ф. Смирнов и И. Богаткин стали тайными агентами белогвардейцев. Иначе и не могла поступить Татьяна Стряпунина: двое ее сыновей и зять сражались в Красной Армии. Десятки раз проходила старая женщина незаподозренной мимо патрулей, но вот поймали ее беляки.

— Сволочи! — прошептал Володя и скомандовал ребятам: — Живо в поселок! Сообщите всем, что беляки убили бабку Стряпунину.

Вся ватага бегом бросилась от страшного места. И вскоре загудела Южная часть копей. Из уст в уста передавали весть об убийстве старой женщины.

Володя Вдовин добрался до барака Степана Викторовича Голубцова. Там был и Василий Яковлевич Екимов.

— Этого так оставлять нельзя, — сдвинул брови Степан Голубцов. — Похороны Татьяны Стряпуниной превратим в демонстрацию протеста.

— Найдешь Леонида Горшкова, пришлешь сюда, — сказал Володе Голубцов. — А сам сразу же направишься на Кыштымские копи, сообщишь о смерти матери ее дочери Манефе Пильниковой. Но главное — расскажешь обо всем Тимофею Щекатурову. Пусть готовятся к похоронам организованно. Сам сразу возвращайся сюда.

Подготовка к массовой демонстрации протеста началась. Едва Леонид Горшков явился к Степану Викторовичу, как ему поручили:

— Срочно собери свой десяток, идите на шахты, в бараки, в землянки, объясняйте цель завтрашней демонстрации. К нам должны присоединиться все шахтеры.

Леонид направился в поселок Афон. Здесь жила Клава Хохлачева. Ее отца Ивана Хохлачева он встретил у дома Задориных. На завалинке и скамейках сидело человек пятнадцать шахтеров. Разговор шел о нелегкой шахтерской жизни. Хозяева шахт задерживали выдачу зарплаты, ссылаясь на то, что угля добывается мало. В кредитных лавках исчезли мука, сахар, масло и мясо. Приходилось вещи менять на продукты.

Едва Леонид сообщил об убийстве Татьяны Стряпуниной, Петр Задорин поднялся с завалинки, хмуро сдвинув брови.

— С ней мы, — кивнул на жену, утиравшую слезы концами платка, — доживаем век. Глумиться над нами на старости лет не позволим. Сегодня Татьяну прикончили, завтра к нам вломятся. Правильно Ленька говорит: должны проводить Татьяну в последний путь. И коль сунутся супостаты — несдобровать им, если весь народ поднимется.

— Верно, Петро, — поддержал соседа Иван Хохлачев.

И назавтра люди потянулись к бараку, где еще совсем недавно жила Татьяна Стряпунина. Леонид пришел туда вместе с Клавой. Возле барака собралась огромная толпа.

В комнате было также людно. У изголовья покойной стояли Максим Филиппович Семенов и Степан Викторович Голубцов.

Дочь Татьяны Стряпуниной Манефа рыдала, обхватив безжизненное тело матери.

— За что они тебя? За что?

Степан Голубцов громко сказал, перекрывая приглушенный говор в комнате:

— За то, что два ее сына и твой муж сражаются за Советы, бьют контру!

В комнату вошли шахтеры с Кыштымских копей во главе с Тимофеем Петровичем Щекатуровым, руководителем подпольного десятка. Теперь в сборе были все. Голубцов подозвал Леонида:

— Иди-ка на электростанцию, скажи механику Латышеву, чтобы дал протяжный гудок.

Степан Голубцов, Василий Екимов, Максим Семенов и Петр Набережный понесли греб из комнаты. Тревожно загудел гудок электростанции. Его подхватили почти одновременно гудки всех шахт. А за гробом шли уже сотни людей. К процессии присоединялись все новые и новые группы. Многие горняки, побросав работу, шли прямо в шахтерских спецовках, с лопатами и обушками.

Мощное эхо гудков ворвалось в кабинет управляющего копей Попова, занятого разговором с Норенбергом. Норенберг бросился к телефону и остановился, как вкопанный, у окна, увидев огромную процессию, впереди которой несли красный гроб.

Попов опередил поручика. Раздраженный, он вызвал у телефонистки шахту номер три.

— Все ушли на похороны, — ответил незнакомый голос.

Попов бросил трубку, яростно стукнул по столу:

— С меня армия требует уголь, а вы… Где ваши казаки, господин поручик?

Норенберг усмехнулся:

— Если вам будет угодно, мигом пришлю. Половину ваших шахтеров перерубят. А уголек добывать пойдете вы с господином Креминским.

— И все-таки…

— Хорошо. Пришлю десяток.

Едва процессия поравнялась с домом управляющего, кто-то запел «Интернационал». Песню мгновенно подхватили сотни голосов.

Нескончаемым потоком шли и шли люди на кладбище. Когда гроб опустили в могилу, Екимов обратился к присутствующим:

— Товарищи! Дорогие друзья! — В этот момент в руках Ильи Петрякова взметнулось красное полотнище, на котором было начертано: «За власть Советов!». Голоса одобрения прокатились

над толпой. — Сегодня мы хороним одну из жертв белогвардейцев, Татьяну Стряпунину, В свои шестьдесят лет она делала наше общее дело. Клянемся отомстить за гибель нашего товарища!

Неожиданно кто-то крикнул:

— Казаки!

Через кладбищенскую ограду перемахивали казаки, врезаясь на полном скаку в толпу. Один из казаков ринулся к стоявшему на холмике Екимову. Взмахнув плетью, он надвигал коня на Василия Яковлевича. Максим Семенов сломал крест с чьей-то могилы, размахнулся и со всего плеча ударил верхового. Тот сполз на землю. Это послужило сигналом к схватке. Матрос Александр Иванов огромной жердью сбивал казаков, приговаривая:

— Получай, гады, сполна!

Казачий ротмистр между тем, вскинув шашку, направлял коня к Манефе, лежащей на свежем могильном холмике. Василий Екимов, заметив это, улучил момент и, зажав финку в зубах, прыгнул на ротмистра сзади. Миг — и он вонзил ему нож в спину. Выхватив из кобуры белоказака наган, столкнул его из седла. Подскакав к Степану Голубцову, Екимов на ходу крикнул ему:

— Садись сзади!

Конь вынес их из толпы. Два казака ринулись вдогонку, но Екимов метким выстрелом сшиб одного. Второй бросился наутек.

А ребята из десятка Леонида Горшкова — Володя Вдовин, Ваня Точилкин, Павлик Баландин, Миша Кормильцев, Саша Карамышев и другие — забирали у убитых и валявшихся без сознания казаков оружие и перетаскивали его в березовую рощицу.

— Всем уходить! — скомандовал вскоре Леонид, заметив, что Екимов машет ему рукой.

В этот же день на заседании подпольного комитета было решено выделить Манефе Пильниковой деньги, снабдить ее фальшивыми документами и отправить в деревню Ячменку[13]. В ответ на налет казаков на кладбище комитет предложил объявить двухдневную забастовку.

— Немедленно сообщите об этом шахтерам, — приказал Екимов Леониду Горшкову. Это было очень опасное поручение, но Леонид радостно улыбнулся: он любил рискованные дела.

— Сделаем! — весело сказал он. — А как быть с казачьим оружием?

— Подберите надежное место и спрячьте его там. Комитет поручил тебе снабжение подпольщиков оружием и боеприпасами.

Справишься?

— Попробую! — кивнул Леонид, и вскоре он с ребятами уже переходил от барака к бараку, сообщая решение подпольного комитета партии.

Шахтеры бастовали два дня.

ПОДПОЛЬЕ ДЕЙСТВУЕТ

1

Начальник Челябинской милиции поручик Агапов искоса глянул на хмурое лицо Норенберга.

— Представьте себе, Карл Вильгельмович, — снова заговорил Агапов, — все эти ваши безобразия происходят в дни, когда во всем уезде более или менее спокойно. И вдруг — чрезвычайное событие — разгром казаков на кладбище безоружной толпой шахтеров. Зачем, собственно, вам потребовалось мешать похоронам этой старухи?

— О, вы не знали, как вызывающе вели себя демонстранты, — вскинул брови Норенберг. — Окрасили гроб в красный цвет, пели «Интернационал».

— Понимаю. Но есть же другие пути. Выслали бы туда своих людей, шли бы они со всеми, вынюхивали главарей, а после похорон этих главных и взяли бы по отдельности…

Агапов еще долго говорил. Хмуро слушая его, Норенберг думал, что Агапов не знает, как смело, дерзко действуют

неуловимые подпольщики копей. Ежедневно выводили из строя водоотливные насосы. Кто-то унес с экскаватора крышку блока, и машина стоит в бездействии уже третью неделю. А в механических цехах Кыштымских и Уфалейских копей то утащат с токарных станков резцедержатели, то погнут вал трансмиссии. На электростанции Уфалейских копей замкнули проводку, отчего сгорела обмотка электромотора, Вчера случилось снова скандальное событие. Ночью кто-то бросил жестяную бомбу в кабинет Попова. Тот остался жив, но виновного опять не нашли. А ведь в доме постоянно дежурили верные люди — Долгодворов и Зеленин.

«Напасть на след хотя бы одного из них, — подумал Норенберг, но тут же снова поморщился. — Впрочем, брали мы этот стачечный комитет, а толку…»

— У меня есть подозрение, — перебил он Агапова, — что руководят смутьянами из Челябинска. Вот, полюбуйтесь, — он протянул Агапову листовку.

— Видите — ГКП… Городской комитет партии.

— О Челябинске мы сами позаботимся, — проговорил Агапов. — У вас-то кто эти бумаги распространяет, а? И главное — кто их получает от этого самого городского комитета?

После отъезда Агапова Норенберг долго сидел в невеселом раздумье.

«А не пойти ли завтра к Сорокину на пирушку? — размышлял Норенберг. — На сей раз — только те, кого я захочу. И женщин, женщин побольше, надоели уже эти мужичьи рыла. Кстати, надо пригласить эту смазливенькую уборщицу из штаба Настю Собакину. К черту! Теперь каждый день полон неожиданностей. Надо жить для себя. Итак — решено».

Норенберг вызвал к себе Настю. Она вошла несмело, еще не ведая, зачем приказал явиться ей сам начальник контрразведки.

А. Н. Собакина (Лысикова).

— Ну, как работается? — весело спросил он. — Небось, не дают проходу такой красавице солдаты, а?

— Что вы, — повела плечами Настя, — я на них и не обращаю внимания. Занимаюсь своим делом, жить-то надо.

— Ну, ну, правильно, — кивнул Норенберг. — Вот что, милая, завтра вечерком приходи-ка в дом Акинтия Сорокина. Знаешь где?

Настя кивнула головой: знаю.

— Повеселимся там немного. Люди там все порядочные соберутся.

— Неудобно одной-то, — возразила Настя. — С дружком-то своим как расстанусь? Узнает — убьет меня.

— Кавалер, говоришь, есть? Что ж, веди его, — и засмеялся: — Помогай только мне спаивать его, поняла?

Настя улыбнулась, а сама уже решила, что вечером побывает у Степана Викторовича, сообщит ему о приглашении. Отказываться, понимала она, было нельзя.

«Эта простушка в грошовом сарафанчике начинает мне нравиться, — думал между тем Норенберг. — Все зависит теперь от тебя, Карлуша. Это не жена главного инженера».

2

Странный день сегодня у Миши Кормильцева. Утром, когда шел на работу, встретил Курочкина. Тот стоял у ворот, словно ждал. Увидел Михаила, подозвал к себе.

— Приходи вечерком к Акинтию Сорокину, там гулянка будет. Разговор есть.

А после смены домой к Михаилу пришел Леонид Горшков. На разных шахтах работали, а друзьями закадычными были.

— Екимов с Голубцовым зовут.

Вместе и пошли туда. Там уже была Настя.

— Вот и жених пришел, — улыбнулся Екимов.

Оказалось, надо было вместе с Настей Собакиной идти к Сорокину.

— Но меня и Курочкин туда звал, — встрепенулся Михаил.

— Курочкин? — удивился Голубцов. — Вот и хорошо. Узнаешь, зачем. Будь осторожен. Быть может, услышишь немало интересных новостей.

И вот гремит оркестр.

Михаил сидит у стола рядом с Курочкиным, пьет мало, поглядывает, как танцует с офицером его «невеста». Слушает и не слушает рассуждения захмелевшего бывшего атамана: «Норенберг подыскивает тайных агентов. Уже братья Урванцевы служат белякам». Усмехнулся Михаил, ничего не ответил. Смотрит на офицера. Где же он встречал его?

Танец кончился, Настя с офицером шли к столу.

— По три сотенных за каждого разоблаченного большевика получать будешь, — бубнит между тем Курочкин. — Это не в шахте работать.

И внезапно Михаил вспомнил… Март. Отряд шахтеров Челябинских копей. Бой с дутовцами на окраине Троицка. Рослый офицер бежит на Михаила с шашкой, злобой искажено лицо его. Бились остервенело, зная: сделаешь оплошность — прощай жизнь! Притягивал шрам на щеке офицера, и Михаил решил, что ударит врага именно по этому шраму…

«Жив, значит, сволочь, — метнул взгляд на шрам офицера Михаил. — Узнает ли?»

М. З. Кормильцев.

Офицер сразу узнал Кормильцева. Он остановился, даже кровь отхлынула в волнении от лица и обернулся к Насте:

— Вот он каков — твой жених! Да я его еще под Троицком хотел прикончить!

Нет, не зря учил матрос Александр Иванов приемам бокса Мишу и Леонида. Кормильцев не стал ожидать, когда офицер вытащит наган. Вскочив, со всего маху грохнул золотопогонника в скулу. Навзничь повалился офицер.

Свалив в сутолоке еще двух офицеров, Михаил бросился к дверям. Дорогу преградил Норенберг. Настя охнула, упала ему в ноги. От неожиданности поручик упал.

В непроглядной тьме — резкая после шума комнаты тишина. Миша метнулся по ограде к воротам и остановился: там стояли солдаты.

— Чего ж смотрите? — крикнул он. — Живо идите разнимать, там драка.

Бросились мимо солдаты, выскользнул из ограды Кормильцев. Дорогу преградил Долгодворов. Метнулся от него Михаил, но бывший фельдфебель ловок: накинул на шею аркан, с силой дернул к себе. Вмиг их окружили солдаты. Теряя сознание, Миша все же подумал: «А что же с Настей?»

Очнулся он, когда его, связанного, бросили в коридоре

белогвардейского штаба на пол. Долгодворов зашел в кабинет поручика Норенберга.

Михаил осмотрелся. При слабом свете различил два столба и перекладину. Вспомнил рассказы Масленникова, Царегородцева и Дмитрина, которых пытали, привесив за ноги к этой виселице.

Долгодворов с Зелениным ввели Кормильцева в кабинет.

Норенберг сидел за столом, устало покуривая папиросу.

— Ну-с, дорогой, — обратился он к Кормильцеву, — расскажи-ка, кто тебе поручил войти в доверие к унтеру Курочкину?

— Курочкин сам позвал меня на вечеринку.

— Но нам известно, что ты встречался с подпольщиками, прежде чем пойти на вечеринку. Где вы встречались?

— Никаких подпольщиков я не знаю.

— Врешь, — повысил голос Норенберг. — Отвечай, кто руководит большевистской организацией.

— Не знаю…

Норенберг деланно засмеялся:

— Глупый ты парень, Кормильцев. У тебя всего два пути: или честно все рассказать и получить свободу, или завтра утром качаться на виселице.

Михаил с усмешкой смотрел на поручика.

— Зря теряете время, ваше благородие. Я же вам прямо сказал: ничего не знаю!

Норенберг поднялся из-за стола, медленно подошел к Михаилу, жестко произнес:

— Значит, ничего?

Короткий удар бросил Михаила на пол. Но Кормильцев поднялся и, глядя с ненавистью в глаза поручика, сказал:

— Бей, но — ничего не знаю.

Подскочил Долгодворов с шомполом.

— Не сомневайтесь, ваше благородие, сейчас он заговорит! — и с силой ударил по плечу Михаила.

Вошел дежурный по штабу.

— Ваше благородие, приказ выполнен!

— Вывести! — приказал Норенберг Долгодворову и Зеленину. Те толкнули Михаила к двери. Он вышел в коридор и… замер. Его отец висел на перекладине головою вниз. Солдаты притягивали его руки к столбам.

— Давай! — скомандовал Норенберг.

Солдаты шомполами начали бить Захара Яковлевича. Михаил рванулся к ним, но Долгодворов отбросил его назад.

Захар Яковлевич, приподняв голову, прохрипел:

— Держись, сынок.

Норенберг подскочил, выхватил у солдата шомпол и остервенело принялся бить по старческому телу. Устав, смахнул с лица пот, подошел к Михаилу.

— Ну! Будешь говорить?

Михаил покачал головой: нет…

Захлебываясь в ругательствах, Норенберг стал бить Михаила до тех пор, пока тот не свалился на пол.

— Связать и обоих в амбар! — приказал поручик.

Солдаты поволокли Кормильцевых к амбару. Привстала от волнения Лена Овечкина, сидевшая возле штаба на завалинке с чешским солдатом Марко.

Вместе с Настей входила она в подпольный молодежный десяток. Может быть, и не выдала бы она своего волнения, если бы сидела с кем другим из солдат, а не с чехом Марко. Это был свой человек. Не раз уже сообщал Лене ценные сведения.

— Мишу Кормильцева схватили с батей, — тихо сказала Лена. — Слушай, Марко, узнай, за что их взяли.

Вернувшись, Марко тихо сказал:

— Опознал один офицер. Завтра будут вешать, — и для убедительности показал на шею. — Скоро я заступаю дежурить. Водка есть у меня. Подпою солдат. Скажи об этом своим. Только чтоб часового не убивали. Возможно, меня сюда поставят, — улыбнулся он.

Быстро бежала Лена по тропинке на Уфалейские копи. У входа в барак столкнулась с Горшковым. Леонид тяжело дышал.

— Леня… там Кормильцевых связали, — выдохнула Лена.

— Знаю… Сам видел, как Мишу скрутили. И у штаба побывал.

Пока шли по коридору к квартире Голубцова, девушка рассказала, что сообщил ей чех Марко.

— Завтра, говоришь? — приостановил шаг Леонид. — Тогда надо действовать немедленно.

3

Леонид Горшков и Илья Петряков осторожно подъехали к пасеке тугайкульского казака Сорокина. В мелком березняке укрыли лошадь и легкие дрожки, двинулись к дому Константина Рогалева, жившего на краю поселка Ашанинских копей. Друзья идут молча, разговаривать не о чем. Задание подпольного комитета ясно: взять с собой Костю Рогалева и освободить Кормильцевых.

В доме Рогалевых света нет. Леонид осторожно стучит

условным стуком в окно. Медленно текут минуты. Слабо скрипит дверь.

И вот уже трое идут в ночи. В стороне мерцают редкие огни шахты «Александр», да кое-где в окнах тлеет желтоватый свет. Крадучись, приближаются к амбару, невдалеке от белогвардейского штаба. Здесь закрыты Михаил и Захар Яковлевич Кормильцевы, до них остается менее сотни шагов. Первым идет Илья. Он бесшумно приближался с южной стороны к амбару. Остановился, увидел неподвижно сидевшего часового. Короткий взмах руки товарищам, торопливо, в два прыжка — к часовому. Выхватив винтовку, зажал рот, скомандовал:

— Тихо! Пикнешь — убью…

Леонид и Константин связали часового, засунув в рот кляп. Рослый, плечистый Рогалев, не теряя времени, нащупал замок, легким ломиком взломал его. Железо глухо звякнуло, дверь подалась. Пахнуло прелой соломой и неприятной сыростью.

— Илья, замени часового, ты в шинели и фуражке, — скомандовал Горшков. — Костя, идем со мной.

В углу лежали Кормильцевы. Бросился к ним Рогалев, разрезал веревки, поднял Михаила и понес к выходу. Следом вел грузного Захара Яковлевича Леонид Горшков.

Пока выбирались из поселка, рисковали ежесекундно наткнуться на патрулей. Леонид и Костя шли с трудом: слишком тяжелыми были ноши. На окраине поселка идущий впереди Рогалев камнем упал с Мишей на землю в полынь, подал голос:

— Ложись!

В темноте друзья различили двух солдат. Леонид достал наган. Но пьяное бормотанье подошедших успокоило его. Невольно подумал, что солдаты могут пройти мимо амбара, где, заменяя часового, все еще стоял Илья Петряков.

Наконец добрались до подводы в березняке. Появился Илья Петряков. Быстро усадили Кормильцевых в дрожки.

— До смены часового осталось около получаса. Будем держать направление к урочищу Курлады.

К урочищу добрались благополучно. Сняли с дрожек Кормильцевых. Очнувшись, Михаил слабо простонал:

— Пить.

Озеро было рядом, но в чем принести воды? Илья Петряков нашел ржавую банку, побежал к озеру, набрал воды.

С каждым глотком прибывали силы у Михаила.

— Слушай, Леня, — он повернулся к Леониду, — надо немедленно сообщить Голубцову и Екимову очень важные сведения. На днях приедут командующий местной группировкой войск генерал Сахаров и начальник Челябинской контрразведки

капитан Госпинас. Они обеспокоены частыми срывами поставок угля для армии, предлагают водить шахтеров на работу под охраной солдат, — Миша закрыл глаза, облегченно вздохнул и снова заговорил: — Помнишь тех, кого арестовали в июне после взрыва железнодорожного моста между Козырево и Ванюши. Секретаря партячейки Кыштымских копей Прокопьева, десятника Федора Иванова, шахтера Долгова, Ивана Трусова, Федора Наумова. Их на днях повезут из Челябинска в Новониколаевск[14]. Это мне Настя Собакина сказала. Как Настя? Ее не забрали?

— Ушла она, — отозвался Горшков. — Сам видел. Я же рядом с тобой был, бросил в Долгодворова пакет с известью, но промахнулся.

Застонал Захар Яковлевич. Жадно стал глотать воду.

— Урядника Урванцева, ребята, не забудьте, — произнес он. — Старался побольнее бить…

Наплывал серый рассвет. Медлить было нельзя.

— Укроетесь пока в стоге сена, — сказал Леонид. — Я скоро вернусь. Привезу хлеба и воду. День придется пролежать здесь, а ночью перевезем.

Устроили в сене лаз, помогли перебраться туда Захару Яковлевичу и Мише, дали им винтовку, пять гранат, сорок патронов, И вот уже мягко проскрипели колеса дрожек, стало тихо.

Вставал рассвет. Миша задремал. Захар Яковлевич зорко посматривал в щелку за дорогой, охраняя сон сына. И вдруг замер. Шесть всадников мчались в сторону Севостьяново. И снова вокруг глухая утренняя тишина.

А казаки скакали в Севостьяново не случайно.

Как и предвидел Леонид Горшков, исчезновение арестованных обнаружили только при смене часового. Чех Марко весело шутил, развязывая солдата:

— Богу слава, что живым оставили тебя. Много их было?

— Трое.

— Не заливай, друг. На такое дело большевики ходят всегда целым взводом.

— Хотел бы я тебя видеть на моем месте.

Весть о побеге Кормильцевых привела Норенберга в ярость.

— Идиоты! — кричал он на разводящего. — Вам свиней пасти, а не арестованных! Живо часового под арест! Поднять по тревоге взвод конных казаков! Разослать нарочных в соседние поселки и деревни. И пусть казаки не возвращаются, пока беглецы не будут здесь.

В напряженном ожидании сидели на конспиративной квартире Казимира Купора Степан Голубцов и Василий Екимов.

Густая осенняя тьма ночи неохотно уступала место безликой предутренней мгле. Василий Яковлевич подошел к окну.

— Чем ближе к рассвету, тем труднее будет Горшкову с ребятами возвращаться, — тихо сказал Екимов. — Чего они медлят? Или не удалось освободить Кормильцевых?

И снова в комнате безмолвие.

Легкий стук в дверь. Все замерли. Еще один стук. Приподнял голову Егор Полещук, спавший с полуночи на койке, рванулся рукой под подушку, к нагану.

— Тихо, — остановил его Голубцов, подходя к двери.

И третий стук. Все облегченно вздохнули: свои.

— Открывай, — кивнул Голубцов Казимиру.

Вошел улыбающийся Леонид Горшков. На лице — ни капли усталости. Кивнул головой и сказал:

— Все в порядке.

— Молодцы, ребята, — кивнул Екимов, когда Леонид обо всем рассказал. Помолчав, обернулся к Полещуку: — Через часик-другой, как появится на улицах народ, езжайте в Челябинск к Софье Авсеевне. Сообщите все, что слышали от Горшкова. Возможно, там примут меры по спасению людей, которых отправляют из Челябинска в поезде смерти. Привезите два паспорта, пропуска. Кормильцевым здесь оставаться нельзя.

— Хорошо, — мотнул головой Полещук.

— Попроси хотя бы сотню листовок, — добавил Голубцов.

Екимов повернулся к Горшкову.

— Сегодня ночью отвезешь Кормильцевых на заимку к Федулу Царионову. А сейчас, Леня, осторожно проберись к дому Кормильцевых. Возьми чистую одежду и что-нибудь из еды.

— Опасаюсь, смогут ли Кормильцевы в стогу сена пробыть незаметно до ночи. Мимо шныряют патрули, кто-нибудь ненароком захочет покормить коня.

— Что предлагаешь?

— Днем увезти их на заимку. Сделать по лесу лишний десяток верст, зато люди будут в безопасности. Дороги с Курладов до заимки я все знаю, выберу лучшую.

Опасное дело предлагал Горшков. Казачьи разъезды рыщут, конечно, по всем тропам. Но и в стоге сена Кормильцевым оставаться опасно.

— Что ж, Леня, действуй, — Екимов протянул руку. — До сих пор тебе чертовски везло, авось счастье не отвернется и на сей раз от тебя.

— А я его к лошадиной дуге привяжу, никуда не денется, — отшутился Леонид.

У Кормильцевых не спали. На осторожный стук сразу же

отозвалась хозяйка, Анастасия Семеновна.

— Я Горшков, — приглушенно ответил Леонид.

— Где наши? — Анастасия Семеновна опустилась на стул. — Измучилась я.

— Живы-здоровы! Быстрее дайте одежду и чего-нибудь поесть.

В комнате жарко. Леонид расстегнул пиджак, и Анастасия Семеновна заметила за поясом парня наган и две ребристые гранаты.

— Это к чему? — кивнула на оружие. — Сплошняком же патрули бродят.

— Для них и припас, — улыбнулся Леонид.

Собрав узел с одеждой и едой, хозяйка сунула Леониду бутылку перцовой настойки.

— Пусть побои смочат, полегчает, — тихо сказала она.

Леонид вышел из дома, огляделся. Кое-где над бараками и землянками уже вились чахлые струйки дыма. Поселок начал оживать. И все же Горшков опять пошел огородами. Лучше попасть под сердитый окрик хозяйки, чем в руки патрулей.

Вернувшись в березовый перелесок, где оставил лошадь, Леонид решил, что ехать еще рано, прилег и незаметно задремал. Лишь ощутив на лице ласковую теплоту солнечных лучей, торопливо вскочил. Судя по поднявшемуся солнцу, было часов десять-одиннадцать.

Ненакатанными лесными дорогами мчал конь дрожки к урочищу Курлады. Оба — Миша и Захар Яковлевич — вылезли из стога на тихий окрик Леонида.

— Ого! Да вы уже на поправку пошли, — засмеялся Леонид. — Вот вам одежда, переодевайтесь. Потом подкрепляйтесь и живее на заимку Федула Царионова.

Окровавленную одежду сожгли. Поехали обходной лесной дорогой.

Подъезжая стороной к дороге на поселок Афон, Леонид передал вожжи Захару Яковлевичу.

— Мы с Мишей будем наготове. Здесь рядом дорога на Челябинск, всего можно ожидать, — и обернулся к Михаилу. — Стрелять сможешь?

— Конечно!

Уже за поселком неожиданно увидели вдалеке двух конников.

— Не очень хочется, чтобы беляки видели, куда мы едем, — тревожно, прищурив глаза, произнес Леонид. — А их нам не миновать. Видишь, как быстро скачут. Что ж, придется ссадить их. Бери ближнего.

Не более пятидесяти саженей оставалось солдатам до дрожек, когда грянули два выстрела. Белогвардейцы свалились с коней. Леонид подбежал к ним. Прихрамывая, подошел и Миша. Они забрали у белогвардейцев документы, оружие. Это были солдаты из комендантского взвода 21-го Челябинского кадрового полка. Кони стояли невдалеке. Поймать их не составило большого труда. В подсумке одного седла нашли пакет под сургучной печатью на имя управляющего копями Попова.

Леонид осторожно вскрыл пакет:

> «Подателю сего без промедления выдать пять вагонов угля. Генерал Сахаров».

Леонид присвистнул:

— Ого! От самого генерала. Надо передать Екимову. Значит, так, Миша. Трупы бросим в волчью яму, здесь много таких, забросаем чащей. Коней заберем, пригодятся.

На заимку Царионовых приехали к обеду. Федул Царионов покачал головой:

— Сказали, что на дрожках появитесь, а вы на лошадях. Аль встретили кого на дороге?

— Верно, дядя Федул, — засмеялся Леонид.

После обеда Горшков стал собираться. Надо было срочно доставить документы убитых и пакет в штаб подпольной организации.

— С версту отъедешь, — напутствовал Федул, — накосишь травки. Если кто встретится — ездил за травой. Лошадей трофейных я припрячу.

Михаил Кормильцев молча подошел к другу, положил руку на плечо.

— Свидимся ли, не знаю, Леня, — дрогнувшим голосом сказал он. — Но тебя я забуду разве что тогда, когда могила моя порастет зеленой травой.

— Рано нам, Мишенька, умирать, — засмеялся Горшков.

Он легко прыгнул в дрожки, помахал рукой. Долго ему вслед смотрел Михаил. Грустно было на сердце, словно навсегда прощался с другом.

Но Леонид появился под вечер через неделю. На улице бушевал ливень, раскатисто гремел гром, сверкали молнии, и при свете их хозяйка заимки первая увидела трех всадников, скачущих по дороге.

— Казаки!

Кормильцевы бросились из дома, влезли на сеновал, взялись за винтовки. Но вот задергалась веревочка, проведенная на сеновал из дома. Значит, приехали свои.

Увидев Голубцова, Екимова и Леонида, Михаил бросился обнимать их.

— Засиделся здесь. Вы там делом заняты, а мы, как сурки в норе. Стыдно даже.

— Ничего, подошел и ваш черед, — улыбнулся Екимов. — Вот вам паспорта. Сегодня привезли из Челябинска. Езжайте к партизанам в Кочкарь.

Степан Викторович Голубцов напутствовал:

— В Кочкаре остановитесь у Кузьмы Демидова.

Захар Яковлевич хорошо знал Демидова и, одобрительно качнув головой, произнес:

— Мужик он надежный.

Голубцов продолжал:

— Демидов отведет вас к товарищу Арсеньеву, учителю из деревни Житари. Арсеньев поможет вам связаться с подпольной группой Ивана Шадымова. Связь с Арсеньевым наладил Степан Демин. Он недавно ездил в Кочкарь.

Прощаясь, Леонид протянул Михаилу парик:

— Пригодится на первые дни в пути.

4

Глухой сентябрьской ночью от заимки казака Федула Царионова отошли двое. Через несколько метров они остановились, оглядываясь и прислушиваясь к лесным шорохам. Тихо. Намокшая листва березняка не шуршит под ногами, легко в такую ночь наскочить на засаду.

Молча шагали отец и сын в темноте ночи к казачьей деревеньке Синеглазово. Туда они заходить не будут, но чтобы не заблудиться, пойдут около проселочной дороги. Чем дальше, тем труднее идти, усталость берет свое. Короткий привал и снова в путь.

Захар Яковлевич заметил в стороне от проселочной дороги полевую избушку, кивнул сыну:

— Зайдем?

Прячась за кустами, подошли к домику. Михаил помедлив, постучал. Ответа нет. Он толкнул дверь, осмотрелся. Нары во всю стену, небольшой столик. На полу газета. Михаил поднял ее.

— Белогвардейская брехня. Значит здесь бывают белые.

Улыбаясь, прочитал заметку о приезде в Челябинск «бабушки русской революции Брешко-Брешковской».

— Это не та развалина, что к нам на копи приезжала с охраной? — спросил Захар Яковлевич.

— Она, — усмехнулся Миша. — Расхваливала белогвардейскую власть…

— Казаки! — глянув в окошечко, крикнул Захар Яковлевич.

По дороге проезжал конный разъезд. Один из казаков указал в сторону избушки, приостановил коня. Но ехавший впереди лениво махнул рукой.

— Немедленно уходить отсюда, — быстро сказал Захар Яковлевич, когда казаки скрылись за перелеском.

Едва залегли в кустах, как Михаил подтолкнул отца:

— Смотри!

К избушке двигались трое вооруженных людей в штатском. Не успели они войти в нее, как на дороге показались конники. Казаки спешились и стали пробираться к избушке.

Грянули выстрелы, двое из наступавших упали, остальные залегли. Несколько солдат зашли с тыла домика, там не было окон, и начали таскать хворост.

— Поджечь хотят, гады, — процедил сквозь зубы Захар Яковлевич. — Что же делать?

Пламя разгоралось быстро. Вот распахнулась дверь, метнулись из нее трое в штатском. Защелкали выстрелы, и они упали.

— Давай гранатой, — сказал Захар Яковлевич. — А я в офицерика пульну.

Михаил бросил гранату удачно, прямо в группу казаков, скопившихся возле убитых партизан. Те, что остались в живых, вскочили на коней и поскакали прочь.

— Подберем карабины с патронами и теку надо давать, — торопил Захар Яковлевич. — Казаки опомнятся, сотню сюда пригонят.

На трофейных конях мчались Кормильцевы к Кочкарским приискам. Поздним вечером сделали привал, потом снова поехали, выбирая едва приметные тропки. На третьи сутки на рассвете увидели они дома прииска. Расседлав коней, спутали их и пустили в лесу. Седла и оружие спрятали. По редкому березняку спустились на улицу прииска. До дома Демидова рукой подать.

— Идем по одному, — приказал Захар Яковлевич.

Вот и знакомые Кормильцеву-отцу ворота демидовского дома, Захар Яковлевич подождал сына.

Хозяин встретил их на крыльце. Даже расспрашивать ничего не стал, впустил в комнату. А когда они умылись и основательно после трех голодных дней подкрепились, Демидов отослал хозяйку доить корову.

— Заодно и свежего квасу принеси, — сказал он.

Захар Яковлевич посмотрел на Кузьму с хитринкой.

— Побаиваешься?

— Баба в любом деле вредит, — усмехнулся Кузьма. — Ну, говори, как там наш Степан Демин? Как другие кочкарские?

— Живут и здравствуют. Ты не меня об этих делах спрашивай, а его вот, — кивнул не без гордости на сына.

Кузьма с интересом посмотрел на смущенного Михаила.

— Я хотел спросить, — начал Михаил, — как поживает кум и сват?

— Учительствует, — паролем на пароль твердо ответил Демидов.

В комнату вошла хозяйка с подойником в руках. Налив по огромной глиняной кружке молока, принялась угощать Кормильцевых.

— Пейте-ка. Небось, от парного молочка отвыкли. Ты бы поменьше их разговорами занимал, а потчевал бы, — сказала она Кузьме. — Вижу ведь, что не от матушки родной едут. На лицах шрамы да и отощали.

Демидов и Кормильцевы застыли от изумления.

— Не бойся, не проговорюсь. Думаешь, не вижу, — обратилась она к мужу, — как ты по субботам гостей в баньке принимаешь? А ведь молчу.

Кузьма рассмеялся. Теперь уже смело разговаривали мужчины в присутствии хозяйки. Договорились, что Демидов через верных людей свяжется с Арсеньевым, Шадымовым и Емлиным, узнает, куда направиться Мише. Захар Яковлевич к партизанам идти не решался, годы не те.

Прошла неделя. По совету Демидова лошади и оружие, привезенное Кормильцевым, были переданы в партизанский отряд Ивана Шадымова, действовавшего в районе Кочкарских приисков. Демидов устроил встречу Михаила с его учителем Егором Григорьевичем Корневым, одним из подпольных связных. «Егорыч», как называли Корнева, «случайно» встретил Мишу возле электростанции. Он был рад встрече со своим бывшим учеником.

И. И. Шадымов.

— Завтра в три приходи, — тихо сказал он. — Будет Арсеньев.

В этот же день Михаил пошел к уполномоченному французско-бельгийской акционерной кампании Герамбургу.

— В шахту взять не могу, не доверяю, — коротко ответил тот. — К золоту не всякого можно допустить. На разные работы, пожалуйста, прошу.

— В таком случае, возьмите и отца, — попросил Михаил.

— Через неделю приходите, — кивнул Герамбург. — Будете работать на ремонте хозяйственных построек и складов.

В дверь домика, где жил Корнев, Михаил постучал ровно в три часа. Учитель сам встретил его, провел в комнату. За столом пили чай, как заправские гости, Иван Иванович Шадымов, Андрей Семенович Арсеньев.

Хозяин с улыбкой представил Михаила:

— Гость с Челябкопей. Михаил Захарович Кормильцев. Садись, Миша, вместе с нами чай пить.

До вечера затянулась беседа в маленьком доме Корнева. Кочкарские подпольщики поручили Мише задание.

— Срочно надо расклеить листовки о диком разгуле белоказаков в Троицке, — сказал Шадымов. Он достал пачку листовок и подал Михаилу. — Связь с нами держи через

«Егорыча».

Расположение приисков Михаил знал хорошо. В детстве вместе с друзьями бывал почти на каждом прииске и рабочем поселке. Расклеивая листовки, Михаил неожиданно столкнулся с двумя подвыпившими местными милиционерами. Одного из них, Салина, Михаил помнил с детских лет. Салин пристал к Кормильцеву:

— Чего ходишь здесь?

За пазухой были листовки. Улучив момент, Кормильцев сшиб с ног обоих и скрылся. Вечером Михаил рассказал об этой встрече Демидову:

— Салина я знаю. Осенью 1916 года он кузнеца Евстигнея Егорова за выступление против обсчета рабочих в кутузку отправил.

Но Демидов сурово отчитал юношу:

— Действовать надо осторожно, обдумывать каждый свой шаг при выполнении задания.

Вот уже третий день ремонтировал Михаил сарай во дворе комендатуры. Наступали сумерки. А за пазухой у Михаила — последняя листовка. Миша пролез в щель сарая, очутился возле забора, быстро приклеил листовку. Незаметно вернулся и продолжал отесывать балку. Из раскрытых окон кабинета коменданта доносились голоса. Комендант что-то сказал. Судя по сиплому басу, ему ответил Бычков, помощник коменданта.

— Спокойно, говоришь? — вдруг закричал комендант. — А это что? Покажи-ка ему, Рогожин, эту бумагу! Совсем ведь еще свежая, клей даже не просох.

На крыльцо вышли Бычков и Рогожин. Помощник коменданта позвал Кормильцева:

— Иди-ка сюда, парень. Не видел, кто проходил здесь только что?

— Он, — мотнул головой на Рогожина Михаил.

— Знаю, — поморщился Бычков, — а еще кто?

— Не знаю, не видел, — пожал плечами Михаил.

— Ну и дурак, — отвернулся помощник коменданта.

Оба белогвардейца ушли. Миша собрал инструмент в ящичек и занес, как это он делал и раньше, в сарай. Отряхнув с пиджака и брюк маленькие щепочки, вышел со двора комендатуры. Бычков и Рогожин были уже далеко, и Кормильцев, не оглядываясь, скрылся в проулке.

Фельдфебель Долгодворов резко распахнул дверь, прошел, пьяно покачиваясь, к столу.

— Вот что, Екимов, — сурово глянул он на Василия Яковлевича, — явишься к двум часам дня к его благородию господину Норенбергу.

— Зачем?

— Они мне не докладывают.

Сам посмотрел кругом, увидел жену Екимова — Прасковью — и подумал, что у нее, наверное, припасена бутылочка горькой настойки.

— Вот что, — сдвинул брови Долгодворов, — вы как насчет самогонки, а?

— Не занимаемся, — коротко ответила Прасковья.

Долгодворов хмыкнул, побарабанил пальцами по столу.

— Ну, ну, — повернулся к Екимову, — понял меня? Ровно к двум. Опоздаешь — пороть буду, ясно?

Не дождавшись ответа, Долгодворов вышел из землянки.

Жена бросилась к Василию Яковлевичу.

— Зачем это, Васенька? — тревожно спросила она. — Неужто пронюхали?

— Не должны, — помолчав, сказал он. — Не стал бы Норенберг посылать за мной Долгодворова, сам бы нагрянул.

Екимов терялся в догадках: зачем потребовалось Норенбергу вызывать его? Неужели схватили ребят на станции Потанино, где они должны были поджечь ночью три вагона с углем? Сумела ли Настя Собакина с Леной Овечкиной вчера вечером доставить в солдатские казармы листовки?

Не торопясь, шел он от поселка через жиденькую березовую рощицу. Времени впереди много. Надо сообщить своим, что вызвал Норенберг. Начал моросить мелкий дождь. В кустах послышался приглушенный голос совы.

«Странно, почему это она днем кричит?» — глянул туда Екимов и рассмеялся: возле дерева стоял Максим Филиппович Семенов.

— Долгонько ты идешь к Норенбергу, — сказал он, подходя. — Я изрядно успел промокнуть.

— Откуда ты знаешь, что он меня вызвал?

— Начальник милиции урядник Топилин сказал об этом телефонистке Анне Царевой. Говорит, Норенберг решил, что ты имеешь какое-то отношение к операции по уничтожению угля на станции Потанино.

Екимов задумался.

— Слушай-ка, Максим Филиппович, почему Топилин рассказывал все это телефонистке? Не кроется ли здесь подвох?

— Я раздумывал об этом. Говорил кое с кем из старичков, что знали семью Топилиных. Упорно стоят на том, что два его брата служат в Красной Армии. Но старший брат — в уездной жандармерии. Он и помог уряднику получить должность начальника милиции.

Максим скрылся в кустах. Екимов пошел дальше. Теперь он знал, зачем его вызывает Норенберг. Но волновал один вопрос: какую связь нашел Норенберг между потанинской операцией и им? Что натолкнуло поручика вызвать в контрразведку именно его, Екимова?

Войдя в кабинет Норенберга, Василий Яковлевич невольно вздрогнул — на диване, рассматривая журнал, сидел урядник Топилин.

— А-а, Екимов, — весело кивнул Норенберг, — проходите, садитесь, не стесняйтесь.

Екимов молча сел.

— Ровно в два явились, похвальная точность.

— С детства приучен матерью к точности и строгому выполнению приказов старших, — серьезно произнес Екимов.

— Заметно, заметно. Вы, кажется, служили на флоте?

— Так точно.

— И я в свое время служил в Кронштадте.

— О! Кронштадтские моряки — гордость Балтийского флота.

— Ну, не так громко, — откинулся в кресле Норенберг. — Матрос матросу рознь. Одни верой и правдой служат Отечеству, другие выдумывают разную блажь, вроде большевистских лозунгов. Что ж, коллега, давайте беседовать по душам, как моряк с моряком. Только откровенно. Я навел о вас справки, узнал, что приехали вы на копи по ранению. Думаю, что такой человек нам очень будет полезен. На всех копях происходят массовые диверсионные акты, распространяются большевистские листовки. Не сможете ли сказать, кто этим занимается?

Екимов оглянулся на Топилина, который по-прежнему углубился в журнал.

— Можете при нем, — перехватил взгляд Норенберг. — Это мой доверенный человек.

— Но мне говорить, собственно, нечего, — пожал плечами Екимов. — Я политикой не занимаюсь, с моим здоровьем, дай бог, норму выполнить в шахте. Я хочу пожить спокойно.

— Все мы хотим, — нахмурился Норенберг. — Но нам не дают спокойно жить! Я уверен, что вы знаете, кто руководит большевиками здесь, на копях! И вы мне все это расскажете, иначе…

Урядник Топилин достал серебряный портсигар с затейливой

гравюрой и предложил:

— Закуривайте, господа! Хорошая папироса быстро задает верное направление мысли.

Норенберг оглянулся на Топилина, потом перевел взгляд на Екимова и усмехнулся:

— Вовремя, урядник. Каюсь, нервы подводят.

В кабинет вбежал Долгодворов, весь мокрый, в грязных сапогах, со сбитой на висок фуражкой. Он протянул Норенбергу измятую мокрую бумажку.

— Совсем свежая, ваше благородие, — переводя дыхание, заговорил он. — И число стоит сегодняшнее — 22 сентября.

— Опять листовка?

Норенберг торопливо читал. Василий Яковлевич внутренне усмехнулся. Значит, вернулся из Челябинска Егор Полещук, роздал в подпольные десятки свежие листовки городского комитета партии, и ребята начали действовать.

С силой стукнул по столу поручик.

— Какого черта ваши люди смотрят? — заорал он на Топилина. — Чем они занимаются? Пьянствуют и за бабьи юбки держатся?

Екимов не удержал улыбки.

— Им больше нечем заниматься.

Это было его ошибкой. Норенберг подскочил к Екимову, с размаху ударил его в подбородок.

— Молчать! В подвал его до выяснения!

Вбежавшие солдаты подхватили Екимова, поволокли из кабинета. Успокоившись, Норенберг сказал Топилину:

— Вот о чем пишут большевики: «Товарищи шахтеры и казаки. Кому дорога Советская власть, вступайте в партизанские отряды. Боритесь против белогвардейского насилия…» Представляете, какая опасность таится в таких вот бумажках?

Топилин видел, что Норенберг словно оправдывается перед ним за свою грубость.

— По-моему, надо все же изменить нам тактику, — ответил Топилин. — Одним битьем ничего не добьемся. Вот и с этим… как его… Екимовым надо было ровнее держаться. Насколько мне известно, этот матрос почти безграмотен. Он же болен эпилепсией. Фельдшер рассказывал, что не раз подбирали его на улице. Красные забрали было его в армию, но быстро избавились. Такие и большевикам не годятся.

— Намните ему бока и выкиньте! — махнул рукой Норенберг. — Все-таки изредка послеживайте за ним, больно складно он болтает. Попадет с поличным — расстреляю без суда.

Топилин вышел из кабинета и прошел в подвал. Открыв

камеру, где сидел Екимов, сказал:

— Можешь шагать домой, ты свободен.

Василий Яковлевич настороженно смотрел на урядника.

«Странно все это, — мелькнуло в голове. — Не хотят ли установить за мной слежку?»

— Разрешите в Тугайкульский кабак зайти?

— Я же сказал, иди на все четыре, — засмеялся Топилин.

— Но казаки могут задержать меня.

Топилин молча достал из кармана бланк пропуска, заполнил его и протянул Екимову.

— Возьми. В кабаке будь осторожен. И вот еще четыре пропуска. Заполните сами.

— До свидания, — тихо сказал Василий Яковлевич, начиная верить, что урядник ведет с ним честную игру. — Мы еще встретимся.

— До свидания, товарищ Екимов!

И было непривычно слышать это слово «товарищ» из уст урядника Топилина.

В тот же вечер на конспиративной квартире Казимира Купора состоялось совещание членов районного подпольного комитета. Подпольщики П. А. Набережный и Н. И. Пермикин вспоминают, что на этом совещании Василий Яковлевич Екимов довел до сведения членов комитета план операции по изъятию десяти вагонов угля для нужд Красной Армии, предложенный Софьей Авсеевной Кривой. Подпольщики копей стали готовиться к смелой и дерзкой операции.

6

Леонид ласково глянул на Клаву, притянул ее к себе.

— Какая ты у меня красивая, — шепнул он.

— Увидят, — несмело отталкивала его Клава.

— Ничего, — вздохнул Леонид. — Все уже знают, что ты моя невеста.

Они сели на завалинку во дворе.

— Вот что, Клава, — сказал серьезно Леонид. — Сегодня к тебе придет женщина в черном городском платье. И шапочка на ней будет черная. На лицо опущена сеточка, забыл как ее называть, иностранное слово. В руках у этой женщины будет голубой веер. Она спросит у тебя, как увидеть полундру. Ответь, что полундра дома, оставь женщину здесь и беги к Василию Яковлевичу Екимову. Увидишь его, скажи, что его спрашивает далекий гость, вернешься, отведи женщину в дом Ивана

Рожинцева. Запомни все это хорошенько. Ну-ка, повтори…

Леонид ушел. Клава, прибирая в доме, то и дело выбегала за ограду, чтобы встретить женщину в черном. И собаку накрепко привязала в огороде.

А женщина появилась незаметно в дверях. Клава даже не услышала, как гостья прошла по ограде.

Все прошло так, как наказывал Леонид Горшков. Возвращаясь домой, Клава думала, кто же это красивая городская женщина. «На что красива у нас Пелагея Берсенева, с этой ей не сравняться. У этой одна улыбка чего стоит, будто притягивает. И глазищи огромные».

А Софья Авсеевна Кривая в это время уже беседовала с Екимовым в доме Ивана Рожинцева. Операция по изъятию у белых десяти вагонов угля была настолько важной, что городской комитет партии еще раз решил обсудить на месте этот смелый план.

— Кому думаете поручить роль белогвардейского капитана? Учтите, это главное звено всей операции.

— Есть в поселке сапожник, Иван Касперович Лазовский. Довериться можно. Приехал недавно, его ни Норенберг, ни Попов, ни Креминский не знают. Бывший артист бродячего театра. Знает немецкий язык, что вызовет доверие у Норенберга. И с Креминским сможет поговорить — оба поляки. Отец той девушки, что встречала вас, Иван Матвеевич Хохлачев, хорошо владеет гримом. Загримирует Лазовского и двух «ординарцев» — плотника Григория Нищих и слесаря Петра Бухалова.

Когда Софья Авсеевна уехала в Челябинск, снова собрался районный комитет партии. А на другой день в доме Хохлачева появились Лазовский, Нищих и Бухалов. Леонид Горшков привез белогвардейскую форму, Хохлачев тут же подогнал ее по фигурам. Три вечера отважная тройка «вживалась» в роли.

Г. П. Нищих.

Утром 7 сентября на копях появились трое верховых. Уже неделю лил проливной дождь, лошади капитана и двух солдат были в грязи, видно, что верховые совершили изрядный путь.

У дома, где располагалась контора управляющего копями Попова, капитан ловко спрыгнул с лошади. Слезли с коней и солдаты. Капитан шел небрежной походкой штабиста, изредка козыряя на приветствия солдат охраны.

Удивленно замер у крыльца фельдфебель Долгодворов. Такого блестящего офицера он еще не видел. Петр Бухалов узнал Долгодворова. Дрогнул от волнения.

— Фельдфебель, — Лазовский окликнул Долгодворова. — Почему не приветствуешь?

Долгодворов отшатнулся в сторону, вытянулся в струнку, виновато пролепетал:

— Виноват, ваше благородие!

Хмуро махнул рукой «офицер», взошел на крыльцо, кивнул Долгодворову:

— За конями присмотри!

Войдя в контору, офицер прошел к кабинету Попова, смело распахнул дверь. Успел заметить ошеломленные взгляды Попова, Норенберга, Креминского и Витвицкого. Не ожидая их

приглашения, прошел в глубь кабинета, ловко сбросил с плеч плащ и кинул его Григорию Нищих. Тот с неменьшей ловкостью поймал свободной рукой плащ и снова вытянулся у двери.

— Господа! Мне нужен управляющий.

Попов испуганно встал из-за стола. Позванивая крестами, офицер подошел к нему, лихо стукнул каблуками и, козырнув, протянул пакет под сургучной печатью. Попов торопливо разорвал конверт, пробежал глазами депешу: «Подателю сего без промедления выдать пять вагонов угля. Генерал Сахаров». Почерк генерала уже был знаком Попову.

В кабинет вошел Гольц. Попов повернулся к нему, строго сказал:

— Начать погрузку угля для доблестной армии.

— Да, да, — качнул головой офицер и повернулся к Попову. — Указание генерала — погрузку обеспечить срочно, любыми мерами. Кстати, будьте добры к утру доставить на станцию Потанино еще пять вагонов угля. Это устный приказ генерала.

Капитан подошел и протянул руку Норенбергу.

— Если не ошибаюсь, поручик, я вас где-то видел. Не в штабе?

— Изредка бываю там, — кивнул Норенберг. — По долгу службы, так сказать.

— Вероятно, знакомы и с капитаном Госпинасом?

— О, капитан Госпинас!? Мой хороший коллега! И в некотором роде шеф.

— Буду рад передать сердечный привет ему от вас. Заезжайте как-нибудь вечерком…

— Очень рад, очень рад, — замер в полупоклоне Норенберг.

— Вы, капитан, просто кудесник, — восхищенно заговорил Попов. — Едва появились, все вокруг вас закрутились. И погрузка идет полным ходом, посмотрите в окно, как они ожили, и паровоз, который уже неделю стоял, теперь исправен.

— Деньги делают все, — улыбнулся капитан. — Приготовьте расчет тем, кто занят на погрузке. Генерал приказал…

— Будет, будет сделано! — перебил Попов и приказал Гольцу:

— Леопольд Фридрихович, займитесь этим вопросом. Едва вагоны отойдут, пусть рабочие приходят получать деньги.

— Простите, пойду, понаблюдаю за погрузкой, — кивнул капитан. — В прошлый раз привезли не столько угля, сколько породы и земли. Генерал остался недоволен.

— О, мы это исправим! — торопливо сказал Попов. — Господин Креминский, займитесь этим.

Креминский ушел, а вскоре вышел из кабинета и капитан.

А у вагонов и действительно сегодня было необычно оживленно. Матрос Александр Иванов таскал сразу по два мешка с углем. Торопливо пробегал по трапу Афанасий Ряшин. Люди знали: дорога каждая минута. Леопольд Гольц равномерно распределял рабочих возле вагонов.

…Едва паровоз дал пары, увозя на Потанино пять вагонов добротного угля, Гольц оглянулся, ища Лазовского. Но тот вместе с «солдатами» словно сквозь землю провалился.

«Все в порядке, — подумал Леопольд Фридрихович. — На Потанино уголь встретят люди из Челябинска и направят, куда надо».

На следующий день на станцию Потанино были отправлены еще пять вагонов угля. А еще через два дня Попову позвонил сам генерал Сахаров.

— Но, ваше высокопревосходительство, — удивленно сказал в трубку Попов, — мы еще два дня назад отправили вам десять вагонов. Ваш капитан сам присутствовал при погрузке.

— Какой капитан? — слышалось в трубке.

— Ваш личный представитель…

— Болван вы.

В трубке щелкнуло. Ошарашенный Попов долго не мог прийти в себя.

Поручик Норенберг, опросив Попова и Креминского, решил, что к пропаже угля в какой-то степени причастен десятник горных работ Леопольд Гольц и вызвал его на допрос прямо в кабинет управляющего.

— Ну-с, господин десятник, — прямо сказал Норенберг, — расскажите-ка, кому вы подарили десять вагонов угля?

Гольц, набивая табаком трубку, удивленно посмотрел на поручика.

— Простите, как это кому? Ведь я выполнял приказ управляющего!

Норенберг долго молчал. Так оно, конечно, и было. Гольц лишь выполнял указание свыше. Задав десятнику еще несколько незначительных вопросов, Норенберг отпустил его.

«Глупо я себя веду, — подумал поручик. — Надо было подготовиться к допросу. Говорят, что особенно старались Александр Иванов и Афанасий Ряшин. Это сам Долгодворов видел. Отдам ему приказ: следить за этими людьми, с кем разговаривают, куда ходят».

Покусывая кончик дорогой папиросы, Карл Вильгельмович сидел за столом и размышлял, стараясь найти малейшую зацепку для раскрытия этой дерзкой операции. Слежка за Гольцем, Ивановым и Ряшиным пока ничего не дала. Долгодворов и Зеленин лишь виновато пожимали плечами, едва заходил об этом разговор.

Телефонный звонок прервал мысли Норенберга. Агапов интересовался, нашли ли виновников.

— Стараемся, — хрипло выдавил Норенберг. — Мы все силы бросили.

— Ваши силы никого не интересуют, — послышалось в телефонной трубке. — Нужны преступники. Генерал Сахаров передает, что спрос будет лично с вас.

Разговор был окончен. Норенберг бросил трубку и принялся расхаживать по кабинету. В дверь постучали. Долгодворов, остановившись у порога, не мог скрыть торжествующей улыбки:

— Так что, ваше благородие, заметил я, как собирались и разговаривали этот самый Гольц с Ряшиным и Ивановым.

— Где, когда?

Рассказ Долгодворова разочаровал поручика. Гольц — десятник и мог разговаривать с шахтерами после работы. Вот только почему они так настороженно оглядывались? И едва подошел Долгодворов — умолкли…

Л. П. Гольц (первый слева).

— Взять всех! — приказал Норенберг, подумав: «С чего-то надо начинать».

Без стука в дверь вошел Зеленин.

— Здравия желаю, вашество! — гаркнул он, и Норенберг поморщился: чего орет?

— Есть важнейшие сведения, — начал Зеленин. Чем дальше он продолжал рассказ, тем больше оживал Норенберг. Оказывается, Зеленин выследил заговорщиков. Они заседали прямо в шахте.

— Кто такие? — нетерпеливо спросил Норенберг.

— Десятник горных работ Еремей Берсенев, забойщик Пантелей Прохоров. Вроде бы Евстигней Егоров с ними был.

И на копях начались аресты.

Леопольд Гольц обедал, когда в дом вбежал Саша Карамышев, неродной сын Гольца. Оглянувшись на мать, Саша сел рядом с отцом и тихо сказал:

— Арестовали дядю Афанасия Ряшина и матроса Александра Иванова.

Саше шел уже шестнадцатый год, и он помогал подпольной организации, выполняя различные поручения, Леопольд Фридрихович доверял сыну.

— Давно? — спросил Леопольд Фридрихович.

— Часа два назад, не больше.

Весть настораживала.

— Спасибо сынок, — кивнул он и вздрогнул, услышав резкий вскрик старшей дочери.

— Казаки к нам идут!

Гольц встал, подошел к окну. Он был спокоен: в квартире не хранилось никаких разоблачающих материалов. Подумал: «Все из одного десятка. Неужели кто выдал?»

Солдаты во главе с Долгодворовым ввалились в квартиру. Фельдфебель шагнул к Гольцу.

— Вы арестованы, господин Гольц!

— Если не секрет — за что?

— В штабе сообщат, — ответил Долгодворов и приказал солдатам: — Обыскать!

Грубить с Гольцем Долгодворов побаивался: все-таки Гольц работал десятником. Как еще повернется дело в штабе.

— Извольте шагать с нами! — указал Долгодворов рукой на дверь, когда обыск был закончен. Леопольд Фридрихович обнял жену, потом детей.

— Я выясню эту ошибку и вернусь, — сказал он им на прощание.

Но в этот день домой он не вернулся. Поручик Норенберг встретил его нетерпеливым вопросом:

— Что ж, господин десятник, снова встречаемся?

— Ваша воля, — пожал плечами Гольц, и этот флегматичный жест вывел Норенберга из себя. Шагнув к Гольцу, поручик сжал кулаки и процедил:

— В кошки-мышки играть не будем. Куда и кому вы отправили десять вагонов угля?

— Я уже говорил… — начал было Гольц, но Норенберг перебил:

— Молчать! Мне не нужны выдумки. Ряшин и Иванов прямо указали на вас. Они действовали по вашему приказу.

Гольц усмехнулся.

— Я выполнял приказ управляющего.

Норенберг сказал двум казакам:

— Увести в подвал. Приготовьте все, чтобы этот господин заговорил честно и прямо.

Содрав с Гольца пиджак и рубашку, казаки привязали его за руки и за ноги вниз лицом к скамейке.

Мучительно тянулось время. Кого ждут казаки? Услышав резкий голос Норенберга, Гольц понял: ждали поручика.

— Готово?

— Так точно, ваше благородие, — торопливо ответил один из казаков.

Поручик подошел к Гольцу, поигрывая плетью в руке.

— Ну-с, что вы знаете о заговорщиках?

— Ничего мне не известно, — с трудом приподняв голову, сказал Гольц.

— Придется вспомнить, — усмехнулся Норенберг и, помолчав, скомандовал казаку: — Давай ведро!

Тот поставил к скамейке ведро с горящими углями. Норенберг неторопливо зачерпнул шумовкой кучку углей, высыпал их на обнаженную спину Гольца. Резкая, жгучая боль едва не заставила вскрикнуть Леопольда Фридриховича, но он лишь крепче сжал зубы. Лоб мгновенно покрылся холодной испариной.

— Теперь заговоришь? — прищурился Норенберг.

Гольц молчал. Поручик плетью перекатил угли, и теперь боль стала нетерпимой.

— Ну? — Норенберг взмахнул плетью.

Удар пришелся по обнаженной спине, и Гольц застонал. А поручик бил и бил по распластанному телу. Гольц потерял сознание. Очнулся он в темной камере подвала. Рядом кто-то негромко переговаривался.

— Пить, — тихо прошептал Гольц. Чьи-то руки приподняли его голову, приставили к губам кружку. Леопольд Фридрихович разглядел в полутьме Александра Иванова и Афанасия Ряшина.

— И вы… здесь… — проговорил он.

Иванов и Ряшин не успели ответить. В глазок камеры шлепнулся сверток. Иванов подполз и развернул его.

— Йод и бинты?! — изумленно сказал он.

Рядом упал второй сверток. В нем оказался табак, бумага, хлеб, сало и вареное мясо.

— Вам передали други, — узнал Иванов голос чеха Марко. — Лена Овечкина и Настя Собакина от Горшкова. Тихо! Молчите, кто-то идет. Уряднику Топилину будете говорить спасибо, обещал помочь вам. Бежать вам пока нельзя, охрана большая на дворе.

На душе у арестованных стало тепло и радостно. Мелькнули благодарные мысли о товарищах-подпольщиках, оставшихся на свободе. И каждый в эти минуты подумал о своих родных, близких, оставшихся дома. Леопольд Гольц еще не знал, что его семью белогвардейцы выбросили из квартиры в конюшню. Таков был приказ Попова.

— И все же надо бежать, — задумчиво сказал Александр Иванов. Он подошел в темноте к окну и со злобой рванул за толстый прут решетки.

8

Члены подпольного комитета понимали, если арестованных отвезут в челябинскую тюрьму, оттуда побег не возможен. Все попытки освободить Гольца, Иванова и Ряшина не привели ни к чему. Норенберг срочно заменил охрану, выставив туда самых отчаянных головорезов из сынков зажиточных казаков.

— Что же будем делать? — спрашивал Степан Голубцов у Василия Екимова, но и тот пожимал плечами:

— Если при доставке в челябинскую тюрьму… Но на открытую схватку у нас сил не хватит.

И все же решили попытаться освободить арестованных во время отправки их в Челябинск. Надо было организовать так, чтобы провожать арестованных пришло как можно больше народу.

— Дать возможность ускользнуть в толпе — вот единственное, что сумеем сделать, — сказал Екимов. — Применять оружие запрещаю, это приведет к ненужным жертвам. Судя по всему, белогвардейцы постараются усилить охрану.

Он оказался прав. Из Челябинска прислали конвой. В состояние боевой готовности были приведены солдаты охраны штаба. Обещали прибыть и казачьи заправилы во главе с атаманом Федоровым. Чтобы хоть как-то скрыть печальные

результаты своего расследования об исчезновении десяти вагонов угля, Норенберг решил отправить арестованных в Челябинск с суровой торжественностью.

Утром широко распахнулись тюремные ворота, показались вооруженные солдаты, за ними Гольц, Ряшин, Иванов и еще несколько шахтеров. Руки арестованных были связаны. На лицах лиловели кровоподтеки. Едва охрана и арестованные вышли из ворот, как их окружили шахтеры. В толпе Александр Иванов заметил Леонида Горшкова. Тот махнул рукой, протиснулся к конвоирам.

— Не теряйтесь, Гордеич. Вот сколько народу собралось!

Иванов кивнул головой. Он уже знал, что подпольщики не смогут ему помочь и решил сам попытаться совершить побег.

Рядом с Александром шагает Леопольд Гольц[15]. Взгляд его блуждает по толпе, он ищет жену и детей. А вот и Феодосья Сергеевна с сынишкой Петей и дочерью Надей на руках. Рядом с нею Саша, он держит на руках трехлетнюю Марусю. Тоскливы глаза Феодосьи Сергеевны. Леопольд Фридрихович одобряюще кивает ей: не печалься, родная, все будет хорошо. И волна благодарности проходит по сердцу, когда замечает рядом с женой Дарью Кузьминичну Голубцову, Клаву Хохлачеву.

Сжимается толпа шахтеров. Это начинает беспокоить Норенберга, стоящего со своей охраной у вагона. В кольце шахтеров под конвоем стражи подошли к вагонам арестованные.

Леопольд Гольц крикнул:

— Мужайтесь, родные! Не долго придется терпеть!

Сильный удар прикладом в спину заставил его умолкнуть и пошатнуться. Увидев это, Александр Иванов бросился к начальнику конвоя и пнул его с такой силой, что тот покатился по земле. Иванов напряг все мускулы, стараясь порвать веревку, связывающую его руки. Веревка лопнула. Александр в мгновение ока схватил за ремень стоящего рядом солдата, швырнул его на толпу, успев другой рукой выхватить винтовку. Люди отпрянули, образовался проход к паровозу, и Александр бросился туда. Наперерез кинулся Норенберг, стараясь на ходу вытащить из кобуры наган. Но Иванов ударил его прикладом в живот. Поручик упал на землю.

За линией начинались кусты, и Иванов устремился туда. Толпа шахтеров сразу же сомкнулась, не пуская преследователей за Александром. Охрана принялась вталкивать арестованных в вагон, избивая тех, кто стоял на пути. Толпа закачалась, люди все плотнее подступали к вагону. Заторопились конвоиры, с лязгом захлопнули дверь. Паровоз дал свисток и тронулся с места.

Глядя вслед составу, Екимов сказал Голубцову:

— Все кончено. Надо предупредить людей, чтобы разошлись, пока не прибыли из штаба охранники и не начали аресты.

Группами уходили шахтеры. А к линии бежали милиционеры во главе с Топилиным. Норенберг встретил их злым окриком:

— Марш за этим смутьяном, перевернуть вверх дном все бараки, но его найти.

— Сомневаюсь, ваше благородие, чтобы он стал скрываться в поселке, — пожал плечами урядник Топилин, но Норенберг вскричал:

— Не рассуждать! Делайте, что говорят.

Александр Иванов в эти минуты уже был далеко за разъездом Примыканино. Он мчался, не разбирая дороги, по лесу к озеру. Обессиленный, едва переводя дыхание, подбежал к берегу. На середине озера темнел небольшой островок, там и решил укрыться Иванов.

Федул Царионов видел, как человек с винтовкой бросился в воду и поплыл к острову.

«Вероятно, кто-то скрывается от беляков. Надо сообщить Екимову», — решил Царионов, вскочил на лошадь и галопом помчался на Уфалейские копи.

Екимова он застал дома. Торопливо рассказал о том, что видел на озере.

— Так это ж матрос Иванов, наш медведь. Надо укрыть его пока на заимке. Подплыви на лодке к острову. Не забудь пропеть: «Я иду из проулка в проулок и кричу, кому вставить стекло».

Вечером Федул Царионов разыскал Иванова. Откликнувшись на условный знак, Александр, улыбаясь, вышел из кустов.

— Знал, что помогут мне.

— Ну, ну, — ворчливо сказал Федул. — Айда поживей, замерз, небось, время-то не летнее. Старуха тебе одежонку теплую сготовила.

Они тихо поплыли к берегу.

ОПАСНОСТЬ РЯДОМ

1

Норенберг быстро пробежал глазами лист бумаги, положил его на стол и вопросительно посмотрел на Агапова, расхаживающего по кабинету. Мягкий, сплошной ковер заглушал шаги начальника милиции. Лицо Агапова было хмуро, задумчиво. Заметив, что Норенберг окончил чтение воззвания профсоюзного съезда Челябинского уезда, Агапов подошел к столу, взял лист.

— Видите, какую опасность представляют сейчас для нас профсоюзы, — негромко сказал он. — В своей резолюции они прямо указывают, что «…поддержим лишь ту единую Всероссийскую власть, которая не на словах, а на деле будет твердо стоять на защите профессиональных союзов и завоеваний рабочего класса всей России…» Чувствуете, на какую власть намекают руководители профсоюзного съезда? Видите, что пишет съезд в своем решении? «Немедленно привести все союзы рабочих и служащих Челябинского района в боевую готовность для защиты своих интересов и объединения рабочего класса». Вот

что… Срочно предписываем арестовать всех лидеров ваших профсоюзов. Делегатов съезда — в первую очередь. Есть основания думать, что большевики используют этих людей для работы против нас.

Через несколько дней после этого разговора, происходившего в Челябинске, поручик Норенберг наводил справки о работниках профсоюзов копей.

— В правление недавно избраны Царегородцев, Полещук, — докладывал Зеленин. — Кажется, там же состоит квартирный староста Штубис. Но это не смог проверить.

— Здесь проверим, — кивнул Норенберг. — Брать будем всех сразу. Вызовите Долгодворова. Аресты произведите прямо на местах работы.

Вскоре Долгодворов с тремя солдатами уже шел к шахте № 3 Уфалейских копей. Здесь на забутовке ряжа водоотливного насоса работали С. Демин и Е. Полещук.

В это же время были арестованы И. Масленников и Ф. Штубис.

— Необходимо оповестить шахтеров о новых арестах, — распорядился Василий Екимов. — Надо призвать их не начинать работу до тех пор, пока не освободят наших товарищей, членов правления профсоюза.

На квартире Голубцова, ожидая Горшкова и Берсенева, Екимов вместе с хозяином мирно отхлебывали чай. Трудно было заподозрить, что сейчас здесь, в этой небольшой комнатушке, решается судьба предстоящей забастовки.

В комнату торопливо вошел Леонид.

— Вот что, Леня, — начал Голубцов, наливая ему чашку чая. — Мы посоветовались с Василием Яковлевичем. Надо тебе с молодежью собраться на конном дворе. Часика через два получите листовки, расклеите их в людных местах.

Группа молодых подпольщиков. В нижнем ряду — А. И. Хохлачев, И. А. Рожинцев; сидит И. Е. Анфилофьев. В верхнем ряду, в центре — А. Д. Горшков.

Едва ушел Горшков, появился Еремей Берсенев.

— Карета подана, — улыбнулся он.

И вот уже трое — Екимов, Голубцов и Берсенев — едут на заимку Федула Царионова. Там находится гектограф подпольщиков копей. По дороге Василий Яковлевич был задумчив, он сочинял текст листовки. Надо в короткой ясной форме предъявить требования шахтеров. Вскоре нужные слова подобрались, и едва лошади остановились на заимке, Екимов побежал в дом, успев на ходу поздороваться с хозяйкой Василисой Кирилловной.

Как вспоминает Дарья Кузьминична Голубцова, в листовке было написано:

> «Начальнику контрразведки поручику Норенбергу. Всем управляющим шахт и разрезов.
>
> Во избежание кровопролития и выведения из строя оборудования всех шахт подпольный комитет требует: освободить арестованных Демина, Полещука, Штубиса и Масленникова. Предоставить квартиру семье арестованного Гольца, которая живет в конюшне Ашанинских копей.

В случае невыполнения наших требований все шахтеры прекратят работу. Подпольный комитет».

Текст набирал сам Екимов. Еремей Берсенев начал печатать листовки. Голубцов и Екимов готовили бумагу. Федул Царионов вышел следить за дорогой и лесом.

— А я что же? — обиделась хозяйка.

— Вы? — улыбнулся Екимов. — Подсушивайте-ка листовки на плите печки и на крышке самовара.

Через час свыше пятидесяти листовок были готовы.

Подпольщики покинули заимку.

Голубцова нетерпеливо ожидал Горшков.

— Ребята на конном дворе. Давайте листовки, — сказал он. — Илья Петряков, Клава и Алексей Хохлачевы пойдут на Уфалейские копи, Володя Вдовин, Ваня Салоха и Ваня Точилкин — на Пентеговские, Александр Отрыганьев, Станислав Лазовский, Дахретдин Хуснутдинов — по мелким поселкам шахтеров, Павлик Баландин и Пантелей Прохоров — на Емельяновские копи, Коля Репин и Коля Яров — на Злоказовские, Саша Карамышев — на Ашанинские. К солдатам пойдут Настя Собакина и Лена Овечкина, — закончил Леонид. — Конечно, опасно там девчатам, но им поможет чех Марко.

И молодежь копей пришла в движение.

Настя Собакина и Лена Овечкина появились около казармы белогвардейского гарнизона.

— Позови-ка Марко! — крикнула Настя чеху-часовому. — Понимаешь, солдата Марко!

Часовой не обращал внимания. Девушки подошли ближе.

— Стой! Назад! — неожиданно скомандовал чех, вскидывая винтовку. На шум выбежали солдаты. Один из них, смеясь, похлопал по плечу часового.

— Забыл, что это наши девушки, а?

На крыльцо выскочил чех Марко. Он что-то сказал часовому. Тот неохотно отошел от крыльца.

Марко отвел девушек в сторону, Настя передала ему листовки и неожиданно спросила:

— Начальство есть в казарме?

— Нет.

— Веди туда! Я сама поговорю с солдатами.

В казарме их быстро окружили смеющиеся солдаты. Кто-то одобрительно похлопал девчат по спине. Настя сердито обернулась.

— Чего лапы распускаешь? — сверкнула она глазами. — Мы за делом к вам пришли. Там наших шахтеров в подвале избивают,

а вам — хахоньки. А если бы ваших товарищей, или вас ни за что ни про что пытать начали? Мы решили пойти всем народом требовать у начальника, пусть выпускают товарищей. И солдаты не должны стрелять, понимаете? Мы же мирно, чтобы не было кровопролития, — вспомнила она строку из листовки.

Из казармы девчата выходили довольные: солдаты сказали им, что стрелять в неповинных людей не будут. А Саша Карамышев, раздав листовки, в это время уже входил в квартиру Степана Демина. Екимов передал, чтобы Пелагея Дмитриевна спрятала в надежное место все документы профсоюзной организации, а также деньги.

— С минуты на минуту ввалятся к вам с обыском, — сказал Саша.

Едва он вышел, Пелагея Дмитриевна воткнула в печную трубу выше вьюшки документы и деньги.

Вскоре же на квартиру Демина явился Зеленин с двумя солдатами. Бесцеремонно втолкнув хозяйку в передний угол, принялись за обыск. В чулане нашли сало, бутылку самогона. Распив ее, приступили к допросу Деминой.

— Где муж хранит оружие?

— Вы же искали — не нашли.

Один из солдат вынул наган.

— Скажешь — оставлю живую, нет — пристрелю, как собаку.

— Такая ваша работа — стрелять да вешать, — сказала женщина. Жестоко избив ее, казаки ушли, так ничего и не найдя в квартире Демина.

С трудом поднялась Пелагея Дмитриевна с пола, выползла в сенцы, напилась воды. В голове ее тревожно билась одна и та же мысль: «Что же со Степаном? Уж коль меня избили, то его, может, уже и в живых нет?»

Но Степан Демин чудом избежал побоев. В кабинете Норенберг допрашивал Масленникова. Оттуда слышались звуки глухих ударов, стоны. В коридоре лежал избитый Полещук.

Неожиданно заревел гудок электростанции. Гудок подхватили паровозы на шахтах. Норенберг и солдаты выбежали на улицу. И никто не заметил, как вслед за ними вышел Полещук.

Арестованных быстро увели в одну из комнат с зарешеченными окнами.

— Говорят, больше тысячи шахтеров сюда идет, — сообщил Федор Штубис, когда конвоиры захлопнули дверь.

Степан Демин подтянулся к окну. К штабу медленно придвигалась многосотенная толпа горняков и их жен. Зоркий глаз Степана различия в первых рядах Голубцова и Горшкова. Вот Горшков выскочил вперед, поднял руку. Демин понял, что Леонид

читает стихи.

….Был в России деспот-царь! — донеслось до арестованных, и Степан восхищенно произнес:

— Молодец, Ленька!

По крыше и стенам штаба застучали обломки кирпичей, камни. Зазвенели в штабе разбитые стекла окон. И снова в коридоре послышался топот солдатских сапог.

— Забегали, гады, — со злобным торжеством проговорил Масленников, — когда земля горит под ногами.

В кабинете Норенберга то и дело теперь слышались телефонные звонки. Управляющий копей Попов… Управляющий Кыштымских копей Максимов…. Все просили об одном — освободить арестованных, иначе забастовавшие шахтеры разрушат предприятия.

Норенберг бросил трубку, торопливо зашагал по кабинету, не глядя на урядника Урванцева и вытянувшихся солдат.

— К черту трусость! — крикнул поручик, но звон разбитого стекла прервал его голос.

Норенберг отскочил в угол, потом махнул рукой:

— Освободите этих, которых взяли.

Урванцев бросился из кабинета. Норенберг устало глянул на листовку, вызвал ординарца:

— Жену арестованного Гольца переселите из конюшни в отдельную комнату третьего барака.

Слова его перекрыл многоголосый шум толпы, встречавшей освобожденных. Загремела песня. Норенберг узнал ее. Это был «Интернационал».

— Погодите, — скривился поручик, — доберусь до вас по одиночке.

А толпа уходила от штаба. И сам собой возник в березовом перелеске митинг. Горячие слова о победе бросал в толпу Степан Голубцов. Он говорил о том, что только сообща, только вместе можно победить врага.

А поздно вечером к Степану Викторовичу пришел Иван Матвеевич Масленников.

— Слышь-ка, Степан. Записывай меня в большевики. На своей спине испытал, кто такие всякие кадеты и эсеры с меньшевиками. Понял я, что ваша партия — самая что ни на есть подходящая для меня.

Голубцов пожал руку Масленникову.

— Ладно, Иван Матвеевич, обсудим это с товарищами. Но считай, что мой голос за тебя.

Во мраке осенней ночи затихли копи. Порывистый холодный ветер остервенело рвал оголевшие ветки деревьев. Дарья Кузьминична Голубцова настороженно смотрела за дорогой, переводила взгляд на окна дома Ивана Рожинцева, где проходило расширенное заседание подпольного комитета.

— Надеюсь на тебя, Дашенька, — говорил Степан Викторович, — не потому, что другим не доверяю, а потому, что многим хочется быть на совещании: приехала Софья Авсеевна Кривая, И вопрос важный — о праздновании первой годовщины Октября.

И Голубцова вместе с девчатами из молодежной десятки Леонида Горшкова охраняла тех, кто был в доме Рожинцева. Вообще-то, это даже и меньше подозрений, когда одни девчата на улице.

Стукнул в раму ветер, тоненько задребезжало стекло, и Софья Авсеевна глянула на Екимова: не условный ли стук? Тот медленно качнул головой: все в порядке. И Софья Авсеевна продолжала:

— Городской подпольный комитет провел 26 октября совещание представителей подпольных организаций. Ваш делегат, — кивнула она на Федора Царегородцева, — уже доложил вам о том, что однодневная забастовка в день 7 ноября должна вспыхнуть на всех предприятиях города.

— Есть и у нас свои предложения, — выждав паузу, сказал Екимов. — Шестого числа в клубе Уфалейских копей белогвардейцы будут показывать фильм для солдат. Соберется много народу. Вот мы и думаем, — хитровато глянул Екимов на Софью Авсеевну, — провести митинг до сеанса.

Василий Яковлевич рассказал о плане проведения митинга, и Софья Авсеевна одобрила дерзкую затею.

— Только продумайте все мелочи. В нашем деле мелочь важна не менее, чем главный момент, людей берегите, не пускайтесь на террор и безрассудные авантюры. Степан Викторович, ты был в Бродокалмаке, помнишь братьев Свиньиных и Мануйлова? — обернулась она к Голубцову.

— Хорошо помню. Смелые, боевые ребята.

— Недавно их расстреляли каратели, кулачье помогло…

Помолчав, она сказала:

— Есть и добрые вести. Ваш матрос Александр Иванов руководит сейчас одним из партизанских отрядов.

— Иванов?! — радостно воскликнул Леонид Горшков. — Дядя Саша! Вот это здорово. Значит, жив?

Переждав шум, поднялся Михаил Филиппович Семенов.

— Я вот о чем размышляю. Митинг в канун годовщины

революции — вещь хорошая. Но сам-то праздник будет седьмого числа. Думаю так: надо вывесить где-то красный флаг, да так, чтобы беляки не сразу до него добрались. Скажем, на копер шахты «Александр».

— Верно! — отозвалось сразу несколько голосов.

Софья Авсеевна внимательно оглядела собравшихся и сказала:

— На шахтах усилена охрана. Пойдут на операцию лишь добровольцы.

Вскочили Леонид и Настя. Леонид сказал:

— Мы с Настенькой повесим флаг.

— Э-э! Постойте, молодежь! — встал Максим Филиппович. — Аль для вас я выговаривал? Нет уж, дозвольте мне пойти. У старого человека ум здравый и глаз зоркий. А коль вызвались и они, — кивнул на Леонида и Настю, — то мы трое и пойдем.

Тяжело поднялся Илья Петряков.

— Мы с Леней всегда вместе на такие дела ходили, — сказал он. — Разрешите и сейчас?

Екимов и Голубцов одобрительно кивнули.

— Что ж, на этом закончим, — встала Софья Авсеевна. — Василий Яковлевич и Степан Викторович, задержитесь, остальные могут расходиться.

По одному, по двое безмолвно уходили в темноту ночи подпольщики.

А в комнате остались трое.

— Чем будете людей кормить, — спросила Софья Авсеевна, — коль в кредитной лавке не станут давать продукты хозяева? Как с деньгами?

Голубцов весело переглянулся с Екимовым.

— Предвидели этот вопрос, Софья Авсеевна, — качнул головой Василий Яковлевич. — Леня Горшков и Дахретдин Хуснутдинов по нашей просьбе совершили, так сказать, небольшое изъятие денег у одного купчика — 3739 рублей. И хлеб есть на первый случай. Шахтер наш, из подпольщиков, Щекатуров по поддельным документам достал 100 пудов из деревни Карандышево, 60 пудов дал Федул Царионов, 60 пудов привез Иван Масленников из одной деревеньки — тоже по подложным бумагам.

— Молодцы вы оба, — улыбнулась Софья Авсеевна. — Что ж, мне пора.

— А чай, Софья Авсеевна? — встрепенулся Голубцов. — Я своей жене пообещал, что останетесь…

— Дарье Кузьминичне? Нет, Степан Викторович, к вам сейчас не смогу.

— Зачем к нам? Она же здесь! На охране стоит!

Вошла Дарья Кузьминична.

— Ну и мужчины, — пошутила Софья Авсеевна. — Сами в тепле, а жен — на мороз.

— Ничего, — засмеялась Дарья Кузьминична. — Я не в обиде. Лучше уж нам не чаевничать, неровен час. Клава Хохлачева прибегала. Лошади ждут, запряжены уже, во дворе Лазовского стоят. Мимо домов подрядчика Колесова и Пряхина не ходите. Там что-то Ванька Долгодворов крутится с солдатами.

Вскоре Степан Голубцов и Софья Кривая добрались проулком до дома сапожника Лазовского. Короткое пожатие рук, в бричку за кучера сел Федул Царионов. И вот уже цокают в осеннем чутком воздухе копыта застоявшихся лошадей. Все дальше, дальше… Все глуше, глуше…

«Отчаянная женщина, — вздохнул Степан Голубцов. — Мечется по уезду от города к городу, от села к селу — ни малейшего страха. Смелая жизнь».

3

Володя Вдовин шел от Норенберга хмурый. Откуда белогвардейцы пронюхали, что при Советах он крутил кинокартины? Норенберг строго приказал сейчас же проверить всю киноаппаратуру, получить фильмы.

«Буду рвать части, не больно-то обрадуются», — решил Володя и, подходя к клубу, заметил Лену Овечкину. Она метнулась ему навстречу.

— Степан Викторович тебя разыскивает, — быстро заговорила. — Иди в кинобудку, он придет туда.

«Раз Голубцов разыскивает, значит, важное дело», — обрадовался Володя.

И действительно, Голубцов сообщил Володе о митинге.

— Часа за полтора до сеанса в клуб соберутся наши люди, — тихо говорил он. — Мы проведем митинг. Как только появятся белогвардейцы, Лена даст тебе знать. Туши свет и сразу же начинай кино. А мы в это время потихоньку уйдем. Ясно?

— Все ясно, Степан Викторович, — возбужденно ответил Володя. Наконец-то и ему поручили серьезное задание!

…И вот уже просторный зал бывшего Народного дома начали заполнять шахтеры. Кое-кто из них знал, что вот-вот начнется митинг, и настроение у горняков было праздничное и вместе с тем напряженное: как пройдет митинг?

Голос Василия Яковлевича Екимова Володя Вдовин услышал

не сразу. Шум в зале утих, до Володи донеслось:

— …Собрались мы сюда сегодня не случайно. Ровно год назад совершилась революция, давшая свободу всему народу России! И пусть временно власть на Урале принадлежит не нам, но мы уверены, что недалек день, когда и над копями взовьется красный наш флаг! От имени подпольного комитета партии большевиков я призываю вас завтра, 7 ноября, начать забастовку против увеличения рабочего дня, за повышение заработной платы, за снижение цен на продовольствие. Поздравляю вас с праздником! Да здравствует Советская власть!

Радостно отозвались шахтеры на призывные слова Екимова.

— Беляки! — влетела в кинобудку Лена, и Володя быстро погасил свет, включил аппарат. На экране замелькали смутные тени.

Володя не знал, что в темноте Екимов и Голубцов уже шли к запасному выходу, возле которого ждали их Степан Демин и Еремей Берсенев. Около дверей к ним пробился и Константин Рогалев.

Другими путями, через главный выход, проскользнули из клуба Леонид Горшков и Илья Петряков. Они едва не натолкнулись на солдат, но вовремя свернули в механический цех и оттуда спустились в разрез. Постовые у главного входа, Набережный и Хуснутдинов, давая возможность всем подпольщикам скрыться, держали дверь, не пуская солдат. Но белогвардейцы ворвались в зал. Навстречу им хлынули шахтеры. Набережный и Хуснутдинов успели скрыться в мелком кустарнике.

И. В. Петряков.

Володя продолжал показ кинокартины. Лена Овечкина крутила ручку аппарата. Внезапно распахнулась дверь кинобудки, ворвались два дюжих белогвардейца. Один из них схватил Володю за воротник пиджака, оттащил от аппарата. А по крутой лестнице вверх уже бежали солдаты. Володю и Лену связали и повели в штаб.

Норенберг внимательно посмотрел на Лену и Володю, прочитал листовку, которую подал ему фельдфебель.

— У них нашли? — кивнул Норенберг на Володю и Лену.

— Никак нет-с, — вытянулся фельдфебель. — В зале. Кто-то в темноте разбросал эти бумажки.

— Ну-с, Вдовин, — остро глянул поручик. — Как же так случилось, что потух свет, когда наши солдаты вошли в зал?

— Извините, я же не знал, я просто начал показывать кино. Вот и ее спросите, она все время была со мной. — мотнул головой на Лену.

— Спросим, — усмехнулся Норенберг. — В свое время спросим. А не кажется ли вам, молодой человек, подозрительным…

Стремительно вошел урядник Топилин, что-то сказал Норенбергу, тот поморщился.

— Хорошо, иду. Допроси-ка этих. И если что… Сам знаешь.

Урядник молодцевато козырнул, указал Володе и Лене на дверь.

— Ну-ка, живо! У меня вы заговорите!

Однако в своем кабинете лишь спокойно спросил:

— Достукались? Сколько тебе, Вдовин, лет?

— Семнадцать, — помолчав, ответил Володя.

— Ну, тебе-то я знаю, сколько, — посмотрел Топилин на Лену. — Давно на заметке у нас. Думаешь, неизвестно, почему ты крутишься возле солдатской казармы? Что же с вами делать?

Топилин задумчиво смотрел на них.

— Ладно, — сказал он, наконец. — Разукрашу я вас не очень больно, конечно. Одежонку в лохмотки превращу. Ночью поручик придет проверять, чтоб кровь с лица не вытирали.

Ночью в амбар, где лежали Володя и Лена, пришли Норенберг и Топилин.

— Пришлось малость подучить их, — весело сказал Топилин, осветив фонарем ребячьи лица. — Толку мало. Бестолочь зеленая. Им не в большевиков играть, а в куклы. Выбросить на улицу, так считаю, чтоб дома родители еще всыпали.

Норенберг хмуро мотнул головой и вышел в сопровождении Топилина. Лена слышала, как он сказал:

— Через часок-другой дай им еще припарку, чтоб не повадно было к нам попадать, и выгони.

Через полчаса Топилин вернулся.

— Шпарьте домой, — открыл настежь дверь. — Да больше не попадайтесь. Передайте Горшкову, что держались молодцом. Ну, живо!

Норенбергу некогда было заниматься Володей и Леной. Позвонил из Челябинска Агапов:

— Усильте караулы на шахтах, следите, чтобы не вывели из строя оборудование. Генерал Сахаров не забывает вашего подарка десяти вагонов угля большевикам. Оправдайте его доверие на этот раз, сумейте с утра организовать работу в шахтах. Принимайте любые меры, расстреливайте тех, кто руководит сопротивлением.

Норенберг заверил Агапова, что все будет в порядке, но сам в этом не был уверен. Уже с вечера патрули несколько раз обстреляли неизвестных, расклеивавших листовки с призывом отметить годовщину революции забастовкой. Пронизывающий ветер загонял солдат в дома, к теплу, и этим пользовались подпольщики, листовки появлялись даже на доме управляющего копями Попова.

Около одиннадцати часов вечера по проулку, ведущему к шахте «Александр», шли Настя и Максим Филиппович. Леонид с

Ильей, не теряя их из виду, шагали позади.

Шли молча. Семенов с жалостью поглядывал на Настю: несколько часов назад сообщили, что беляки арестовали ее отца. Почему? За что?

— Возьми-ка, — подал в темноте Максим Филиппович Насте кулечек. — Здесь канифоль. Леня передал. Чтобы руки не скользили, когда полезешь на копер.

И опять идут вперед. Рослый, плечистый Максим Филиппович опирается на посох. Со стороны можно подумать, что идут дедушка с внучкой. Однако посох — это древко флага, полотнище которого спрятано у Семенова за пазухой. На полотнище надпись «За власть Советов!»

Шахта «Александр» — совсем недалеко от белогвардейского штаба. Высокий деревянный копер и сейчас угадывался в темноте на фоне неба, а днем был виден далеко окрест.

Первый владелец шахты, купец Иван Ашанин, назвал ее так в честь своего первенца-сына, и не случайно выбрал для копра высокое место: пусть сын продолжает дело отца и возвышается в делах над многими.

У конца проулка Настя и Максим Филиппович остановились, подождали Горшкова и Петрякова. Дальше начиналась территория шахты.

Бесшумно подошли Леонид с Ильей. Все выжидающе замерли. Тихо.

— Пора! — шепнул Горшков.

Настя и Максим Филиппович двинулись к копру. Леонид и Илья залегли возле забора, держа наганы наготове.

Вот и копер. Со свистом воет ветер в его ажурных сплетениях, зловеще темна деревянная громада. Максим Филиппович быстро и ловко прикрепил полотнище к древку, подал Насте.

Взбираться почти что по отвесной стене копра очень трудно. Настя ползет, цепляясь за малейший выступ, и вскоре ощущает, какими липкими от крови стали пальцы. Под ногти впились занозы. Вцепившись распухшими пальцами за выступ доски, сделала еще одно усилие и оказалась на небольшой крыше копра. Прикрепить древко к шпилю копра было делом нетрудным. И Настя вдруг почувствовала страшную усталость. Ей казалось, что башня копра качается под ее ногами. Настя судорожно схватилась за шпиль и медленно, начала сползать с крыши. Еще один шаг вниз, еще и еще. Теперь каждое прикосновение пальцев к деревянной обшивке копра отдавалось болью во всем теле. Наконец ноги почувствовали землю, и Настя скорее упала, чем встала на нее.

— Все… — прошептала она Максиму Филипповичу, пытаясь

подняться, но тот прижал ее к земле.

— Тихо!

На той стороне, где скрывались Горшков и Петряков, слышался громкий разговор.

— Патрули! — прошептал Семенов. — Неужто видели, как ты сползала?

Голоса удалялись. Настя и Максим Филиппович поползли по стылой заснеженной земле, потом встали и торопливо зашагали к забору, где притаились Леонид и Илья. А позади их, на самой верхушке копра, трепыхался советский флаг.

Утром на заборах, на стенах домов, на столбах — всюду висели листовки.

> «Шахтеры! Не выходите сегодня на работу. С седьмого числа объявляется забастовка в честь первой годовщины пролетарской революции! Да здравствует рабоче-крестьянское правительство! Да здравствует вождь пролетарского народа В. И. Ленин!»

Заметались казаки и солдаты, скоблили листовки со стен и заборов, но листовок было много, словно тысячная армия подпольщиков расклеивала их всю ночь. В бессильной злобе кусал ногти Норенберг. Бешенству поручика не было предела, когда доложили, что возле копра шахты «Александр» собралась огромная толпа шахтеров, женщин и детей. На шпиле копра алой зарей полоскалось красное знамя. Попытки взобраться на копер не дали результатов — обшивка его за ночь сильно обледенела.

— Черт возьми! — заорал Норенберг. — Вы не солдаты, а базарные бабы. Объявите, что мы заплатим тысячу рублей тому, кто снимет флаг.

Шахтеры пожимали плечами и расходились по домам. В этот день, 7 ноября 1918 года, на работу никто не вышел. Напрасно метались милиционеры от барака к бараку. Следом за ними ходили агитаторы-подпольщики: Иван Лазовский и Дахретдин Хуснутдинов — на Уфалейских копях, Володя Вдовин и Александр Отрыганьев — на Емельяновских, Иван Масленников и Федор Царегородцев — на Злоказовских, Михаил Вдовин, Петр Бухалов и Леонтий Федячкин — на Кыштымских копях. Они призывали горняков продолжать забастовку до тех пор, пока не будет сокращен рабочий день и не налажено снабжение шахтеров продовольствием.

И забастовка продолжалась целую неделю. Норенберг не знал, что предпринять. Его звонки к Агапову остались без ответа: в Челябинске тоже бастовали рабочие. А в город вот-вот должен был прибыть специальный поезд адмирала Колчака.

Как писала белогвардейская газета «Власть народа»,

> «15 ноября 1918 года в Челябинск из Омска прибыл военный и морской министр адмирал Колчак».

Поезд адмирала прибыл в Челябинск вечером. Из копей на встречу с адмиралом срочно выехали Попов и Норенберг.

18 ноября в Омске ставленник империалистов Антанты Колчак был провозглашен «верховным правителем России». Колчак объявил, что главной своей целью ставит победу над большевиками.

После отъезда Колчака в Омск среди горняков передавались частушки, сочиненные Леонидом Горшковым.

…Рвут и мечут негодяи,
Восхваляя трон царей.
С явной помощью Антанты
Бьют и вешают людей.

4

За участие в забастовке были арестованы и отправлены в челябинскую тюрьму Пантелей Прохоров и Иван Рожинцев. На копях наступила пора репрессий. Белогвардейские власти уволили и выбросили на улицу свыше 30 шахтеров.

Через Егора Полещука челябинские подпольщики передали на копи, что Прохорова и Рожинцева переправили в Троицк.

П. А. Прохоров.

— Плохой знак, — хмуро сказал Екимов Голубцову. — В Троицке суд скорый — рой могилу и пулю в лоб.

— Сообщить надо жене Пантелея, — после некоторого раздумья ответил Степан Голубцов. — Пусть съездит, узнает, нельзя ли чем помочь.

Анастасия Прохорова с радостью согласилась поехать к мужу.

— Денег вот только нет, — погрустнела она. — Продать бы что.

— Не очень-то купят нынче, — усмехнулся Екимов. — Деньги для поездки выделим.

— А дети с кем у нее останутся? — поинтересовался Демин.

— Договорились с Берсеневыми. Пелагея присмотрит.

И вот Анастасия Николаевна в Троицке. Попросилась ночевать к пожилой солдатке.

— Ты бы на кладбище сходила, — посоветовала солдатка, когда Прохорова поделилась с ней своим горем. — Там арестанты могилы роют, авось скажут о твоем.

Солдатка оказалась права. С помощью монашек Анастасия договорилась за небольшую плату с охраной. Ей разрешили подойти к арестованным. Почти бегом бросилась к ним Анастасия и вздрогнула, услышав, как кто-то зовет ее. Пантелей Прохоров

стоял на бруствере могилы с лопатой в руках. Проплакавшись, торопливо начала расспрашивать мужа о жизни…

— Чего рассказывать-то? Из Челябинска разбросали нас кого куда. Ивана Рожинцева расстреляли в Миассе, а меня сюда направили. Жуть, что творится кругом. Каратели стреляют и рубят нашего брата. Мертвых потом складывают штабелями, копаем могилы. Вот и сейчас, — кивнул на яму, — роем могилу, может быть, для себя.

— Авось бог милует, — закусила губы Анастасия.

— На бога многие надеялись, — жестко усмехнулся Пантелей. — Подговорил я троих ребят бежать, не знаю, удастся ли.

С тяжелым сердцем расставалась Анастасия Николаевна с мужем. Вернувшись на копи, рассказала Екимову о том, что нашла мужа, поведала и нерадостную весть о гибели Ивана Рожинцева.

— Жаль человека, — вздохнул Екимов. — О Пантелее переговорю с челябинскими подпольщиками, помогут ему.

Оба не знали, что Прохорова уже второй день нет в живых: его расстреляли после отъезда жены.

С Софьей Авсеевной Кривой Екимов в эти дни не смог встретиться: она находилась в отъезде, занятая подготовкой городской подпольной конференции.

11 декабря 1918 года в Челябинске собралась общегородская подпольная партийная конференция. Были заслушаны доклады о текущем моменте и решениях второй Сибирской конференции. Партийная конференция постановила создать при горкоме партии Военно-революционный штаб. Был избран горком РКП(б) из семи членов и двух кандидатов. В числе кандидатов — от угольных копей В. Я. Екимов.

Полещук и Голубцов, делегаты конференции, вернувшись из Челябинска, собрали руководителей подпольных десятков на совещание. Необходимо было сообщить о решениях общегородской конференции, где особое внимание обращено на подготовку вооруженного восстания.

Совещание подпольщиков Копей проходило на квартире Степана Демина под видом именин его жены. Охрана была надежная: во дворе дома дежурили Илья Петряков и Петр Набережный. На улице с балалайкой прогуливалась веселая компания — Володя Вдовин и Клава Хохлачева, чех Марко и Лена Овечкина.

Собравшиеся были сегодня по-настоящему взволнованы. Наконец-то встал вопрос о свержении колчаковского режима. Словно свежим ветром свободы повеяло в квартире, когда все

узнали от Голубцова, читавшего резолюцию общегородской подпольной партийной конференции, о сроке восстания — 12 апреля 1919 года.

— Всего четыре месяца осталось, — прошептал Иван Масленников Федору Царегородцеву. — Эх, соскучился я по свободной жизни! Просто не верится, что свобода уже не за горами…

— План восстания строго предусматривает все мелочи, — продолжал между тем Степан Викторович. — Нам надлежит со своим отрядом прибыть в Челябинск в распоряжение революционного центра в ночь на 12 апреля. Отряд должен быть достаточно вооружен.

Горшков согласно мотнул головой. Недавно с помощью чеха Марко ребята упрятали в тайники еще ящик патронов и гранат.

— Подготовка к восстанию не снимает с нас диверсионной работы, — продолжал Голубцов. — Наоборот, начиная с этого момента, такая работа усиливается. От мелких операций намечаем переходить к более крупным. Первые объекты взрыва — крупная шахта, электростанция… Разработка конкретного плана поручается Федору Царегородцеву. Подберешь, — обернулся он к Царегородцеву, — людей, разведаешь обстановку, обеспечишь себя взрывчаткой и бикфордовым шнуром. Мы рекомендуем в подрывную группу Ивана Масленникова, Леонида Горшкова, Дахретдина Хуснутдинова, Илью Петрякова, Константина Рогалева. Если будут возражения, потом сообщишь.

Внезапно быстро вошел Володя Вдовин.

— Возле дома Лазовского подозрительно много солдат, — сообщил он.

Дом И. К. Лазовского находился недалеко, и подпольный комитет решил прервать заседание.

5

На улице мечется ветер, струисто гонит звонкую поземку, бросает охапки снега в окна, наметает сугробы у заборов. А в избе деда Задорина, где собралась на вечеринку молодежь, тепло и весело. Переливчато звенит гармошка. Лена Овечкина и Клава Хохлачева перебрасываются под перепляс задорными частушками.

Леонид сидит рядом с Володей Вдовиным, смотрит на Клаву и думает о том, скоро ли кончится белогвардейское засилье и будет возможность сыграть свадьбу.

В дверь вместе с клубами морозного белого воздуха ввалился

пьяный Иван Долгодворов.

— Во где весело, а? Иду и гармошку слышу. Кто со мной плясать?

Дед Задорин слез с печи, тронул за рукав Долгодворова.

— Идем-ка, Иван, лучше пропустим в горенке по маленькой.

— В-во, золотые слова, — уцепился Долгодворов за руку деда Задорина.

Но вскоре фельдфебель вернулся, встал посреди комнаты и запел:

Мы гренадерские уланы
Семь дней в неделю только пьяны…

Володя Вдовин поймал кота, подозвал Лену Овечкину, что-то шепнул ей. Лена весело засмеялась выскочила на круг. Вздохнули меха гармошки. Долгодворов медленно пошел вокруг Лены, прямо раскинув руки. Володя ткнул кота иглой, тот взревел и бросился прямо под ноги фельдфебелю. Долгодворов упал и с криком пополз к двери. Илья Петряков встал, приподнял его и подтолкнул к выходу. Тот послушно поплелся к двери, вышел, оставив ее полуоткрытой. Внезапно Леонид Горшков вскочил, схватил с лавки старенький мешок и бросился вслед за Долгодворовым.

На улице свистел ветер, взметывая снежные вихри, и поэтому пьяный Долгодворов даже не расслышал быстрых шагов за своей спиной. Внезапная темнота заставила его остановиться, но сильный удар в живот свалил с ног. Избив Долгодворова и забрав у него наган, Леонид моментально исчез.

Утром Норенберг отпустил незадачливому гуляке зуботычин за пропавший наган, оформил арест на трое суток.

— Где ты пьянствовал? — в который раз спрашивал он фельдфебеля. — Приблизительно хотя бы расскажи.

Но Долгодворов ничего не помнил. Степан Викторович Голубцов сурово отчитал Леонида.

— Смотри, не выкинь каких-либо шуток, когда пойдешь с Ильей Петряковым взрывать шахту, — предупредил Голубцов.

— Что вы, Степан Викторович, — обидчиво отвернулся Леонид. — Есть же разница: или избить Ваньку Долгодворова или партийное поручение выполнять.

Они сидели в этот последний вечер 1918 года на квартире Голубцовых. За окном в завывании метели истекали последние полчаса старого года. А двое парней — Леонид Горшков и Илья Петряков — готовились в короткую, но опасную дорогу — взрывать шахту № 2.

— Наганы взяли? — тихо спросил Голубцов.

— Наганы и бомбы.

— Потребуется — стреляйте. Но задание должно быть выполнено любой ценой.

— Понимаю, — кивнул Леонид. — Подарочек новогодний преподнесем белякам.

Метель чуть приутихла, но ветер свиреп, он ударяет в грудь, слепит глаза. Идти стало совсем трудно, когда свернули с тропки и пошли по целине.

Березняк кончился. Впереди — небольшая сугробистая прогалина, отделяющая лесок от шахты.

— Стой, — выдохнул Леонид, приваливаясь к березке. — Осмотримся, где часовые.

Разглядывали территорию шахты долго. Наконец увидели в серой мгле едва заметную темную фигуру часового возле инструментального склада.

Крепчал мороз. Лежать без движения на снегу становилось нетерпимо. Но часовой топтался на месте: два шага в одну, два шага в другую сторону. Ему теплее, на нем длинный тулуп. Но видно и его пробирал мороз. Часовой медленно зашагал к раскомандировке.

— Ну рвем, Илюха! — привстал Леонид.

Они бросились бежать. Камнем упали в рыхлый глубокий снег, едва открылась дверь раскомандировки. Вышел другой часовой, в одной шинели. Он обошел копер, остановился с западной стороны возле склада, решив, вероятно, что здесь ветер меньше свирепствует.

— Трое их здесь, — шепнул Леонид. — Этот, видно, на несколько минут сменил постового.

Часовой чиркнул спичкой, зажег папиросу. Поеживаясь от холода, побрел обратно в раскомандировку. Парни бросились ко входу в копер, отдышались.

— Давай, Илюха! Медлить нельзя. Обливай стены копра керосином, а я за дверью наблюдать буду.

Илья раскопал в хламе ведро с керосином, еще утром припрятанное здесь. Обильно облив доски керосином, поставил банку с порохом, прикрепил к ней бикфордов шнур, просунул затем его в щель наружу.

— Порядок, — прошептал он, но Леонид поднял руку:

— Тише! Смотри, все трое вышли на улицу.

Часовые стоят, переговариваются, курят, а время идет.

— Кинуть бомбу? — словно угадывая мысли Леонида, прошептал Илья.

— Давай… Кто из них уцелеет, прихлопну я, — достал

Горшков тяжелый «смит-вессон».

Илья медленно подошел к выходу, размахнулся и бросил бомбу. Взрыв прогремел резко в тишине ночи. Двое часовых упали, третий бросился бежать. Леонид поймал его на мушку и нажал на спуск.

— Живей за дело, пока казаки не нагрянули, — крикнул Горшков, выскакивая из копра. Илья зажег спичку, приставил огонек к бикфордову шнуру и бросился от шахты.

Мощный взрыв застал их уже в перелеске. Упав в снег, они видели, как ширилось, росло зарево над шахтой.

Переулками пробежали к бараку Ильи Петрякова, тихо открыли дверь и, раздевшись, полезли на теплую печь. Наганы на всякий случай положил под подушки. Часы в квартире Петряковых пробили половину первого.

— Ну, Илюха, с Новым годом! — подтолкнул друга Леонид. — Эх, и шум сейчас стоит на шахте!

Действительно, возле горящего копра собрались солдаты и шахтеры. Полупьяный Норенберг заявился поздно, когда снег вокруг был перетоптан.

— Черт вас возьми! — заорал он. — Даже следов преступников теперь не найдешь!

— Следы ищи не ищи, а с месяц шахта выдавать уголь не будет, — хмуро заметил Попов… — Хорош подарочек на Новый год!

В эту же ночь на перегоне от разъезда Ванюши к станции Козырево попал в аварию воинский эшелон. Петр Бухалов, разобравший путь, спокойно спал дома, когда состав на полном ходу пошел под откос.

Так начинался новый, 1919 год.

6

В этот субботний январский вечер Леонид Горшков и Степан Демин случайно встретились по дороге с шахты.

— Идем к Степану Викторовичу. Есть важные новости, — сказал Демин.

Их уже ждали.

— Посылал за тобой, — кивнул Голубцов Леониду. — Говорят, что еще с работы не вернулся. Садись, обсудим кое-что…

Вошел Илья Петряков, поздоровался, сел рядом с Леонидом.

— Слышал, как ты с кочегарами на электростанции расправился, — подтолкнул его Горшков.

— Едва не поймали, — вздохнул Илья. — Только ввалился в

котельную — навстречу два солдата-кочегара. Швырнул две бомбы и дал теку. А рядом еще колчаковцы с офицером оказались, бросились за мной. Чувствую, далеко не уйду, а в кармане две бомбы. Махнул через заборчик — и к дому сестренки. Аннушка замешивает на кухне квашню. Я ей быстро: «За мной погоня!» Сам опустил бомбы в квашню, разделся и сел к затопленной печке. Сижу, курю. Врываются солдаты, начинают обыск. Аннушка стоит ни жива ни мертва, слегка помешивает квашню. Офицер закричал: «Где оружие? Кто вбежал к вам?» Сам на меня посматривает. Аннушка молчит. Тогда офицер схватил ребенка из зыбки, бросился на улицу, кинул его в снег. Вернулся: «Теперь скажешь?» Аннушка побледнела, но молчит. Хорошо, шел возле дома техник Александр Витвицкий. Услышал плач ребенка, вбежал во двор. Кинулся с ребенком к нам, увидел белогвардейцев, все понял. Говорит мне: «Я за тобой, Илья Васильевич. Надо кирпич в мехцех привезти». Офицер отвечает, что я арестован. «За что?» — «Он взорвал электростанцию». — «Ложь! — крикнула сестренка, — Он никуда от нас не уходил!» Витвицкий строго посмотрел на офицера и солдат: «Поговорим с вами у Норенберга». Те и ушли не солоно хлебавши. Я благодарить Витвицкого, а он…

Встал Голубцов.

— Товарищи, внимание! Для руководства подпольной работой в колчаковском тылу ЦК РКП(б) образовал Сибирское бюро ЦК партии. Из Челябинска получены записки Якова Михайловича Свердлова, посланные Омскому комитету партии.

> «Для работы в районе Челябинск — Екатеринбург, — пишет Свердлов, — послал двух работников, одновременно посылаю курьера, считая необходимым, чтобы вы имели людей для регулярной и частой посылки…
>
> Мировая революция сделала такие шаги вперед, что остановить ее никаким силам империалистов не удалось. Внутренне мы крепче чем когда-либо. Возможны временные неудачи, но значения они не могут иметь. Мы победим!..»[16]

Когда окончилось совещание, Голубцов обратился к Горшкову.

— Очень остро поставлен вопрос о добыче и хранении оружия и боеприпасов. Демин даст тебе денег из нашей кассы, договорись с чехом Марко о покупке оружия. В ближайшие дни Полещук привезет к тебе товарища из Челябинска, Образцова. Он проверит состояние хранения оружия.

И действительно, в один из вьюжных февральских вечеров Образцов пришел на квартиру Леонида Горшкова в сопровождении Егора Полещука.

— О, какой молодой революционер, — засмеялся Образцов, когда Полещук их познакомил. И этот смех почему-то был неприятен Горшкову. Полещук вскоре ушел.

— Ну-с, — сказал Образцов. — Идемте смотреть, где у вас хранится оружие.

— Оружие спрятано в шурфах старых шахт. Сейчас туда идти небезопасно.

— Ерунда, — махнул рукой Образцов. — У нас в Челябинске белогвардейцев тьма-тьмущая, а мы у них под носом не такие дела проворачивали.

И Леонида опять неприятно поразило то, что Образцов заговорил о деле в присутствии его матери и отца.

Молча осматривал Образцов склады с оружием в старых шурфах. Окончив осмотр тайников, он подобрел.

— Молодец, товарищ, — сказал он Леониду. — Склады в отличных местах, да и оружия у вас достаточно.

Но Горшков так и не мог побороть в душе предубеждение против этого человека. После отъезда Образцова он переменил некоторые места тайников, никому об этом не сказав, даже Екимову. Знал об этом лишь верный друг Илья Петряков, помогавший по ночам перетаскивать винтовки и патроны.

КРЕПОСТЬ НЕ СДАЕТСЯ

1

Леонид прямо из шахты зашел в баню и теперь, не торопясь, шел домой, радуясь весенней теплыни. Он думал о том, что через пятнадцать-двадцать дней копи будут свободными, и можно будет жить, не боясь казачьего окрика, не просыпаясь ночью от тревожного стука в окно.

«Значит, мост ребята только повредили», — подумал Леонид о своих товарищах Петрякове, Рогалеве и Хуснутдинове. Несколько дней назад они взорвали железнодорожный мост между Чурилово и Потанино. Но уже через четыре дня колчаковцы восстановили его. Взрыв лишь нарушил слегка путь и перекидные балки, к которым прикреплялись шпалы.

Операцию по взрыву моста ребята проводили с помощью… поросенка. Взяли его у Еремея Берсенева, напоили пьяным, положили в мешок и принесли тайком к мосту. Там натерли зад скипидаром и пустили по железнодорожной линии на мост, чтобы отвлечь внимание усиленной охраны.

К. М. Рогалев.

«Надо повторить налет, — размышлял Леонид. — Попрошусь у Василия Яковлевича сам…»

Он не заметил, как догнал его Долгодворов с двумя солдатами. Колчаковцы набросились на Леонида, свалили его с ног, связали руки.

— Попался, голубчик, — прохрипел Долгодворов. — Под гребеночку вас сегодня стрижем.

В штабе контрразведки, куда привели Горшкова, уже находились Голубцов, Екимов, Полещук, Петряков, Масленников и Царегородцев.

«Это — провал, — мелькнуло в голове Леонида. — Но кто выдал?»

Степан Викторович Голубцов едва заметно кивнул Горшкову: держись, мол…

Утром сегодня Дарья Кузьминична проснулась чуть свет.

— Чего вздыхаешь? — спросил Степан.

— Не спится. Сердце будто ножом кто скребет.

— Ну, ну, не выдумывай. Слушай-ка, Дашенька. Тебе ведь вот-вот тридцать годков стукнет. Давай справим твой день рождения. Друзей пригласим, отдохнем.

Лежали, тихо переговаривались, и вдруг — громкий стук в

дверь.

— Кто там? — побледнев, застыла у дверей Дарья Кузьминична.

— Голубцов дома? Живо откройте!

— Открой, — тихо сказал Степан Викторович.

В распахнувшуюся дверь ввалились четыре колчаковца и Иван Долгодворов.

— Ну, Голубцов, собирайся, поехали.

Вскрикнула Дарья Кузьминична. Проснулся восьмилетний сын Толя. Бросился на шею отца, зашептал:

— Папа! Куда тебя эти дяденьки ведут. Не ходи от нас…

— Вернусь я скоро, сынок, не плачь, — говорит Степан Викторович, чувствуя, как спазма сжимает горло. — А если не вернусь, помни своего отца. Знай, что он всегда был честным и добрым. И ты, Даша, не кручинься, может, и вернусь.

Потом подошел к спящему младшему сыну Александру, поцеловал его.

— Спи, Шурик. Храбрым будь всегда.

Все это вспомнилось сейчас Степану Викторовичу, и снова назойливо жег вопрос: «Кто же предал? Ведь взят весь комитет. Как удалось Норенбергу напасть на след?».

Однако заслуг Норенберга в поимке копейских подпольщиков не было. Утром он получил строго секретный приказ Агапова: арестовать в течение ближайших часов таких-то людей по нижеуказанному списку. Провал случился в Челябинске. Контрразведка арестовала Образцова, который выдал руководящее ядро подпольной организации. Одного за другим хватала колчаковская контрразведка. За несколько дней было арестовано 66 человек, в том числе 14 копейчан.

2

Колчак проводил массовую мобилизацию в армию. Белогвардейцы пошли на крайние меры: насильно забирали всех, кто мог носить оружие.

В одну из облав попал и Михаил Кормильцев. Сбежать не удалось. Партию мобилизованных отправили на сборный пункт под охраной в станицу Кочкарскую, оттуда — путь в Троицк. В Троицке среди новобранцев Миша увидел Федю Кормильцева, своего однофамильца, копейчанина.

Федя хмуро спросил:

— И тебя, гады, сграбастали? Не смог открутиться и я.

Он и поведал Мише печальную весть: арестованы почти все

подпольщики копей и Челябинска.

— Кто уцелел? — сдавленным голосом спросил Михаил.

— Степан Демин, Михаил Иванов, Евстигней Егоров и Володя Вдовин. Ахматша Файзуллин и многие коммунисты ушли в леса. Жену Екимова, Прасковью Владимировну, я отвез в Кочкарь, — рассказывал Федька. — Но ее узнал урядник Васька Косарев и арестовал в тот же день. Егоров, и Демин поручили мне передать в Кочкарь моему дяде Дмитрию Кузьмичу Кормильцеву о провале нашей организации. Как я узнал позднее, Шадымов, спасая его от ареста, приказал увезти в Троицк. Но и там было неспокойно. Нашел я дядю в Токаревке у подпольщика Андрея Мальцева. Едва вернулся в Кочкарь, попал под облаву.

Ребята ждали удобного случая, чтобы уйти в партизанский отряд Жиляева. Но побег пришлось отложить — новобранцев перевели в Кустанай. Случайно Миша узнал, что отца его уволили, и он перебрался в деревню Житари. Узнал Миша и о том, что Захар Яковлевич Кормильцев помог однажды отряду Шадымова захватить белогвардейский обоз. Старый Кормильцев подрезал гужи у хомутов. Когда партизанский отряд влетел в Житари, белогвардейцы решили не принимать боя. Лошади взяли с места. Гужи лопнули. Не выдержали и чересседельники. Обоз был захвачен.

…Стемнело. Выйти из казармы не стоило большого труда: офицеры пьянствовали. Миша и Федя заранее запаслись продуктами, набрали патронов. Благополучно вышли по темным проулкам за город. Перед утром свернули к стогу сена, сели отдохнуть. Тихо переговаривались, вспоминали старых друзей.

— Прячемся! — вдруг сказал Федька.

По дороге скакал казачий разъезд. Так и провели остаток ночи и день в стогу сена. Вторая ночь пути… третья… Утром подошли к деревне Боровое. Где-то в этом районе находились партизаны. Навстречу шел, не торопясь, мужчина. Остановился, оглядел парней в белогвардейской форме.

— Далеко ли, служивые?

Сам смотрит внимательно, зорко.

— Из Кустанайского гарнизона, — открыто сказал Михаил. — Идем до командира партизан Жиляева.

Мужчина подозвал паренька в крестьянском полушубке. Увидев солдат в белогвардейской форме, тот оторопел.

— Добеги к Николаю Егоровичу, скажи, что ко мне гости пришли, — и кивнул Кормильцевым: — Идемте.

Ждать пришлось недолго. В штабе Жиляева Кормильцевы сообщили, сколько в Кустанае казачьих войск, какое у них вооружение.

Партизанский отряд готовился к захвату города.

3

К городу подошли на рассвете. Мишу и Федора вызвал Жиляев.

— Хорошо умеете ориентироваться? — спросил он. — Надо снять часовых у военного арсенала. Сделайте это бесшумно, по сигналу общей атаки. И затем охраняйте его до подхода наших.

В течение трех часов громили партизаны колчаковцев. Белогвардейцы отступили.

На следующий день каратели получили подкрепление и начали наступление на правом фланге.

Жиляевцы отходили. Возле реального училища и Михайловского собора попали под перекрестный огонь из пулеметов и залегли.

— Снять надо этот пулемет, — сказал командир, указав в сторону собора.

— Разрешите мне, — подполз к командиру Миша Кормильцев. — Двух человек в помощь дайте…

Поползли по неглубокой канаве, стараясь выйти из зоны пулеметного огня. Сразила пуля одного партизана. Второй продолжал двигаться за Мишей.

— Ну и сечет, сволота, — услышал Миша его голос. — Даже аллаха не боится.

Миша оглянулся, не то с насмешкой, не то со злостью ответил:

— Ваш аллах и наш бог — кумовья. Так и норовят заставить нас с тобой молиться.

Обогнули церковь, теперь можно привстать. Перед ними двухметровый забор, утыканный сверху толстыми гвоздями. Через секунду Миша уже был на заборе.

— Давай руку! — приказал он товарищу.

Крадучись, прошли возле построек, подобрались к лестнице на каланчу.

— Здесь охраняй, — кивнул Миша партизану. — Как хоть звать-то тебя?

— Марат. А тебя?

— Михаил, — весело подмигнул Кормильцев.

Лестница поскрипывает. Чем выше ползет Кормильцев, тем чаще на него сыплются еще теплые гильзы. Кто же там, наверху?

У пулемета лежал поп в бордовой рясе. Одним прыжком подскочил к нему, рванул от пулемета, толкнул вниз.

Взметнулись широкие полы рясы, дикий крик повис в воздухе.

Снизу донеслось дружное партизанское «ура!» Но из окна реального училища ударил пулемет. Упали убитые и раненые. Быстро развернул свой пулемет Михаил и дал длинную очередь по окну. Захлебнулся там пулемет. А из проулка уже выскочили белогвардейцы.

…Белогвардейцы гнали пленных к Троицку. Обессиленных добивали в пути штыками. Тридцать километров одолели к полуночи. А утром в промозглой тишине послышалась команда:

— Каждый десятый выходи!

Михаил Кормильцев оказался в толпе смертников. Молча простился взглядом с Федором.

Полоснули пулеметы, а остальных пленных погнали вперед.

Чудом остался в живых Михаил. Весь день пролежал под трупами. Выполз поздним вечером. Ни зги не видно в ночной степи. Нестерпимо ноет раненая нога. Но идти надо, и Михаил, закусив до крови губы, опираясь на палку, бредет вперед.

Под утро залез в стог сена. Не заметил, как заснул.

Очнулся от женского крика:

— Вылезай! Не то вилами запорю.

Кормильцев раздвинул рукой сено.

— Вылезай, вылезай…

Пришлось подчиниться: вид у женщины очень решительный.

— Ну? — сказал он.

— Не нукай, — ответила она сердито, полезла рукой за пазуху, достала горбушку хлеба. — Ешь, пока сено кладу. Не бойся, не выдам.

И все же он не решался.

— Кто ты такая?

— Казачка, — усмехнулась она. — Да не тяни время, некогда мне.

Подошла, подхватила сильными руками парня, повела к саням. Там укрыла сеном. Ехали молча. Лишь перед самой деревней женщина спросила:

— Кто тебя ранил-то?

— Человек пятьсот расстреляли казаки. Я уцелел, ушел ночью.

— Мой муж тоже погиб. Свои же, казаки, в Троицке расстреляли. Поживешь недельку у меня. Рану подлечим, а там видно будет.

Как-то вечером казачка пришла домой взволнованная. Подала Мише листок бумаги. Это был приказ коменданта Кустаная об усилении репрессии против тех, кто помогает большевикам.

Как только сгустились сумерки, женщина повезла Мишу в село Боровое. К селу подъехали ночью. Казачка грустно сказала:

— Дальше один доберешься. Возьми винтовку, как память о муже.

Осторожно пробираясь безлюдными переулками, Михаил Кормильцев подошел к дому своей тети, сестры отца. Ее муж, богатый, степенный хозяин, недолюбливал бедную родню из шахтерских копей. И все же выхода не было, надо идти к Поташкиным.

Сразу засуетилась, заохала Мария Яковлевна, узнав, что племянник ранен. Но в дверях горницы уже стоял хмурый Поташкин.

— Что, красный вояка, отвоевался? Небось, вспомнил о родне, когда туго стало, — усмехнулся он. — А когда в большевики записывался, нас не спрашивал.

Ночевал Миша в малухе. Там было прохладно, остро пахло прелой соломой и овечьим пометом. Незаметно задремал. И вдруг разом проснулся. Едва брезжил рассвет. В ограде кто-то ходил, тихо переговариваясь.

«Предал!» — мелькнуло в голове Михаила. Превозмогая боль в ноге, быстро вскочил. Осторожно расшатал доску на крыше, выглянул на улицу. Если удастся спуститься в огород, можно будет незаметно пробраться в бор. Миша вылез на крышу и повис над землей. Сильный удар в спину заставил его упасть.

Михаила вывели на станичную площадь.

— Становись! — приказал атаман, подводя Михаила к кирпичной стене каланчи. — Богу помолись.

Резкий вскрик прервал его слова. Из толпы рвалась Мария Яковлевна.

— Прощай, тетя Маша! — громко сказал Михаил. — Маме с батей передай поклон, А вам, палачам, от расплаты но уйти! Да здравствует…

Последние слова Михаила заглушил недружный винтовочный залп.

4

Старик Алексей Салоха глянул на Толю Голубцова, вздохнул и сказал:

— Иди-ка, сынок, погуляй на свежем воздухе. Что увидишь там, скажешь нам.

Едва Толя вышел, Салоха быстро заговорил:

— Слышь, Дарьюшка. Встретил я Евстигнея Егорова, говорит,

что ночью увезли мужиков в Челябинск. Надо бы тебе съездить, попросить свиданку. Никто не знает из оставшихся, где документы подпольной организации. Если колчаковцы доберутся до них, то еще человек тридцать заберут, под корень вырубят.

Старик Салоха поднялся.

— Ты, Дарьюшка, не сомневайся, что я полез в политику. К тебе сейчас заходить опасно, следят колчаковцы, вот и послал меня Евстигней, С меня-то спрос не велик, старик я, пришел попроведать, вот и все. Значит, завтра и отправляйся в Челябу-то…

Д. К. Голубцова.

На следующий день Царионов повез Дарью Кузьминичну в Челябинск. Вот уже и город. Простившись с Цариновым, Голубцова пошла к тюрьме.

— Куда прешь, тетка? — грубо окрикнул часовой.

Женщина объяснила, кто она и зачем пришла.

— Иди в штаб контрразведки за разрешением.

И снова поиски, расспросы. Наконец, вот он — штаб контрразведки. Часовой вызвал фельдфебеля, тот приказал ждать.

Дарья Кузьминична села на лавочку рядом с другими женщинами. Шло время в молчании — каждая из них несла свое горе в себе. Наконец через час появился фельдфебель, окрикнул Голубцову, повел в штаб.

Второй этаж. Просторный кабинет. За столом молодой офицер. Черные волосы гладко расчесаны на прямой пробор. Маленькие глаза смотрят остро и зло.

— Ну-с, гражданочка, чем могу быть полезен?

— Свиданку с мужем надо бы.

— Кто он таков?

— Степан Голубцов, шахтер с Челябкопей.

— Бунтарь, большевик?

— Что вы, господин офицер, простой шахтер. Разрешите свиданку, может, одежонку какую надо или еще что. Дети ведь у нас, два сына.

— Голубцов, говоришь? — остро глянул он. — С большевиками спутался. Раньше-то вы ведь жили на Кочкарских приисках, он работал на фабрике Антонова?

Дрогнуло сердце Дарьи Кузьминичны: все знает этот офицер. И все же пропуск он Голубцовой дал.

В тюрьме решетки в два ряда. Между ними ходит часовой. Пятнадцать небольших окошечек. У каждого из них — часовые. Степан Викторович похудел, лицо бледное. На верхней губе алел рубец. Правая рука висела на перевязи — на грязной и испачканной кровью тряпке. Слезы застилали глаза женщины. Не вспомнила Дарья Кузьминична о наказе старика Салохи, — все смотрела и смотрела на мужа. Но Степан Викторович сам напомнил.

— Камень под крыльцом у входа в барак есть, ямка там…

— Кончай свиданку! — закричали часовые и стали отталкивать арестованных от окошечек.

Захлебнулась слезами Дарья Кузьминична, не обратила внимания на последние слова мужа. Вернулась домой, увидела осиротевших детей, снова всплакнула.

Распахнулась дверь, быстро вошел старик Салоха.

— Видела Степана? Что он передал тебе?

— Постой, постой… Что-то о камне под крыльцом у входа.

Быстро вышли Голубцова и Салоха на улицу, подошли к громадному камню. Вокруг никого не было. Женщина и старик начали сдвигать плиту. Из-за угла барака выбежал Ванюшка Анфилофьев. Вытирая пот с лица рукавом, быстро сказал:

— Почти у всех арестованных обыски уже прошли, вот-вот сюда нагрянут.

Втроем кое-как сдвинули камень, извлекли из ямы две папки и ящичек. Камень придвинули на прежнее место.

— Все сжечь, чтоб следа не осталось, — скомандовал старик Салоха.

Так сгорела вся документация подпольной организации

копей.

Размешивая золу, старик сказал Анфилофьеву:

— Ты, Ваня, еще молод, долго жить будешь. Не забывай людей, документы которых мы сейчас сожгли.

— Не забуду, дядя Алексей, — кивнул юноша.

Через час в квартире появились колчаковцы. Они перевернули все в комнате, долго рыскали вокруг дома, перемещали с места на место бревна и крупные камни. Ничего не найдя, ушли.

И опять пришел старик Салоха.

— Ну, поняла? — прищурился он. — Не поспей мы с Ванюхой, многим труба получилась бы. И так за три дня душ тридцать колчаковцы забрали. Поезжай-ка дня через два-три к Степану, расскажи, что все в порядке.

И снова спешит Дарья Кузьминична в Челябинск, в тюрьму. Но ее попытки добиться свидания оказываются безуспешными.

— Всех отправили партиями на станцию, — буркнул фельдфебель. — Куда повезли — не знаю. Иди, иди, пока по шее не надавали.

Больше Голубцова ничего не добилась от него. Возвратившись на копи, встретила Клаву Хохлачеву.

— Не знаю, куда их угнали, — сказала похудевшая девушка. — Видела я Леню после ареста, когда приносила ему белье. Рассказывал, что бьют их сильно. Как сейчас помню его слова: «Не думай, что смерти боюсь. Жаль только, что я так мало сделал для счастья народа, для власти Советов». Ходила я в Челябинскую тюрьму вместе с мамой Лени. Он на прощание сказал: «Пусть на копях будет больше борцов за дело пролетарской революции, таких, как те, кто сидит сейчас в тюрьме — мужественные и преданные великому делу. Передай привет друзьям».

— Где же их теперь искать? — снова вырвалось у Дарьи Кузьминичны. — Знать бы, куда их повезли…

5

А эшелон с арестованными подпольщиками двигался к Уфе. Пищи не было. Давали одну воду.

Стучат колеса на стыках рельсов, вагон покачивает, и Леонид впал в тяжелое забытье. Слышится гудок паровоза, а Горшкову кажется в полусне, что это они с Клавой выбегают к разъезду Примыканино. И резко, почти физически ощутимо, качается береза, на которую влез Леонид, чтобы разглядеть чехов.

Кто-то толкнул Горшкова. Он приподнял голову.

— Слышь? Опять запели, — прошептал Илья Петряков. — Говорят, что в одном из вагонов едут женщины-подпольщицы вместе с Софьей Авсеевной Кривой. Вот они и поют.

— Да, да, теперь слышу, — ответил Леонид. — А что, если и мы! Товарищи! — громко сказал он. — Женщины поют, а мы чего в рот воды набрали? Помолчать еще на том свете успеем!

Первые слова «Интернационала» произнесли неуверенно, несмело. Но затем подхватили песню все, ей стало тесно в вагоне, она рванулась сквозь зарешеченные окна.

Пропета песня. В наступившей тишине все услышали, что и в соседнем мужском вагоне тоже поют. И это радостной волной хлестнуло по сердцу.

— Когда все вместе — это брат, сила, — сказал Леонид. Голос из темноты отозвался:

— Заводи новую! «Вихри враждебные…»

А поезд мчался вперед торопливо, едва делая короткие остановки на крупных станциях. Неизвестно откуда просочилась весть — везут в уфимскую тюрьму. Ночью проезжали Миньяр. Наряды охраны в вагонах и на станции были усилены. Станция гудела от солдатских сапог.

— Боятся, сволочи, — сказал Леонид. — Видно, здешние подпольщики готовились напасть на эшелон, а колчаковцы пронюхали.

На утро в вагон передали записку, чтобы держались крепче. Впереди будет большая станция, там встретят друзья. Арестованные замерли в ожидании. К вечеру состав затормозил было на полустанке. Послышались выстрелы, поезд резко увеличил скорость, и опять — только громыхание колес на стыках.

Хмурым апрельским днем прибыли в Уфу. Станция была окружена конными казаками, солдатами. Леонид выпрыгнул из вагона вслед за Ильей Петряковым. Он приостановил шаг, пытаясь увидеть Екимова или Голубцова, но солдат прикладом погнал дальше.

Колонна двинулась к тюрьме. Казаки теснили людей в самую грязь, плетями подгоняя отстающих. В тюрьме, когда стали разводить по камерам, они с плетями набрасывались на арестованных, кричали:

— А-а, достукались? Будет вам земля и воля!

Потянулись страшные дни пыток и издевательств.

Однажды Леонид на прогулке услышал от конвоира, что Красная Армия уже в 30 верстах от Уфы, вот-вот будет здесь.

Затеплилась надежда на освобождение.

— Неужели опоздают? — задумчиво говорил Леонид Илье.

Вскоре прямо в тюрьме начал заседать военно-полевой суд. Из шестидесяти шести человек тридцать два приговаривались к смертной казни, остальные — к различным срокам каторжных работ.

— Ну, вот и все, — сказал Илья Петряков, когда вернулись в камеру.

К вечеру тюрьма была наводнена казаками. В камерах запретили тушить огонь, всем приказано лежать в постелях.

Около часу ночи с лязгом распахнулась дверь камеры, где находились Леонид и Илья.

— Горшков, Петряков! — крикнул надзиратель. — Живо выходи!

Группу в десять человек повели на первый этаж, где торопливо зачитали приговор. А в коридоре уже ждали пьяные казаки. В ход пошли нагайки и плети. Окровавленные люди едва смогли пробраться ро двор.

Последние шаги к тюремной стене. Офицер торопливо выстраивает арестованных, отбегает к группе начальства, прибывшего наблюдать казнь опасных преступников.

Резкая команда. Залп. Пьяные казаки, ранив арестантов, бросились к ним с шашками, рубили руки, ноги, головы, с пьяным садизмом наслаждаясь стонами умирающих.

Так в ночь на 18 мая 1919 года во дворе уфимской тюрьмы были зверски убиты герои-подпольщики. Лишь к утру все было кончено. Слышался скрип двуколок. Это увозили трупы.

Вот имена тех копейчан, кто погиб в уфимской тюрьме: Василий Яковлевич Екимов, Леонид (Александр) Дмитриевич Горшков, Федор Егорович Царегородцев, Иван Матвеевич Масленников, Илья Васильевич Петряков, Дахретдин Хуснутдинов, Петр Васильевич Бухалов, Иван Каспарович Лазовский, Константин Михайлович Рогалев, Александр Андреевич Отрыганьев, Петр Васильевич Сазанов.

6

Несмотря на большие потери, Копейская подпольная организация вскоре была восстановлена.

Дарья Кузьминична Голубцова поздним апрельским вечером 1919 года пришла на квартиру Степана Демина. Здесь ее вместе с хозяином ждали Евстигней Егоров и Володя Вдовин.

— Вот и последняя весточка Степана, — кивнула Голубцова, подавая Демину плотный катышок тюремного хлеба.

— Не горюй, Дарья Кузьминична, — тихо сказал Егоров. — Те, кто остался на воле, помогут тебе и ребятишкам. Да и всякое еще может случиться: авось, и останется в живых Степан[17].

Женщина лишь слабо махнула рукой, отвернулась с горестной улыбкой.

Степан Перфильевич Демин осторожно разломал хлебный шарик. Крошечная записка выпала на стол.

— «Будьте хозяевами положения Е. и Д.», — прочитал Демин. — Что ж, — в раздумье сказал он, — Степан Викторович поручает мне и Егорову руководить борьбой.

Долго совещались в этот тихий вечер члены подполья. Руководителем организации утвердили Евстигнея Ильича Егорова, секретарем — Степана Перфильевича Демина.

— Необходимо в кратчайший срок объединить тех, кто избежал ареста, — сказал Егоров. — И, конечно, наладить связь с Челябинском. Люди у нас есть. Коммунисты — Ахматша Файзуллин, Иван Колечкин, печник Василий Николаевич Глазырин, забойщик Юнус Габдрашитов, плотник Трофим Дмитриевич Точилкин и другие. И беспартийные — Николай Павлович Собакин, Леонтий Никитич Федячкин, Григорий Пантелеевич Нищих[18], Петр Афанасьевич Набережный, Михаил Никитич Иванов. Продолжает действовать и молодежная организация: Алексей и Клава Хохлачевы, Лена Овечкина, Ваня Салоха и Ваня Точилкин.

— Главная наша задача, — объяснил Евстигней Ильич Егоров, — подготовка вооруженного выступления в момент подхода Красной Армии к Челябинску. На это и нацелим все наши силы.

И опять ночами не спали на заимке у Федула Царионова. Подпольщики печатали листовки, рассказывающие о победах Красной Армии. Лена Овечкина вместе с чехом Марко распространяла листовки среди солдат.

Продолжала служить в штабе уборщицей и Настя Собакина. Но однажды Марко подслушал разговоре штабе, и стало ясно, что девушка на большом подозрении у контрразведки.

— Жаль расставаться, — сказал Егоров Насте, — но придется тебе скрыться до прихода наших частей.

Подпольщики поручили шахтеру Наседкину увезти девушку в деревню Ячменку.

…Челябинская подпольная организация под руководством М. Медведева и И. Солодовникова особенно активизировала работу летом 1919 года, когда колчаковцы начали подготовку к эвакуации. Усилилась подпольная работа и на копях. В июньские дни Марко с помощью молодых подпольщиков организовал

партизанский отряд из русских и чешских солдат, забрал оружие и ушел в урочище Курлады, в район заимки казака Плотникова. Отряд делал налеты на обозы белогвардейцев, забирая оружие и продовольствие.

Вскоре стало известно, что готовится вывоз ценного оборудования шахт в глубь Сибири. Горные техники Александр Витвицкий и Иван Карькин сообщили об этом подпольщикам.

А. В. Витвицкий.

— Нельзя допускать ограбления шахт, — сказал Карькин. — Добро не хозяйское, а народное…

— На мой взгляд, есть хорошее решение… — заметил Витвицкий.

И вместо оборудования в ящики стали укладывать породу, кирпичи, металлический хлам, и грузили их в вагоны.

Все понимали, что решительная схватка с врагом близится. В результате упорных боев части Красной Армии неудержимым потоком устремились к Челябинску.

— Пора нам скрываться отсюда, — сказал однажды Норенберг фельдфебелю Долгодворову. — Одному в такое время пробираться небезопасно, а вдвоем сподручнее.

— Согласен, — торопливо закивал фельдфебель.

Под вечер они пришли на конный двор, подозвали конюха по прозвищу Синочка, приказали оседлать коней для дальней

поездки.

«Неспроста, — решил Синочка, оглядывая их. — Знать-то, бежать задумали. Неужто так и скроются?»

Оседлав коней, осведомился осторожно:

— Далеко ли изволите?

— Далеко, — огрызнулся Норенберг, занося ногу в стремя. — Не твое собачье дело…

— Не мое?! — гневно вскинулся конюх и метнулся за угол сарая.

— Чего это он взбесился? — кивнул Долгодворов. — Не дай бог, приведет кого…

Лошади шагом двинулись мимо сарая. Внезапно из-за угла просвистели вилы. Норенберг качнулся и упал из седла. Испуганный фельдфебель пустился наутек…

* * *

Жаркие бои развернулись в районе станции Челябинск. Вооруженные отряды железнодорожников с завода «Столль и К°» и горняков копей заняли станцию. Сюда же прибыл и партизанский отряд матроса Александра Иванова. Зная расположение станции, рабочие отряды совместно с красноармейцами выбивали колчаковцев из одного пункта за другим. Враг так и не успел отправить вагоны с награбленным имуществом: стрелочник Курмышкин пустил в разрез стрелок вражеский бронепоезд. Рабочие отряды захватили 32 паровоза, бронепоезд, три тысячи вагонов с военным и награбленным имуществом общей стоимостью в один миллиард рублей.

24 июля Челябинск был освобожден. Но ожесточенные бои под городом продолжались. Белогвардейское командование стремилось вновь захватить Челябинск. Руководил челябинской операцией лично адмирал Колчак.

А ранним утром 28 июля на копях появились Максим Сутягин и шахтер Андрей Киселев. Они сообщили Евстигнею Егорову, что Челябинский ревком и политотдел 27-й дивизии призывают встать на защиту города, создать ударные рабочие роты и выступить к месту боев.

Резко, в полную мощь взревели гудки паровозов и шахт: тревога, тревога…

— На митинг! На митинг! — передавалось от барака к бараку.

— Настало наше время, рассчитаемся с контрой за все сполна, — сказал Егоров, едва начался митинг. — За оружие надо

браться!

Вспыхнул рядом с трибуной яркий кумач знамени, принесенного Володей Вдовиным.

— Клянемся все, как один, пойти в Челябинск! — раздались голоса.

— У кого есть с собой оружие — становись! — крикнул модельщик механических мастерских Михаил Никитич Иванов. — остальные — по домам, за винтовками! Сбор здесь через полчаса.

М. Н. Иванов.

А у входа на площадь раздались радостные возгласы: сюда вступал хорошо вооруженный отряд чеха Марко. Подтянутые, идущие четким строем солдаты весело улыбались.

— Прибыли в распоряжение вашего командования, — доложил Марко Егорову. — Просим самый опасный участок.

Вскоре свыше шестисот[19] добровольцев двинулись под командованием Максима Сутягина, Евстигнея Егорова, Михаила Иванова, Степана Демина и Ивана Колечкина походным маршем к Челябинску.

На привале перед городом Сутягин и Егоров разъяснили шахтерам обстановку.

Отряд горняков, возглавляемый Степаном Деминым, и отряд чеха Марко были направлены в район станицы Долгодеревенской.

Остальные шахтеры вступили в бой на станции Челябинск.

С беспримерным мужеством сражался брат Василия Екимова — Егор. Он появлялся в самых опасных местах. Будучи раненым, не оставил позиций, залег у пулемета. Не ушел с поля боя и раненый Ваня Салоха. В решающий момент повел отряд на врага шахтер Владимир Прибылев. С пением «Интернационала» бросились в бой шахтеры.

29 июля колчаковцы были отброшены от города. А в направлении копей пробивался 242-й полк под командованием С. Вострецова.

Еще накануне ухода с шахтерским отрядом Евстигней Егоров строго наказал Леонтию Федячкину сохранить наиболее ценное шахтное оборудование. Леонтий Никитич Федячкин вместе с Митрофаном Хрисантьевичем Кулябиным, сняв ценные части паровой машины, спустились в шахту. Девять-десять дней провели они там, крепя горные выработки, откачивая воду.

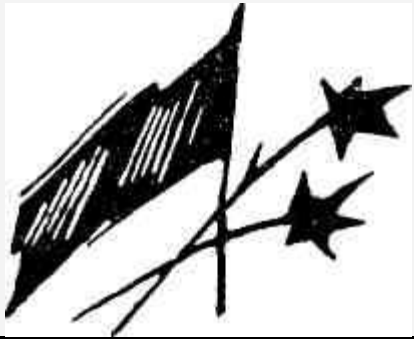
В день освобождения копей исхудалые, обросшие, они поднялись из шахты. Впоследствии Л. Н. Федячкину было присвоено звание Героя Труда.

Над копями занималась заря новой жизни. Началась работа по организации добычи угля. Из армии возвращались горняки. Во главе правления Челябинских угольных копей стал З. Я. Филонов.

Шли дни, месяцы, годы. И вот — январь 1925 года. Радостная весть пришла на копи.

> «Постановлением Президиума ЦИК Союза ССР от 2-го января с. г. награждается орденом Красного Знамени коллектив рабочих Челябинских угольных копей за помощь, оказанную Красной Армии 24-го июля 1919 года при занятии города Челябинска, когда в трудный момент рабочие влились в ряды Красной Армии и, презирая смерть, с пением «Интернационала» бросились в бой и тем самым помогли Красной Армии отстоять узловой пункт — Челябинск».

Шахтерский город, маленькая крепость революции, стал одним из первых краснознаменных городов страны.



notes

Примечания

1

Сейчас на месте бывших Сергинско-Уфалейских копей выстроен машиностроительный завод им. С. М. Кирова.

2

Ныне поселок Северный рудник.

3

В настоящее время шахта «Красная горнячка».

4

Южная группа копей: Сергинско-Уфалейские, Емельяновские, Ашанинские, Пентеговские.

5

Борьба за Советскую власть на Южном Урале. 1914—1918 гг. Сб. документов и материалов. Челябинское книжное издательство, 1957, стр. 200.

6

Государственный архив Свердловской области, ф. 24, оп. 28, д. 147/1/, л. 181.

7

Копейский краеведческий музей, партизанский архив, том 1, акт 410, л. 2.

Ныне там расположен механический цех № 1 машиностроительного завода им. С. М. Кирова.

9

Партийный архив Свердловского обкома КПСС, ф. 41, оп. 1, д. 758, л. 6.

10

Партийный архив Челябинского обкома КПСС, ф. 77, оп. 1, д. 12, л. 1.

11

Ныне улица А. Горшкова в Копейске.

12

Сейчас здесь расположены хлебозавод № 1 и молокозавод.

13

Ныне д. Чудиново Октябрьского района.

С 1925 года — Новосибирск.

15

После освобождения копей Л. Ф. Гольц работал заведующим одной из шахт.

16

Партийный архив Омского обкома КПСС, ф. 19, оп. 2, д. 109, л. 1.

17

С. В. Голубцов погиб в ноябре 1919 года в Иркутской тюрьме.

18

Г. П. Нищих расстрелян белогвардейцами 20 июля 1919 года.

19

Государственный архив Челябинской области, ф. 991, оп. 1, ед. хр. 21, лл. 6—7.